

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

№ 3 (45), 2016

Общественная ассоциация «Русь»

Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русьны

2016, 3 (45)

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus, First Hierarch
of the Russian Orthodox Church Abroad, Metropolitan
of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2016, 3 (45)

Association "Rus" (Kishinev, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Сергей Суляк

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Заместитель главного редактора

Дмитрий Катунин

Томский государственный университет (Россия)

Николай Бабилунга

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михаил Губогло

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук (Россия)

Юрий Данилец

Ужгородский национальный университет (Украина)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Александр Майоров

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Всеволод Меркулов

Академия ДНК-генеалогии (Россия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Сочинский государственный университет (Россия)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Петр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

Editorial Board:

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Deputy Editor-in-Chief

Dmitry Katunin

Tomsk State University (Russia)

Nikolai Babilunga

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhail Guboglo

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Yuriy Danilets

Uzhhorod National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Alexander Maiorov

St. Petersburg State University (Russia)

Vsevolod Merkulov

The Academy of DNA Genealogy (Russia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodo!

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

Sochi State University (Russia)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

Editor's Address: Association "Rus". M. Kogalniceanu Street, 24, ap. 1A,
Kishinev, MD 2001, Moldova. Tel.: (+373 22) 28-75-59. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Association "Rus", 2016

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЦА РЕДАКТОРА	7
II ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ»	
<i>Резанова З.И.</i> ОТ РЕДАКТОРА ВЫПУСКА	9
<i>Резанова З.И., Некрасова Е.Д.</i> КАТЕГОРИЯ АБСТРАКТНОСТИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ: КОГНИТИВНЫЕ РЕФЛЕКСЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ	17
<i>Тубалова И.В., Филь Ю.В.</i> СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «СОВЕТСКОГО» В ДИСКУРСАХ РОССИЙСКИХ И ЧЕШСКИХ СМИ	33
<i>Садыкова И.В.</i> ЛЕКСИКА ТАКТИЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ	49
<i>Копорова К., Голубкова М., Плішкова А.</i> РУСИНЬСКО-РОСІЙСЬКІ ФРАЗЕОЛОГІЧНІ ЕКВІВАЛЕНТИ ІЗ ЗВІРЯЧИМ КОМПОНЕНТОМ	68
<i>Оглезнева Е.А.</i> СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ПРИСУТВИЕ В КИТАЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в. (НА МАТЕРИАЛЕ ХАРБИНА – ЦЕНТРА РУССКОГО ВОСТОЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ)	90
<i>Дронова Л.П.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НЕОБХОДИМОСТИ В РУСИНСКОМ ЯЗЫКЕ: АРЕАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	107
<i>Ломакина О.В., Мокиенко В.М.</i> ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУСИНСКИХ ПАРЕМИЙ НА ФОНЕ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ	119
<i>Шилигин К.А.</i> СЛАВЯНСКИЙ АДСТРАТ В ГИБРИДНОЙ ГЛАГОЛЬНО-ПРЕФИКСАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ИДИША	129
<i>Старикова Г.Н.</i> НАЗВАНИЯ РУСИНСКИХ ПРАЗДНИКОВ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ЯЗЫКОВОЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИЧНОСТИ НАРОДА	146
<i>Толстик С.А.</i> ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ <i>КАРТАВІЙ</i> В РУСИНСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА	162
<i>Катунин Д.А.</i> РАВНОПРАВИЕ ЭТНОСОВ И ЯЗЫКОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ФЕДЕРАТИВНОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ЮГОСЛАВИЯ (1946–1963 гг.) КАК ОДИН ИЗ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ ПРИНЦИПОВ СОЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВА	174
II МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЯ КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКИХ ЗЕМЕЛЬ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XXI в.»	
<i>Суляк С.Г.</i> ГАЛИЦКАЯ РУСЬ В РОССИЙСКИХ НЕПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	190
<i>Русев Н.Д.</i> ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СЕЛЬСКИЕ ЖИТЕЛИ БУДЖАКА (ИЗ МИКРОИСТОРИИ БЫВШЕЙ БОЛГАРСКОЙ КОЛОНИИ)	217
<i>Гарусова О.А.</i> ПЛАТОНОВСКИЙ ПРИЮТ. К ИСТОРИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В БЕССАРАБИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	232
БИБЛИОГРАФИЯ	
<i>Магсумов Т.А.</i> ДЖИГЕТЫ: БОЛЬШАЯ ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКОГО НАРОДА	247
<i>Суляк С.Г.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В.В. ВАСИЛИКА «ЦЕРКОВЬ И ИМПЕРИЯ В ВИЗАНТИЙСКИХ ЦЕРКОВНО-ПОЭТИ- ЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ» (СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2016. 640 с.)	254

CONTENTS

EDITOR'S PAGE	7
THE 2ND INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE "SLAVIC LANGUAGES: RESPONDING TO NEW CHALLENGES"	
<i>Rezanova Z.I.</i> EDITORIAL	9
<i>Rezanova Z.I., Nekrasova E.D.</i> THE CATEGORY OF ABSTRACTEDNESS IN THE RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES: COGNITIVE REFLEXES OF FORMALISATION.....	17
<i>Tubalova I.V., Fil Y.V.</i> THE CONTENT INTERPRETATION OF THE "SOVETSKIY" IN THE RUSSIAN AND CZECH MEDIA DISCOURSES	33
<i>Sadykova I.V.</i> VOCABULARY OF TACTILE PERCEPTION IN EAST SLAVIC LANGUAGES.....	49
<i>Koporova K., Holubkova M., Plishkova A.</i> RUSIN-RUSSIAN IDIOMATIC EQUIVALENTS WITH THE ZOONYMIC COMPONENT	68
<i>Oglezneva E.A.</i> SLAVIC LANGUAGES IN CHINA IN THE EARLY 20TH CENTURY (A CASE STUDY OF HARBIN – THE CENTER OF THE RUSSIAN EAST ÉMIGRÉ COMMUNITY)	90
<i>Dronova L.P.</i> LEXICAL MEANS OF EXPRESSING NECESSITY IN THE RUSIN LANGUAGE: GEOGRAPHICAL AND HISTORICAL ASPECTS	107
<i>Lomakina O.V., Mokienko V.M.</i> COGNITIVE POTENTIAL OF RUSIN PROVERBS COMPARED WITH THOSE IN THE RUSSIAN AND UKRAINIAN LANGUAGES.....	119
<i>Shishigin K.A.</i> THE SLAVIC ADSTRATUM IN THE HYBRID YIDDISH PREFIXED VERB SYSTEM	129
<i>Starikova G.N.</i> THE NAMES OF RUSIN HOLIDAYS AS THE EVIDENCE OF LINGUISTIC AND ETHNO-CULTURAL SPECIFICITY OF THE NATION	146
<i>Tolstik S.A.</i> THE ADJECTIVE <i>KARTAVYY</i> IN THE RUSYN LANGUAGE AS A CHARACTERISTIC OF HUMAN APPEARANCE.....	162
<i>Katunin D.A.</i> EQUALITY OF ETHNIC GROUPS AND LANGUAGES IN THE LAWS OF THE FEDERAL PEOPLE'S REPUBLIC OF YUGOSLAVIA (1946–1963) AS A FUNDAMENTAL PRINCIPLE OF THE STATE FORMATION.....	174

THE 2ND INTERNATIONAL CONFERENCE "THE HISTORY OF THE CARPATHIAN-DNIESTER LANDS FROM ANCIENT TIMES TO THE EARLY 21ST CENTURY"

<i>Sulyak S.G.</i> GALICIAN RUS IN RUSSIAN NON-PERIODICALS DURING THE EARLY STAGES OF WWI.....	190
<i>Russev N.D.</i> WWI AND THE VILLAGERS OF BUDJAK (THE EXPERIENCE OF MICRO-HISTORY)	217
<i>Garusova O.A.</i> THE ORPHANAGE OF PLATON. ON THE CHARITY IN BESSARABIA DURING WWI	232

BIBLIOGRAPHY

<i>Magsumov T.A.</i> THE JIGETS: A GREAT HISTORY OF A SMALL PEOPLE	247
<i>Sulyak S.G.</i> REVIEW: VASILIK V.V. THE CHURCH AND EMPIRE IN THE BYZANTINE ECCLESIASTIC POETRY. ST. PETERSBURG: ALETEYYA, 2016. 640 p.	254

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ!

По итогам 2015 г. «Русин» занял первое место среди исторических журналов Восточной Европы, индексируемых в БД «Scopus». Также «Русин» вошел в самый престижный первый квартиль (Q1). SJR (*SCImago Journal Rank – показатель, учитывающий наряду с цитируемостью степень авторитетности журналов, ссылающихся на данный журнал. Разработан в 2000-х гг. исследовательской группой «SCImago» испанского Университета Гранады на основе базы данных «Scopus»*) составил 0,357. H index (индекс Хирша) журнала – 4 (см.: <http://www.scimagojr.com/journalrank.php?category=1202&area=1200&country=Eastern%20Europe&year=2015>).

На сегодняшний день в «Scopus» индексируются 29 713 изданий по техническим, медицинским и гуманитарным наукам. Среди них 943 исторических журнала. Из них 62 издаются в Восточной Европе.

Среди индексируемых в «Scopus» журналов - 251 российский, 163 румынских, 40 украинских, 4 молдавских, 2 белорусских и 2 казахстанских.

Из российских изданий, индексируемых в «Scopus», 11 входят в категорию «Arts and Humanities» («Искусство и гуманитарные науки»), из них 5 – исторические. Среди изданий Румынии – 37 в категории «Искусство и гуманитарные науки» (13 исторических). Из украинских и белорусских изданий, индексируемых в «Scopus», нет ни одного из вышеуказанной категории. Из молдавских журналов к категории «Искусство и гуманитарные науки» относятся два («Русин» и «Stratum Plus»).

По итогам 2015 г. по научным показателям (Country Ranking) Молдавия занимает в общем рейтинге среди 231 страны 115-е место (после Султаната Брунея и Ливии), Россия – 14-е, Румыния – 38-е, Украина – 46-е, Казахстан – 68-е, Белоруссия – 75-е. В первую десятку вошли США, Китай, Великобритания, Германия, Индия, Япония, Франция, Италия, Канада, Австралия (см.: <http://www.scimagojr.com/countryrank.php?year=2015>).

Высокие показатели журнала «Русин» – итоги многолетней работы членов редколлегии и авторского коллектива.

Разумеется, это накладывает дополнительные требования к качеству материалов, публикуемых в нашем издании.

С.Г. Суляк,
главный редактор

**DEAR MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD,
AUTHORS AND READERS!**

At the end of 2015 *Rusin International Historical Journal* was ranked first among Eastern European historical journals indexed in the Scopus database. The journal also entered the most prestigious first quartile (Q1), with SJR making 0,357 (*SCImago Journal Rank accounts both the number of citations and prestige of the journals where such citations come from. It was developed in the 2000s by SCImago research team from the University of Granada on the basis of the Scopus database*). The H-index of the journal is 4 (See more: <http://www.scimagojr.com/journalrank.php?category=1202&area=1200&country=Eastern%20Europe&year=2015>).

Today Scopus indexes 29,713 titles on technical, medical and social sciences, among which 943 are historical, 62 of these are published in Eastern Europe.

Among the journals indexed by Scopus there are 251 Russian, 163 Romanian, 40 Ukrainian, 4 Moldavian, 2 Belarusian, and 2 Kazakh.

Of the Russian titles indexed by Scopus, there are 11 in the category "Arts and Humanities", of which 5 are historical. Among the Romanian titles, 37 are in the category "Arts and Humanities", with 13 historical. There are no Ukrainian and Belarusian titles indexed by Scopus in the categories mentioned above. There are two Moldovan journals in the category "Arts and Humanities" (*Rusin* and *Stratum Plus*).

In the Country Ranking of 231 countries at the end of 2015, Moldova was 115th (after the Sultanate of Brunei and Libya), Russia – 14th, Romania – 38th, Ukraine – 46th, Kazakhstan – 68th, Belarus – 75th. The top ten includes the United States of America, China, the United Kingdom, Germany, India, Japan, France, Italy, Canada, and Australia (see more: <http://www.scimagojr.com/countryrank.php?year=2015>).

High indicators of *Rusin International Historical Journal* are the results of years of work of the editorial board and authors. Of course, it imposes additional requirements to the quality of the materials published in the journal.

*Sergey Sulyak,
Editor-in-Chief*

ОТ РЕДАКТОРА ВЫПУСКА

В данном номере журнала представлены статьи, подготовленные участниками Всероссийской научной конференции с международным участием «Славянские языки в условиях современных вызовов», проходившей 13–14 мая 2016 г. в Томском государственном университете. Организаторами конференции выступили Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск, Россия), Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдова) и редакция международного исторического журнала «Русин».

Программный комитет, возглавляемый профессором Томского государственного университета Л.П. Дроновой и редактором международного исторического журнала «Русин» С.Г. Суляком, и организационный комитет под руководством профессора З.И. Резановой стремились к созданию условий эффективного обсуждения актуальных научных проблем существования славянских языков в современном активно изменяющемся мире.

Проблемное поле обсуждений конференции включало широкий круг вопросов, касающихся не только современного состояния славянских языков, установления онтологии и функционирования единиц разных уровней языковой системы, но и процессов их исторической динамики. Важное направление анализа славянских идиомов, представленное в докладах конференции, – анализ исторического, культурного, социального контекста языковой динамики, разнонаправленных межславянских контактов и взаимовлияний.

Одна из задач организаторов конференции – создание условий междисциплинарного научного диалога, необходимого для плодотворного сотрудничества разных направлений гуманитарной науки. Основой данного диалога явилось обсуждение докладов, представляющих результаты исследований, выполненных не только с использованием собственно языковых данных и лингвистических методов их интерпретации, но и с привлечением данных истории, культуры, этнографии народов и культур славянского мира. В этом аспекте хотелось бы отметить значительный позитивный эффект от личного участия в работе конференции редактора журнала «Русин» С.Г. Суляка, который представил доклад, посвященный историографии исследований языка славяно-молдавских грамот XIV–XVII вв.*

* Статья по материалам доклада опубликована в «Вестнике Томского государственного университета. Филология» (Суляк 2016).

Важной задачей являлось также привлечение к дискуссии в рамках конференции исследователей, работающих не только с использованием традиционной устоявшейся лингвистической методологии, но и вовлекающих новые исследовательские приемы, притягивающие в исследование новые типы данных. Это направление изучения славянских языков было представлено работами, выполненными с применением корпусных данных, и психолингвистическими исследованиями, проводимыми на основе поведенческих экспериментов и статистической обработки полученных результатов.

Дискуссии участников конференции были организованы в рамках трех секций, материалы которых репрезентативно представлены в данном выпуске журнала.

Активное сотрудничество организаторов конференции с редколлегией журнала «Русин», миссия которого – «публикация исследований по истории, культуре и языку русинов (руснаков)», проявилось в том, что в этом году на конференции работала секция «Русинский язык в контексте славянских взаимодействий». Основная направленность докладов участников данной секции – сравнительно-историческое исследование лексики и фразеологии русинского языка. Во всех докладах были представлены результаты анализа семантики и системных связей лексических и фразеологических единиц русинского языка в контексте истории и культурного своеобразия русинского этноса. Ярким примером данного подхода является статья Г.Н. Стариковой «Русинские названия праздников как свидетельство языковой и этнокультурной специфичности народа», написанная по материалам выступления. В публикации автор результативно использует прием культурологического комментария при описании данной лексико-семантической группы, справедливо отмечая, что анализируемая лексика относится к числу культурно маркированной, отражающей в семантике, в коннотативной зоне значения «ценности этноса, тесно связанные с историей его развития, формированием мировосприятия и верований его представителей». В этой, как и в большинстве других, публикации исследуются экстралингвистические этнокультурные факторы формирования своеобразия фрагментов лексических и фразеологических систем русинского языка. Так, анализируя русинские пословицы на фоне русского и украинского языков, О.В. Ломакина и В.М. Мокиенко приходят к выводу о различной силе западно- и восточнославянских языковых и культурных влияний на язык русинов. Л.П. Дронова, анализируя лексические средства выражения семантики необходимости в русинском языке, приходит к выводу, что данная лексическая группа свидетельствует о тесных контактах русинского языка с западнославянскими языками. Об этих же тенденциях свидетельствуют и результаты выполненного И.В. Садыковой анализа лексической группы со значением

тактильных ощущений, имеющей более позднее время формирования в славянских языках по сравнению с лексикой зрительного и слухового восприятия. Аспекты межславянского взаимодействия, отраженные в лексической системе русинского языка, С.А. Толстик рассматриваются сквозь призму лексемы со значением «картавый», имеющей развитую систему синонимических, омонимических и полисемических соответствий в современных славянских языках. Во всех статьях отмечаются свидетельства культурного и языкового контактирования русинов с неславянскими языками региона.

Секция «Социолингвистические и культурологические исследования славянских взаимодействий» представлена в данном выпуске журнала четырьмя статьями. В статье Д.А. Катунина обсуждаются важные социальные проблемы современного существования славянских языков – проблемы языкового законодательства, определяющего социальный статус языковых идиомов. Данная тема активно исследуется Д.А. Катуниним, представляющим результаты мониторинга языковой политики государств относительно различных славянских языков в периодических научных изданиях, в том числе и на страницах журнала «Русин» (Катунин 2012, Катунин 2014). В данном выпуске журнала исследователь представляет результаты анализа того, как отражается социальный статус черногорского языка в языковом законодательстве стран региона.

Е.А. Оглезнева, автор широко известных работ по языку русского восточного зарубежья, представляет результаты сравнительного социологического анализа факторов, обусловивших присутствие русского, украинского, польского и белорусского языков в Китае (в Харбине) в начале XX в., выявляя состав славянских идиомов и их статус.

Анализ этноязыковых контактов славян как экстралингвистическая основа формирования семантики единиц неславянского языка представлен в статье К.А. Шишигина «Славянский адстрат в гибридной глагольно-префиксальной системе идиша», в которой автор доказывает, что современная глагольно-префиксальная система идиша формировалась в условиях системного влияния славянских (и в меньшей мере семитских) словообразовательных моделей.

Акцент на результатах применения новейших методов лингвистических и междисциплинарных исследований современных славянских языков был сделан в докладах секции «Когнитивные и дискурсивные исследования славянских языков». В журнале данная секция представлена двумя статьями. Статья И.В. Тубаловой и Ю.В. Филь «Содержательная интерпретация "советского" в дискурсах русских и чешских СМИ» выполнена с опорой на методологию современного критического дискурс-анализа с привлечением данных национальных корпусов рус-

ского и чешского языков. Обращение к анализу текстовых репрезентаций идеологически значимого концепта в общественно-политическом контексте современной России и Чехии позволило авторам охарактеризовать не только различие текстовых актуальных смыслов данной лексемы, но и социально-исторические детерминации выявленных различий. В статье З.И. Резановой и Е.Д. Некрасовой, выполненной в русле когнитивной экспериментальной парадигмы, выявлено различие в когнитивной обработке категории конкретности-абстрактности, имеющей в сравниваемых языках близкое, но не тождественное формальное маркирование.

Таким образом, можно констатировать, что сотрудничество организаторов конференции «Славянские языки в условиях современных вызовов» с редколлегией журнала «Русин» оказалось плодотворным и содействовало консолидации славистов на изучении разных аспектов межславянского языкового взаимодействия с использованием широкого спектра междисциплинарных методов, привлекло внимание к изучению русинского языка, прежде всего его в сравнительно-историческом аспекте.

*Председатель оргкомитета конференции,
профессор, зав. кафедрой общего,
славяно-русского языкознания и классической филологии
Томского государственного университета,
член редколлегии журнала «Русин»
З.И. Резанова*

ЛИТЕРАТУРА

Катунин 2012 - Катунин Д.А. Языковое законодательство Косова и Метохии в постсоциалистический период: сербская версия // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 365. С. 19–24.

Катунин 2014 - Катунин Д.А. Русинский и словацкий языки в современном законодательстве Хорватии // Русин. 2014. № 2 (36). С. 296–311.

Суляк 2016 - Суляк С.Г. О языке славяно-молдавских грамот XIV–XVII вв. (к историографии вопроса) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 4 (42). С. 73–97. DOI: 10.17223/19986645/42/72016

EDITORIAL

This issue contains articles written by the participants of the All-Russian Conference with International Participation “Slavic Languages: Responding to New Challenges” held in Tomsk State University on May 13–14, 2016. The conference was organized by National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia), Public Association “Rus” (Chişinău, Moldova) and the Editorial Board of *Rusin International Historical Journal*.

The Program Committee chaired by Professor of Tomsk State University L.P. Dronova and the editor of *Rusin International Historical Journal* S.G. Sulyak, and the Organizing Committee led by Professor Z.I. Rezanova sought to create the best atmosphere for effective academic discussion of topical problems of modern Slavic languages in the actively changing world.

The discussion focused on a wide range of issues relating the current state of the Slavic languages, the ontology and functioning of the units at various levels of the language system, and their historical dynamics. An important trend in the research of Slavic idioms represented at the conference was the analysis of the historical, cultural and social context of language dynamics, various Slavic contacts and mutual influences.

The conference aimed at providing conditions for interdisciplinary academic dialogue needed for fruitful cooperation of different branches of humanities. This dialogue was based on the discussion of reports representing the results of studies carried out on the basis of language data and linguistic methods of their interpretation as well as using the data of history, culture, and ethnography of the Slavic world. An important contribution in this regard was provided by S.G. Sulyak, the chief editor of *Rusin*, who represented his report on the historiography of the language studies of the Slavic-Moldavian charters of the 14th–17th centuries*.

Another important task was to engage the researchers who work outside the traditional linguistic methodology and use new techniques and new types of data. This direction of the Slavic language studies was presented in the works that used the corpus data as well as psycholinguistic research basing on the behavioral experiments and statistical processing of the results.

The Conference program was composed of three sections, the results of which are presented in this journal.

---

* The article based on this report is published in Tomsk State University Journal of Philology (Sulyak 2016).

The active cooperation between the Conference Board and *Rusin International Historical Journal*, aimed at publishing the studies in history, culture and language of the Rusins (Rusnaks), resulted in the section “The Rusin language in the context of Slavic interactions”, devoted to the comparative and historical studies of vocabulary and phraseology of the Rusin language. The reports represented the analysis of semantics and systemic relations of lexical and phraseological units of the Rusin language in the context of the historical and cultural identity of the Rusin ethnic group, as for instance, in G.N. Starikova’s “The names of Rusin holidays as the evidence of linguistic and ethno-cultural specificity of the nation,” where the author uses cultural commentary to describe the lexical-semantic group as culturally marked and reflecting in its semantics and connotation “the values of the ethnicity that are closely connected with the history of its development, the formation of the world perception and beliefs.” Most of the researchers study the extralinguistic and ethnocultural factors of the specificity of lexical and phraseological systems of the Rusin language. For instance, analyzing the Rusin paroemias compared with the Russian and Ukrainian languages, O.V. Lomakin and V.M. Mokienko come to the conclusion that West and East Slavic languages and cultures had different impact on the Rusin language. L.P. Dronova analyses the lexical means of expressing the semantics of necessity in the Rusin language, comes to the conclusion that this lexical group shows close contacts of the Rusin language with the West Slavic languages. The same results are achieved by I.V. Sadykova, who analyses the lexical group with the meaning of tactile sensations, which has a later time of formation in the Slavic languages compared with the words denoting visual and auditory perception. S.A. Tolstik uses the lexical unit “kartavyj” with its developed system of synonymy, homonymy and polysemy in modern Slavic languages to show the aspects of the Slavic interaction reflected in the lexical system of the Rusin language. All articles discuss the cultural and linguistic contact between the Rusins and the non-Slavs of the region.

The Section “Sociolinguistic studies in Slavic languages” is represented by four articles. D.A. Katunin discuss important social issues of modern Slavic languages – language laws determining the social status of language idioms. D.A. Katunin focuses on the language policy in Slavic-speaking states on the materials of different academic journals, including *Rusin* (Katunin 2012, Katunin 2014). In this issue the researcher analyses the social status of the Montenegrin language in the language legislation of the countries in this region.

E.A. Oglezneva, the author of well-known works about the language of the Russian Eastern expat community, represents the results of the

comparative sociological analysis of the factors determining the presence of Russian, Ukrainian, Polish and Belarusian languages in China (Harbin) in the early twentieth century, identifying the composition and status of Slavic idioms.

In his article “The Slavic adstratum in the Yiddish hybrid prefixed verb system” K.A. Shishigin analyses the ethnolinguistic contacts of the Slavs as the extralinguistic basis for the formation of semantics of non-Slavic language units. The author shows that modern Yiddish prefixed verb system formed under the systemic influence of the Slavic and, to a lesser extent, Semitic word-building models.

The Section “Cognitive and discursive studies of Slavic languages” makes an emphasis on the application of the latest methods of linguistic and interdisciplinary research of modern Slavic languages. The article “The content interpretation of the Soviet in the Russian and Czech media discourses” by I.V. Tubalova and Y.V. Fil is based on the methodology of contemporary critical discourse-analysis involving the data from national corporuses of the Russian and Czech languages. The analysis of textual representations of the ideologically meaningful concept in the socio-political context of contemporary Russia and the Czech Republic allowed describing differences in actual text meanings of the lexical unit as well as their socio-historical determinations. Conducting their research within the experimental cognitive paradigm, Z.I. Rezanova and E.D. Nekrasova identify the differences in the cognitive processing of the category “abstractedness”, which has close, but not identical formal marking in the languages compared.

Thus, it is obvious that the fruitful cooperation of the “Slavic Languages: Responding to New Challenges” Conference Board with the *Rusin International Historical Journal* promoted the collaboration of Slavists who study various aspects of the Slavic language interaction using a wide range of interdisciplinary methods. It also attracted the attention to the study of the Rusin language, especially in its comparative-historical aspect.

*Head of the Organizing Committee,
Professor, Head of the General
Slavonic-Russian Linguistics and
Classical Philology Department of Tomsk State University,
member of the Rusin Editorial Board
Z.I. Rezanova*

REFERENCES

Katunin, D.A. (2012) Language legislation of Kosovo and Metohija in post-socialist period: Serbian version. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 365. pp. 19-24 (In Russian).

Katunin, D.A. (2014) Rusinskiy i slovatskiy yazyki v sovremennom zakonodatel'stve Khorvatii [The Rusinian and Slovak languages in the current legislation of Croatia]. *Rusin*. 2 (36). pp. 296-311.

Sulyak, S.G. (2016) On the language of the Slavonic-Moldavian documents of the 14th-17th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (42). pp. 73-97. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/42/72016

УДК 81'23

UDK

DOI: 10.17223/18572685/45/3

КАТЕГОРИЯ АБСТРАКТНОСТИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ: КОГНИТИВНЫЕ РЕФЛЕКСЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ*

З.И. Резанова¹, Е.Д. Некрасова²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: rezanovazi@mail.ru

²E-mail: nekrasovaed@yandex.ru

Авторское резюме

В статье представлены результаты проведенного сравнительного анализа восприятия лексем русского и болгарского языков, противопоставленных по признаку конкретности-абстрактности, в ситуации психолингвистических поведенческих экспериментов. Доказывается тезис о том, что сравнительно большая степень формализации категории абстрактности в болгарском языке в сравнении с русским языком оказывает влияние на интерпретацию лексем в ситуации бимодального (аудиально-визуального) восприятия, что проявляется в значимом различии скорости обработки стимулов. Результаты проведенного эксперимента позволили сделать вывод о различиях в схеме когнитивной обработки значений слов, характеризующихся разными типами формализации семантических различий. Полученные результаты согласуются с теорией влияния типа информации на когнитивную обработку знака при полимодальном восприятии, даже в условиях, когда эта информация не находится в фокусе произвольного внимания. Результаты исследования значимы для осознания когнитивных следствий варьирования способов формального маркирования семантически подобных категорий в близкородственных языках.

Ключевые слова: русский язык, болгарский язык, категория абстрактности, психолингвистический эксперимент, поведенческий эксперимент, бимодальное восприятие.

* Исследование выполнено в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета в 2015–2016 гг. (проект № 8.1.37.2015).

THE CATEGORY OF ABSTRACTEDNESS IN THE RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES: COGNITIVE REFLEXES OF FORMALISATION*

Z.I. Rezanova¹, E.D. Nekrasova²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: rezanovazi@mail.ru

²E-mail: nekrasovaed@yandex.ru

Abstract

The article presents the results of a comparative analysis of the perception of words in the Russian and Bulgarian languages. The analysed words were opposed by the grammatical category of abstractedness. The leading method of research was the psycholinguistic behavioral experiments. The authors prove the thesis that the grammatical category of abstractedness in the Bulgarian language has a higher degree of formalisation compared with that in the Russian language, which influences the interpretation of words during the bimodal (audio-visual) perception: the rate of processing stimuli in Bulgarian is higher than in Russian. The results of the experiment led to the conclusion that there are differences in the pattern of cognitive processing of word meanings, characterised by different types of formalisation of semantic differences. These results are consistent with the theory about the influence of the information type on the cognitive processing of the sign in the multimodal perception, even in the circumstances when this information is out of the focus of voluntary attention. The findings are important for understanding the cognitive consequences of varying the ways of formal marking of the semantically similar categories in cognate languages.

Keywords: Russian language, Bulgarian language, category of abstractedness, psycholinguistic experiment, behavioral experiment, bimodal perception, multimodal perception.

Введение

Современная когнитивная лингвистика разрабатывает методы анализа языковых единиц, способные дополнить данные об их онтологических и функциональных особенностях, полученные с ис-

* This study was supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme in 2015–2016 (Research Grant Nr 8.1.37.2015).

пользованием собственно лингвистических методик. К таким активно развиваемым методам относятся поведенческие эксперименты, позволяющие делать выводы о свойствах, особенностях семантики, формы, функционирования языковых единиц на основании сходств и различий их когнитивной обработки.

Данная работа выполнена в русле экспериментальной когнитивной парадигмы, в ней представлены результаты исследования того, как влияют различия в степени формализации семантической оппозиции конкретных и абстрактных имен в двух близкородственных языках – русском и болгарском – на характер их когнитивной обработки в ситуации бимодального восприятия. Как известно, в этих языках категория имеет статус лексико-грамматического разряда, существуя как формально маркированное семантическое противопоставление двух классов лексем. Отметим моменты общности противопоставления разрядов конкретных и абстрактных существительных в рассматриваемых языках.

В «Русской грамматике» отмечается, что лексико-грамматические разряды образуются семантическим противопоставлением: слова, «называющие вещи, лица, факты и все явления действительности, которые могут быть представлены в отдельности и *подвергнуты счету*» vs «слова, называющие отвлеченные понятия, свойства, качества, действия и состояния». Данное семантическое противопоставление имеет корреляцию с грамматической категорией числа: все **конкретные** существительные, исключая *pluralia tantum*, имеют формы единственного и множественного числа, а абстрактные обычно не имеют форм мн. ч. (*молодость, отчизна* vs *дерево, компьютер*). При этом грамматисты отмечают значительную «чуткость» формы к семантическим изменениям в сторону приобретения контекстуальной конкретности, сопровождающимся возможностью образования форм множественного числа (РГ 1980: 460).

В болгарском языке также отвлеченные имена существительные (*младост* (молодость), *обич* (любовь), *войниклък* (военная служба) и др.) не образуют (или почти не образуют) форм множественного числа, а потому причисляются к группам форм *singularia tantum*. При этом в грамматиках также отмечается возможность образовывать парадигмы по числу в ситуациях конкретизации значения (*младост* vs *младина* (более конкретный вариант, обладающий парадигмой форм числа): *на младините си* (в молодые годы свои)) (Маслов 1956: 76).

Противопоставлены конкретные и абстрактные существительные в русском и болгарском языках и составом словообразовательных аффиксов (табл. 1). В языках выделяются деривационно маркированные классы абстрактных имен, при этом отмечается значительная

определенности, противопоставленных по числу. Абстрактные имена не имеют такого маркирования, что является следствием отсутствия парадигмы по числу.

Большая степень формальной маркированности противопоставления абстрактных и конкретных существительных в болгарском языке по сравнению с русским дает основание предположить возможность различий в характере когнитивной обработки (процессов понимания) данных классов слов в сравниваемых языках. Данная гипотеза основывается на совокупности теоретических положений и результатах наших предшествующих исследований (Некрасова 2015; Резанова, Некрасова 2015; Rezanova et al. 2015; Некрасова 2016).

Мы анализируем процессы когнитивной обработки лексических единиц в ситуации полимодального восприятия, т. е. такой ситуации, при которой происходит одновременная актуализация двух или более перцептивных каналов, в частности аудиального и визуального (Рубинштейн 1946; Ананьев 1961; Величковский, Зинченко, Лурия 1973; Веккер 1974; Лурия 1975; Логвиненко 1985; Palmer 1986; Evans et al. 2007). Полимодальность – важнейшая особенность человеческого восприятия вообще и в том числе восприятия языка, способного объективироваться одновременно в аудиальной форме (как последовательность звуков) и визуальной (как последовательность графем). Следствием восприятия языкового сигнала посредством двух перцептивных модальностей является их взаимовлияние.

В лингвистике широко исследуются закономерности синтагматического взаимовлияния языковых единиц в аспекте контекстной актуализации смыслов многозначного слова. В психолингвистике рассматриваются эффекты праймирования (priming effect) в процессах восприятия – влияние предшествующего слова на восприятие последующего (Фаликман 2016; Cernak et al. 1985; Dehaene et al. 1998). Другим вариантом синтагматического влияния является эффект связки (switch effect): актуализация определенного семантического контекста предшествующего слова влечет за собой актуализацию того же контекста последующего слова, убыстряя процесс его обработки (Pecher 2003).

При восприятии языкового сигнала одновременно по двум каналам слово, воспринимаемое по одному каналу, является контекстом восприятия этого же сигнала по другому каналу, представленному в иной модальности. В данном случае влияние модального контекста осуществляется не как последовательное, но как параллельное (Pecher 2004).

Влияние модального контекста характеризуется выделением одной ведущей модальности, связанной с характером установленного

произвольного внимания, взаимодействием информации двух каналов (Колбенева, Александров 2010). В психолингвистике сформулирована и проверяется в настоящее время гипотеза модальной целесообразности: вклад «различных сенсорных модальностей в полимодальное восприятие связан с характером воспринимаемых стимулов» (Данц 2011). Применительно к языковому лексическому материалу эта гипотеза может быть конкретизирована относительно параметров языковых единиц, которые могут повлиять на результаты контекстного взаимодействия аудио- и визуальных модальностей в процессах их восприятия. Как известно, слово является носителем разных типов информации (лексической, словообразовательной, грамматической), которые находят нелинейное выражение в его поверхностной структуре.

Разработанные в психолингвистике системы формирования дизайна эксперимента позволяют выделить и строго проконтролировать влияние на когнитивные процессы отдельных параметров формы и семантики единиц.

В данном экспериментальном исследовании мы выявляем различие или отсутствие различий в обработке слов, дифференцированных по категории абстрактности, на материале двух славянских языков: русского и болгарского. В исследовании нами проверяется гипотеза – различие формализации семантического противопоставления классов конкретных и абстрактных существительных в двух близкородственных языках может найти отражение в процессах их когнитивной обработки, что, в свою очередь, проявится в результатах поведенческих экспериментов, организованных на противопоставленности модальностей восприятия.

При этом мы также полагаем, что такое исследование имеет значение и для понимания статуса категориальной семантической оппозиции абстрактности-конкретности в двух языках.

Эксперимент

Для проверки гипотезы были проведены идентичные по дизайну эксперименты с применением стимулов болгарского и русского языков с испытуемыми – носителями болгарского и русского языков – с использованием психолингвистического программного обеспечения: пакета программ E-Prime 2.0 (Copyright 1996–2012 Psychology Software Tools).

При формировании дизайна эксперимента принципиально важным является выведение исследуемого параметра из фокуса произвольного внимания респондента, что достигается постановкой перед испытуемым задачи, не нацеленной на непосредственную

интерпретацию семантических различий конкретных и абстрактных имен. В эксперименте было использовано типовое экспериментальное задание *lexical decision* (лексическое решение), в котором респондентам предлагается дифференцировать все появляющиеся на экране слова на основании того, осознаются ли данные единицы как реально существующие в языке родном для испытуемого (в данном случае – русском и болгарском). В качестве предъявляемых стимулов в таком случае используются лексемы, реально существующие в русском и болгарском языках и специально сконструированные экспериментатором.

Материал. Для подготовки стимульного материала нами было отобрано по 100 существительных, дифференцированных по категории абстрактности в каждом из исследуемых языков. Для разграничения существительных по группам абстрактных и конкретных использовались два параметра:

– формальный способ маркирования противопоставления – контролировались условие соответствия деривационным схемам, а также отсутствие способности образовывать формы множественного числа в двух языках и категории определенности в болгарском языке;

– субъективная интерпретация существительных как абстрактных.

Для получения данных о субъективной абстрактности был проведен претест (по 30 носителей русского и болгарского языков). Испытуемым предлагалось дифференцировать по степени абстрактности значения, ранжируя их по шкале от 1 до 7, где 1 – наиболее конкретное, 7 – наиболее абстрактное. Данный метод относится к методикам шкалирования Лайкерта и используется когнитологами для выявления субъективных семантических представлений носителей языка. Это позволяет во всем массиве абстрактных и конкретных существительных выделять «семантические полюса» выражения категории. Например, слова *улица*, *карандаш*, *радость*, *музыка* испытуемыми дифференцировались следующим образом: *карандаш* – как наиболее конкретное существительное, *улица* – как конкретное с оттенком абстрактности, вызванным многообразием обозначаемых явлений, *музыка*, *радость* – как наиболее абстрактные существительные.

Все слова были сгруппированы в пары: одно для предъявления в визуальной модальности, другое – в аудиальной модальности, группировка производилась с учетом следующих критериев:

– частотность употребления слова не отличалась для групп слов, использовавшихся в аудиальной и визуальной модальностях. Данные об объективной частотности слов болгарского языка брались из 72-миллионного словаря (Cortese, Fugett 2004: 384–387; Clark,

Paivio 2004: 371–383; Simov et al. 2004: 1685–1688), для русского языка – из Частотного словаря, созданного на основе НКРЯ (Ляшевская, Шаров 2009). Статистический анализ показал отсутствие значимых различий частотности единиц: двусторонняя значимость (t-критерий для независимых выборок) составила $p=.872$ для болгарского языка и $p=.91$ для русского;

– длины слов (учитывалось количество букв и количество слогов в каждой паре) в каждой аудиовизуальной паре совпадали либо значимо не различались. В данном случае также двусторонняя значимость (t-критерий для независимых выборок) составила $p=.76$ для болгарского языка и $p=.72$ для русского.

Все аудиальные стимулы были записаны с использованием одного голоса в звукоизолированном помещении с применением микрофона. При обработке все записи выравнивались по высоте тона и громкости.

В основу формирования аудиовизуальных пар как в русском, так и в болгарском языках была положена категория абстрактности (А – абстрактный, К – конкретный): всего четыре типа пар, из которых две, содержащие идентичную информацию (абстрактный + абстрактный либо конкретный + конкретный), и две, содержащие конфликтную информацию (абстрактный + конкретный, конкретный + абстрактный).

Варианты представления стимулов для обеих модальностей приведены в табл. 2.

Таблица 2

**Образцы стимульного материала, использовавшегося
в экспериментальных сериях**

Язык	Визуальная модальность		Аудиальная модальность	
	русский	болгарский	русский	болгарский
(а)	талант	талант	ручка	писалка
(б)	книга	книга	тайна	мистерия
(в)	идея	идея	мысль	мисъл
(г)	кружка	чаша	стена	стена

При этом случаи (а) и (б) представляют собой соединение конфликтной информации (noncognate), случаи (в) и (г) – соединение идентичной информации (cognate).

Поскольку в качестве основного задания к эксперименту был выбран процесс *лексического решения*, для стимульного материала также было сформировано еще 50 пар (100 единиц) квазислов (выдуманных слов), выстроенных согласно порождающим моделям

абстрактных и конкретных существительных в болгарском и русском языках (*ляпир, пърин, актан* и др. для болгарского языка; *ален, кандар, тасия* и др. для русского языка).

Дизайн эксперимента выстроен на сочетании двух факторов (по два уровня в каждом факторе), где в качестве зависимых переменных были представлены:

- *соотношение модальностей: визуальная vs аудиальная;*
- *категория абстрактности: абстрактное vs конкретное.*

В качестве зависимых переменных собирались данные *времени реакции* (Reaction Time).

Испытуемые: студенты различных факультетов Нового Болгарского университета (New Bulgarian University) при проведении эксперимента на болгарском языке и студенты различных факультетов Томского государственного университета при проведении эксперимента на русском языке, все в возрасте от 19 до 23 лет с нормальным или скорректированными до нормального зрением и слухом, носители болгарского и русского языков соответственно.

Процедура.

По инструкции респондентам предлагалось нажать клавишу 1, если слово, представленное на экране, знакомо им и имеет смысл в их языке, и клавишу 2, если слово, представленное на экране, им не знакомо и не имеет смысла в их языке. Во избежание случаев влияния ограниченности словарного запаса испытуемых на результаты эксперимента (например, если респондент не знаком со словом, которое на самом деле не является выдуманным), в качестве основных слов использовались наиболее распространенные слова, знакомые всем носителям языка (по данным словарей частотности).

Процедура эксперимента предполагала следующую последовательность действий: после предъявления фиксационного креста (500 мс) в случайном порядке предъявлялись пары стимулов, один из которых появлялся на экране в течение максимум 5 000 мс до нажатия респондентом клавиши 1 или 2. Другой вербальный стимул одновременно с появлением слова на экране звучал в наушниках, имеющих перекрывающую поверхность. Перед началом новой пробы появлялся пустой экран (500 мс). Перед проведением экспериментального этапа испытуемые выполняли тренировочные задания (16 пар стимулов), данные этого этапа не учитывались при анализе.

Анализ данных.

Перед началом анализа исключались случаи технических ошибок, все данные обрезались не более чем на два стандартных отклоне-

ния от значения среднего (всего не более 2 % убранных из анализа данных), а также усреднялись по стимулам.

Все пары в эксперименте были сформированы на основании соответствия (совпадения) или несоответствия (несовпадения) категории абстрактности. Мы сравнили восприятие указанных пар носителями русского языка (на материале русского языка) и носителями болгарского языка (на материале болгарского языка). При этом произвольное внимание респондентов было установлено на **визуально воспринимаемые** стимулы.

Результаты анализа.

1. При проведении факторного дисперсионного анализа по показателю времени реакции (ANOVA) результатов эксперимента на **русскоязычном материале** не обнаружено статистически значимых различий при восприятии пар соответствия и несоответствия (А-А и А-К), т.е. скорость реакции при решении задачи значимо не различалась в случаях, когда в конфликтующих модальностях (соответствие на экране и в наушниках) предъявлялись одновременно конкретные или абстрактные слова (пары типа *книга + ручка*, *мысль + идея*) или различающиеся по категориальному значению конкретности-абстрактности (случаи «несоответствия»: пары типа *книга + идея*, *ручка + мысль*).

2. Иную картину представляют результаты проведенного тождественного по дизайну эксперимента с носителями **болгарского языка**. Выполненный факторный дисперсионный анализ с повторными выборками (Repeated measures ANOVA) серии экспериментов, проводимых с носителями болгарского языка, выявил наличие статистически значимых различий ($p=.05$) между восприятием пар соответствия и несоответствия признаков абстрактности / конкретности предъявляемых стимулов. То есть в тех случаях, когда аудиально предъявляемый стимул совпадает по категории абстрактности с визуальным стимулом, находящимся

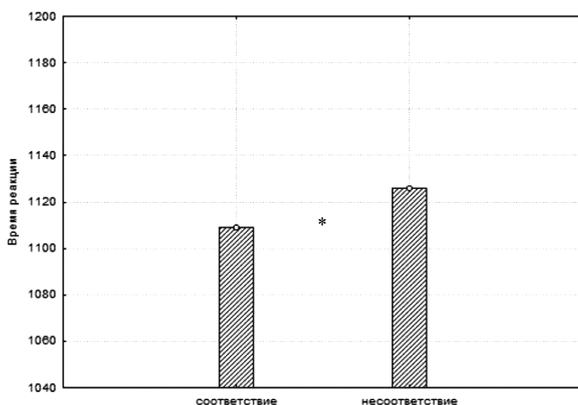

Рис. 1. Время реакции обработки аудиовизуальных пар по фактору категории абстрактности. Материалы болгарского языка.

в поле произвольного внимания, происходит ускорение обработки визуально воспринимаемого реципиентом стимула (рис. 1). В позициях несовпадения признаков абстрактности-конкретности предъявляемых стимулов восприятие пары слов замедляется.

При этом в случаях категориального *соответствия* в аудиально-визуальных парах стимулов можно видеть, что обработка пар стимулов с двумя *абстрактными* значениями происходит значительно быстрее, нежели пар, представленных двумя *конкретными* стимулами ($p=.000$) (рис. 2). В случаях несовпадения категориальных признаков предъявляемых стимулов такой корреляции не наблюдается.

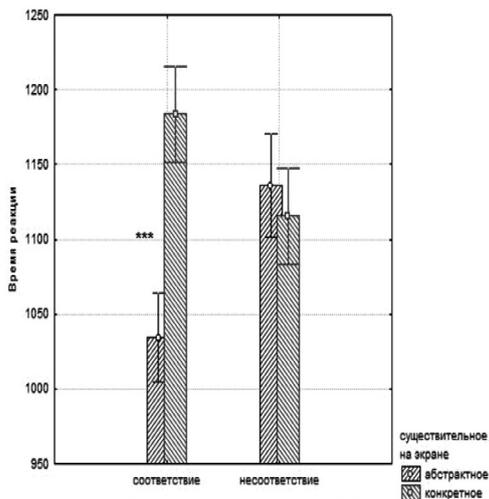

Рис 2. Время реакции обработки пар слов по факторам категории абстрактности и модальности.

Заключение

Таким образом, результаты анализа данных поведенческих экспериментов продемонстрировали, что в болгарском языке категория абстрактности оказывает влияние на восприятие слова, поскольку добавление *идентичной (схожей)* или *дистракторной (различной)* параллельной информации ускоряет или замедляет восприятие стимула из поля произвольного внимания. В русском языке такого влияния не обнаружено. Отмеченное в начале статьи несовпадение в степени формализации семантических различий абстрактности-конкретности существительных в русском и болгарском языках находит отражение в различии когнитивной обработки респондентами стимулов в ситуациях бимодального восприятия. Результаты проведенного эксперимента свидетельствуют о наличии когнитивных рефлексов кажущихся незначительными различий в характере формализации одноименной семантической категории, что, в свою очередь, на наш взгляд, может быть рассмотрено как дополнительное свидетельство

нетождественности формально-семантического статуса одноименного лексико-грамматического разряда в двух близкородственных языках.

Ранее нами уже были получены результаты, подтверждающие значимость формальной маркированности грамматических категориальных значений в условиях бимодального восприятия вербальных стимулов (Резанова, Некрасова 2015). Результаты данного эксперимента обнаруживают значимость формальных противопоставлений другого типа (о маркированности см. также: Князев 2010). Различие маркированности категории абстрактности-конкретности в русском и болгарском языках определяется различием места категории в системе грамматических категорий языков – более сложными связями с системой грамматических категорий болгарского лексико-грамматического разряда абстрактности-конкретности по сравнению с русской. Вследствие этого результаты описанных в статье экспериментов расширяют представление о когнитивной значимости формально-семантических различий разного типа.

Результаты описанных в статье экспериментов подтвердили также выявленные нами ранее эффекты влияния маркированности / немаркированности членов формально-семантических различий на характер когнитивной обработки стимулов в ситуациях бимодального восприятия, проявляющиеся в ускорении когнитивной обработки немаркированных членов (Rezanova et al. 2015). Данные эксперименты показали, что абстрактные существительные болгарского языка, являясь немаркированными членами оппозиций и по признаку числа, и по признаку определенности обрабатываются быстрее (см. рис. 2).

Учет выявленных в психолингвистических поведенческих экспериментах когнитивных эффектов восприятия различных аспектов сложно организованной семантики в славянских синтетических флективных языках, характеризующихся значительной степенью формализации грамматических смыслов, может и должен приниматься во внимание в практике преподавания славянских языков, в том числе преподаваемых в качестве иностранных.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьев 1961 - *Ананьев Б.Г.* Теория ощущений. Л.: ЛГУ, 1961. 456 с.
Веккер 1974 - *Веккер Л.М.* Психические процессы. Л.: ЛГУ, 1974. Т. 1. 312 с.
Величковский, Зинченко, Лурия 1973 – *Величковский Б.М., Зинченко В.П., Лурия А.Р.* Психология восприятия. М.: Изд-во МГУ, 1973. 247 с.
Данц 2011 - *Данц А.Д.* Зрительные и слуховые влияния на определение

изменения временной частоты // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4, № 2. С. 48–61.

Князев 2010 - *Князев Ю.П.* Маркированность и немаркированность в морфологии: исходная идея и ее трансформации // Проблемы грамматики и типологии: Сб. ст. памяти В.П. Недеялкова (1928–2009). М.: Знак, 2010. С. 120–127.

Колбенева, Александров 2010 - *Колбенева М.Г., Александров Ю.И.* Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка: Лингво-психологический словарь. Ин-т психологии РАН. М.: Языки славянских культур, 2010. 368 с.

Логвиненко 1985 - *Логвиненко А.Д.* Чувственные основы восприятия пространства. М.: Изд-во МГУ, 1985. 345 с.

Лурия 1975 - *Лурия А.Р.* Ощущения и восприятие. М.: Изд-во МГУ, 1975. 535 с.

Ляшевская, Шаров 2009 - *Ляшевская О.Н., Шаров С.А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1112 с.

Маслов 1956 - *Маслов Ю.С.* Очерк Болгарской грамматики. М.: Изд-во лит-ры на иностран. языках, 1956. 292 с.

Некрасова 2015 - *Некрасова Е.Д.* Влияние межмодального конфликта на восприятие вербальных стимулов // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 21–26.

Некрасова 2016 - *Некрасова Е.Д.* Взаимозависимость модальной семантики слова и перцептивного канала предъявления информации // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 10–16.

Резанова, Некрасова 2015 - *Резанова З.И., Некрасова Е.Д.* Влияние грамматической категории рода на бимодальное восприятие имен существительных болгарского языка // Русин. 2015. № 3. С. 241–255.

Рубинштейн 1946 - *Рубинштейн С.П.* Основы общей психологии. М.: Изд-во МГУ, 1946. 311 с.

РГ 1980 - Русская грамматика. Академия наук СССР. Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1980. Т. 1. 784 с.

Фаликман 2016 - *Фаликман М.В.* Прайминг и прайминг-эффекты (эффекты предшествования) // The virtual CogLab. URL: <http://old.virtualcoglab.ru/projects/priming.html#fnf> (дата обращения: 12.04.2016).

Cermak et al. 1985 - *Cermak L.S., Talbot N., Chandler K. et al.* The perceptual priming phenomenon in amnesia // *Neuropsychologia*. 1985. Vol. 23 (5). P. 615–622. DOI: 10.1016/0028-3932(85)90063-6

Clark, Paivio 2006 - *Clark J.M., Paivio A.* Extensions of the Paivio, Yuille, and Madigan (1968) norms // *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*. 2006. № 36 (3). P. 371–383.

Cortese, Fugett 2004 - *Cortese M.J., Fugett A.* Imageability ratings for 3,000 monosyllabic words // *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*. 2004. № 36 (3). P. 384–387.

Dehaene et al. 1998 - *Dehaene S., Naccache L., Le Clec'h G. et al.* Imaging unconscious semantic priming // *Nature*. 1998. Vol. 395 (6702). P. 597–600. DOI: 10.1038/26967

Evans et al. 2007 - *Evans V., Benjamin K. Bergen, Jörg Zinken.* The Cognitive Linguistic Reader. London, Oacville, Equinox Publishing Ltd., 2007. 975 p.

Palmer 1986 - *Palmer F.R.* Mood and modality. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986. 258 p.

Pecher 2003 - *Pecher D.* Verifying different-modality properties for concepts produces switching costs // *Psychological science*. 2003. Vol. 14, № 2. P. 119–124.

Pecher 2004 - *Pecher D.* Sensorimotor simulations underlie conceptual representations: Modality-specific effects of prior activation // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2004. Vol. 11 (1). P. 164–167.

Rezanova et al. 2015 - *Rezanova Z.I., Nekrasova E.D., Temnikova I.G.* Gender-Marked Metaphors: Influence of Grammatical Gender and Frequency on Referential Choice of Metaphorical Name of the Person in the Russian Language // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 200. P. 135–141. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.08.033

Simov et al. 2004 - *Simov K., Osenova P., Kolkovska S. et al.* A language resources infrastructure for Bulgarian // *Proceedings of Language Resources and Evaluation Conference*. Lisbon, Portugal, 2004. P. 1685–1688.

REFERENCES

Ananiev, B.G. (1961) *Teoriya oshchushcheniy* [The theory of sensations]. Leningrad: Leningrad State University.

Vekker, L.M. (1974) *Psikhicheskie protsessy* [Mental processes]. Vol. 1. Leningrad: Leningrad State University.

Velichkovskiy, B.M., Zinchenko, V.P. & Luriya, A.R. (1973) *Psikhologiya vospriyatiya* [Psychology of perception]. Moscow: Moscow State University.

Danz, A.D. (2011) Visual and auditory influences in frequency change detection. *Eksperimental'naya psikhologiya – Experimental psychology*. 4 (2). pp. 48-61 (In Russian).

Knyazev, Yu.P. (2010) Markirovannost' i nemarkirovannost' v morfologii: iskhodnaya ideya i ee transformatsii [Marking and unmarking in morphology: The initial idea and its transformation]. In: Alpatov, V. et al. *Problemy grammatiki i tipologii* [Problems of grammar and typology]. Moscow: Znack. pp. 120-127.

Kolbeneva, M.G. & Aleksandrov, Yu.I. (2010) *Organy chuvstv, emotsii i prilagatel'nye russkogo yazyka: Lingvo-psikhologicheskii slovar'* [Senses, emotions and adjectives of the Russian language: The Linguistic and Psychological Dictionary]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

- Logvinenko, A.D. (1985) *Chuvstvennyye osnovy vospriyatiya prostranstva* [Sense perception of space]. Moscow: Moscow State University.
- Luriya, A.R. (1975) *Oshchushcheniya i vospriyatie* [Senses and perceptions]. Moscow: Moscow State University.
- Lyashevskaya, O.N. & Sharov, S.A. (2009) *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [The Frequency Dictionary of Modern Russian language (based on the Russian National Corpus)]. Moscow: Azbukovnik.
- Maslov, Yu.S. (1956) *Ocherk Bolgarskoy grammatiki* [An Essay on Bulgarian grammar]. Moscow: Foreign Literature Publ.
- Nekrasova, E.D. (2015) The influence of intermodal conflict on perception of verbal stimuli. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 392. pp. 21-26 (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/392/3
- Nekrasova, E.D. (2016) The semantics of words and a perceptive channel: the impact of sensomotor experience on the perception of words. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 402. pp. 10-16 (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/402/2
- Rezanova, Z.I. & Nekrasova, E.D. (2015) The Influence of Grammatical Gender on the Bimodal Perception of Bulgarian Nouns. *Rusin*. 3(41). pp. 241-255 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/17
- Rubinstein, S.P. (1946) *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. Moscow: Moscow State University.
- Shvedova, N.Yu. et al. (eds) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
- Falikman, M.V. (n.d.) *Prayming i prayming-effekty (effekty predshest-vovaniya)* [Priming and priming effects (effects of precedence)]. [Online]. Available from: <http://old.virtualcoglab.ru/projects/priming.html#fnf> (Accessed: 12th April 2016).
- Cermak, L.S., Talbot, N., Chandler, K. et al. (1985) The perceptual priming phenomenon in amnesia. *Neuropsychologia*. 23 (5). pp. 615-622. DOI: 10.1016/0028-3932(85)90063-6
- Clark, J.M. & Paivio, A. (2006) Extensions of the Paivio, Yuille, and Madigan (1968) norms. *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*. 36 (3). pp. 371-383. DOI: 10.3758/BF03195584
- Cortese, M.J. & Fugett, A. (2004) Imageability ratings for 3,000 monosyllabic words. *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*. 36 (3). pp. 384-387. DOI: 10.3758/BF03195585
- Dehaene, S., Naccache, L., Le Clec'h, G. et al. (1998) Imaging unconscious semantic priming. *Nature*. 395(6702). pp. 597-600. DOI: 10.1038/26967
- Evans, V., Bergen, B. & Zinken, J. *The Cognitive Linguistic Reader*. London, Oacville: Equinox Publishing Ltd.

Palmer, F.R. (1986) *Mood and modality*. Cambridge: Cambridge University Press.

Pecher, D. (2003) Verifying different-modality properties for concepts produces switching costs. *Psychological science*. 14(2). pp. 119-124. DOI: 10.1111/1467-9280.t01-1-01429

Pecher, D., Seelenberg, R & Barsalou, L. (2004) Sensorimotor simulations underlie conceptual representations: Modality-specific effects of prior activation. *Psychonomic Bulletin & Review*. 11(1). pp. 164-167. DOI: 10.3758/BF03206477

Rezanova, Z.I., Nekrasova, E.D. & Temnikova, I.G. (2015) Gender-Marked Metaphors: Influence of Grammatical Gender and Frequency on Referential Choice of Metaphorical Name of the Person in the Russian Language. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 200. pp. 135-141. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.08.033

Simov, K., Osenova, P., Kolkovska, S. et al. (2004) *A language resources infrastructure for Bulgarian*. Proceedings of Language Resources and Evaluation Conference. Lisbon, Portugal. pp. 1685-1688.

Резанова Зоя Ивановна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета (Россия).

Rezanova Zoya – Tomsk State University (Russia).

E-mail: rezanovazi@mail.ru

Некрасова Елена Дмитриевна – младший научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований языка Томского государственного университета (Россия).

Nekrasova Elena – Tomsk State University (Russia).

E-mail: nekrasovaed@yandex.ru

УДК 81'42

UDC

DOI: 10.17223/18572685/45/4

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «СОВЕТСКОГО» В ДИСКУРСАХ РОССИЙСКИХ И ЧЕШСКИХ СМИ*

И.В. Тубалова¹, Ю.В. Филь²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: tina09@inbox.ru

²E-mail: 2fil@inbox.ru

Авторское резюме

В статье рассматриваются варианты интерпретации в дискурсе российских и чешских СМИ стабилизированного модуса речевой единицы *советский*, рассматриваемой как продукт российского политического дискурса советского времени. Идеологически ориентированный позитивнооценочный модус советского политического дискурса стабилизируется в русском прилагательном *советский* и его чешском эквиваленте. Статус социального авторитета советского политического дискурса для дискурсов российских и чешских СМИ является внешним, но они по-разному осуществляют разграничение ценностных систем, обосновывающее специфику интерпретации модусно стабилизированных речевых единиц в советском политическом дискурсе. Вследствие этого модели его реинтерпретации в дискурсах российских и чешских СМИ демонстрируют элементы как сходства, так и различия. Сходство определяется 1) общностью политико-идеологического прошлого стран; 2) единством СМИ-интенций, что проявляется в возможности нейтрализации оценки и ее реинтерпретации. Различия в основном определяются восприятием советского как идеологической модели своего / чужого государства, что проявляется в 1) степени дифференцированности, детальности представления объекта оценки, осуществляемой при использовании прилагательного *советский*; 2) наличии / отсутствии фактов использования рассматриваемого прилагательного в позитивнооценочных целях.

Ключевые слова: дискурс российских и чешских СМИ, советский политический дискурс, восприятие инодискурсивного модуса.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

THE CONTENT INTERPRETATION OF THE “SOVETSKIY” IN THE RUSSIAN AND CZECH MEDIA DISCOURSES*

I.V. Tubalova¹, Y.V. Fil²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: tina09@inbox.ru

²E-mail: 2fil@inbox.ru

Abstract

The article discusses the interpretations of the stabilized modus of the speech unit “sovetskiy” in the Russian and Czech media discourses. This modus is considered a product of the Soviet political discourse. With its ideological orientation and positive evaluation, the modus of the Soviet political discourse is stabilized in the Russian adjective “sovetskiy” and its Czech equivalent. The Soviet political discourse was an external social authority for the Russian and Czech media discourses; however, they vary in their distinctions of value systems, which explains the specificity of interpretation of the speech segments stabilized by modus in the Soviet political discourse. As a result, the models of its reinterpretation in the Russian and Czech media discourses show both similar and different elements. The similarities are determined by 1) common political and ideological past; 2) common media intentions, which is manifested in the possibility of evaluation neutralizing and reinterpretation. The differences are mainly determined by the perception of the Soviet as an ideological model of our / their state that is realised in 1) the degree of differentiation of the evaluated object; 2) the presence / absence of the fact of using this adjective for positive evaluation.

Keywords: Russian and Czech media discourses, Soviet political discourse, perception of modus of another discourse.

В основе данной статьи – концепция инодискурсивной интерпретации смысла, отработанного в практиках определенного дискурса и стабилизированного в особых речевых единицах.

Социальная организация говорящего человека предполагает наличие у него представлений о стратификации социальных сфер, его социальных практик, в том числе его дискурсивных практик. В частности, это проявляется в восприятии им определенных дискур-

* The research is supported by the Russian Science Foundation Grant Nr 16-18-02043.

сов как **авторитетных** (Тубалова 2014). Формирование социального авторитета является результатом действия процессов институционализации, организующих общественное существование человека, обособляющих общие ценности и закрепляющих принципы этого существования в рамках социальных групп.

Социальные институты регулируют деятельность субъектов на основании авторитета, поддерживаемого на государственном и / или общекультурном уровне, что определяет авторитет институциональных дискурсов и стабилизацию содержания продуцируемых ими речевых единиц как дискурсивно обусловленных. Процесс дискурсивно обусловленной стабилизации содержания речевой единицы заключается в закреплении за ней особого – заданного на основании специфики дискурсивной интенции – модусного смысла (Тубалова 2014). Так, политический дискурс наделяет активно используемые в нем речевые единицы идеологически ориентированным оценочным модусом, нацеливающим их денотативное содержание на основании конкретной политической позиции. В качестве примера можно привести результаты стабилизации речевых единиц российского советского политического дискурса, закрепляющего в качестве позитивнооценочного содержание лексем *актив, крестьянин, рабочий, товарищ* и др., а в качестве негативнооценочного – лексем *буржуй (=буржуа), враг народа, вредитель, единоличник, империализм, контрреволюция, царизм* и др.

Востребованность источника и характер обращения к нему мотивируются социально. На наличие социально авторитетных источников («авторитетных текстов»), обладающих для говорящего особым статусом, указывал М.М. Бахтин: «В каждую эпоху, в каждом социальном кругу, в каждом маленьком мирке семьи, друзей и знакомых, товарищей, в котором вырастает и живет человек, всегда есть авторитетные, задающие тон высказывания, художественные, научные, публицистические произведения, на которые опираются и ссылаются, которые цитируются, которым подражают, за которыми следуют. В каждую эпоху во всех областях жизни и деятельности есть определенные традиции, выраженные и сохраняющиеся в словесном облачении: в произведениях, в высказываниях, в изречениях и т. п.» (Бахтин 1979: 268–269).

В данном высказывании исследователя обнаруживаются две значимые для нашей концепции идеи, связанные между собой: 1) «в словесном облачении» фиксируется некоторый **независимый от субъектной позиции говорящего человека авторитет**, заданный спецификой конкретно-исторической («в каждую эпоху») социальной организации его существования (структурой его жизни и дея-

тельности); 2) этот социальный авторитет используется говорящим через обращение к речевым единицам, его фиксирующим, в качестве объективированных ориентиров. Перефразируя и развивая данную идею, можно сказать, что в речевых практиках, осуществляемых за пределами стабилизирующего рассматриваемые единицы **социально авторитетного дискурса** (обозначим дискурс, воспринимающий такую единицу, как *результатирующий*), говорящий использует их на основании **интерпретации** стабилизированного в дискурсе-источнике содержания, реализация которого отражает результат соотнесения ценностных систем дискурса-источника и результирующего дискурса.

Если социальный авторитет дискурса-источника формируется независимо от субъекта результирующего дискурса (является **внешним** для него), то при его восприятии он может быть оценен либо как **истинный** (при совпадении ценностей), либо как **ложный** (при их противопоставлении). В рамках такой интерпретации заложенный дискурсом-источником модус может сохраняться, нейтрализовываться или трансформироваться, что определяется характером восприятия его социального авторитета субъектом результирующего дискурса.

В данной статье объектом анализа являются тексты современных российских и чешских СМИ, в которых используется прилагательное *советский*, рассматриваемое нами в качестве продукта российского политического дискурса советского времени.

Речевые единицы советского политического дискурса регулярно используются в текстах постсоветских СМИ, что подтверждается, например, в исследовании З.И. Резановой: «Достаточно высокая частотность такого использования в текстах современных региональных СМИ является косвенным свидетельством, с одной стороны, живости смыслов «советского» в современной ментальности, с другой – осознания дистанцирования авторов текстов от данных смыслов, вводящих как средство остранения текста» (Резанова 2008: 65).

Советский политический дискурс обладает **социальным авторитетом** как в российском, так и в чешском культурном пространстве (в силу долговременного политического воздействия советской политической системы на чехословацкую на государственном уровне). Этот авторитет является **внешним** для современных как российских, так и чешских СМИ: его оценка осуществляется в контексте иной дискурсивной ценностной системы. Эта ценностная система формируется на основании 1) современной национальной системы ценностей, уточняемой в рамках; 2) ценностной системы отдельной статьи, задаваемой ее автором. Следует отметить, что в силу особенностей исследуемого материала (контексты, представляющие собой фрагменты конкретных статей разной тематической направленно-

сти из национального корпуса чешского языка) не представляется возможным учитывать значимую для дискурса СМИ специфику ценностных систем печатных изданий, в которых опубликованы эти статьи (особенности их политической ангажированности, их отношение к официальной государственной позиции по поводу оценки прошлого своей страны и прошлого / настоящего другой страны и т. д.). Мы рассматриваем результаты их влияния как воплощенные в тексте статьи конкретным автором.

Несмотря на общность внешнего статуса социального авторитета советского политического дискурса для дискурсов российских и чешских СМИ, дифференциация ценностных систем, обосновывающая специфику интерпретации модусно стабилизированных в советском политическом дискурсе речевых единиц, в них осуществляется по-разному.

Ценностная система дискурса современных российских СМИ отражает взгляд на советский политический дискурс как на политическое прошлое своей страны. Дифференциация ценностных позиций осуществляется по темпоральной оси: «*советское* – это наше прошлое» – и по политико-идеологической оси: «*советское* – это не совпадающая с существующей политической позиция». Эти модели ценностной дифференциации могут функционировать самостоятельно или органично совмещаться: «*советское* – это наше политическое прошлое».

Ценностная система дискурса современных чешских СМИ отражает взгляд на него не только из другого времени и / или с другой политической позиции, но и из другого государства, воспринявшего советские социальные (в том числе и дискурсивные) практики от «старшего брата». В результате дифференциация ценностных позиций осуществляется не только по темпоральной («*советское* – это политическое прошлое») и политико-идеологической («*советское* – это не совпадающая с существующей политической позиция») осям, но и по оси национально-государственной («*советское* – это идеология другой / чужой страны»). Особенность их функционирования в дискурсе современных чешских СМИ, отражающая своеобразие национально-культурно обусловленного функционирования в целом, заключается в том, что первая и вторая модели дифференциации обязательно совмещаются с третьей.

Следует отметить, что отражение в толковых словарях результатов влияния политической идеологии на язык уже становилось предметом внимания исследователей (Купина 1995; Трипольская, Булыгина 2015). Методика выявления стабилизируемого в речевых единицах дискурсивного модуса описана в (Тубалова 2015).

Прямая семантическая связь рассматриваемой речевой единицы – прилагательного *советский* – с советским политическим дискурсом реализуется на денотативном основании, что отражается в российских словарях советского времени (пример словарной статьи МАС): «**СОВЕТСКИЙ**, -ая, -ое. 1. Прил. к Совет²; основанный на управлении Советами как органами власти. <...> || Относящийся к работе Советов как органов власти. <...> 2. Относящийся к Стране Советов, к СССР, принадлежащий Стране Советов. <...> || Добытый, изготовленный и т. п. в Стране Советов. <...> || Свойственный Стране Советов. <...> || Свойственный людям Страны Советов» (Словарь русского языка 4: 175).

Позитивнооценочная модусная ориентация определяется прямой ее принадлежностью к средствам маркирования политической власти (в первом значении) или продуктов ее деятельности (во втором значении) и подтверждается в иллюстративном материале словаря: «**Советский патриотизм** является прямым наследником творческих дел предков, двигавших вперед развитие нашего народа. М. Калинин. О коммунистическом воспитании» (Словарь русского языка 4: 175). Кроме того, указанная модусная ориентация подтверждается в текстах российских политических документов советской эпохи, например в опубликованной в советской печати речи В.И. Ленина «Что такое Советская власть»: «Что такое **Советская** власть? <...> Сущность ее, привлекающая к себе рабочих каждой страны все больше и больше, состоит в том, что **прежде** государством управляли так или иначе богатые или капиталисты, **а теперь в первый раз** управляют государством, притом в массовом числе, как раз те классы, которых капитализм угнетал. <...> **Первый раз в мире** власть государства построена **у нас в России** таким образом, что **только рабочие, только** трудящиеся крестьяне, **исключая эксплуататоров**, составляют массовые организации – Советы, и этим Советам передается вся государственная власть» (Ленин 1969: 238), а также в многочисленных эстетически обработанных текстах, созданных на периферии советского политического дискурса – в зоне его пересечения с художественным (например, советские песни «Эх, хорошо в стране советской жить!» – слова В. Шмидтгофа, «Мы советский народ» – слова В. Гина и др.).

Представление рассматриваемой единицы в чешских словарях советского времени (а также постсоветского периода) отражает ее российско-советское происхождение (см. помету «z rus.» /«из русского»/ в словарях чешского языка в соответствующей словарной статье) и хотя прямо и не отражает позитивнооценочной модусной ориентации данного слова, но и не противоречит его интерпретации в советском политическом дискурсе как дискурсе-источнике. Так, сле-

дующий пример словарной статьи из Словаря чешского литературного языка: «**sovět**, -u m. (6. j. -u) (z rus.) (v sovětském prostředí) rada 3: s-y dělnických zástupců; všechna moc s-ům (heslo); vláda s-ů; S. národnosti; Nejvyšší s. SSSR; – Sověty, -ů m. mn. hovor. Sovětský svaz: jsme v S-ech sedmý rok (Pujm.); – Sověti, -ů m. mn. hovor. obyvatelé Sovětského svazu, sovětské občany: zvítězili S-i sovětské sportovci; – **sovětský** (*sovětový Z. Nej.) příd.: s-á moc; s-é zřízení; S-á armáda; s-á mládež; s-é zkušenosti; s-tští lidé; s-é Rusko; S. svaz Svaz sovětských socialistických republik, SSSR; → přísl. sovětsky» (Slovník spisovného jazyka českého 3) – помимо указания на значение единицы, называющее орган власти в Советском Союзе, содержит многочисленные употребления имени и образованного от него прилагательного в свойственных советскому политическому дискурсу контекстах: *Советы рабочих депутатов, власть Советов, высший орган власти СССР, Советский Союз, жители Советского Союза, советские граждане, советская молодежь, советские люди, советский строй, Советская армия* и т. д.

Результат усвоения советского позитивнооценочного политического модуса можно обнаружить в политически ангажированных чешских песнях, например в песне на стихи Станислава Костки Неймана «Pozdrav» /«Привествие»/ из сборника пролетарской чешской поэзии «Rudé zpěvy» (1923) /«Красные песни»/, в котором Советская Россия именуется единственной надеждой мира рабочих и крестьян: ***Sovětská Rusi, buď zdráva! Nad skomírajícím světem, jenž dusí nás a všechny ostatní dělníky a dělnice buď zdráva, svěťice! /Здравствуй, Советская Русь! Над умирающим миром, который душит нас и всех остальных рабочих и работниц, здравствуй, святая;/ Matko naše, Ruská socialistická federativní sovětská republika, učitelko, zástito, naděje naše, pilíři budoucnosti, jediná hvězdo na stmělém nebi, buď zdráva! /Мать наша, Русская Социалистическая Федеративная Советская Республика, учительница, покровительница, надежда наша, опора будущего, единственная звезда на потемневшем небе, здравствуй!/.***

Таким образом, идеологически ориентированный позитивнооценочный модус советского политического дискурса стабилизируется в русском прилагательном *советский* и в его чешском эквиваленте *sovětský*. При этом речь идет о лексикографическом эквиваленте, как показывает дальнейший анализ, контекстно-речевое наполнение указанных единиц в русском и чешском языках дифференцируется.

Далее рассмотрим, какие варианты интерпретации стабилизированного в дискурсе-источнике модуса речевой единицы *советский* обнаруживаются на основании представленных моделей ценностной дифференциации в дискурсе российских и чешских СМИ. Для анализа обратимся к текстам современных российских СМИ –

к материалам газетного корпуса и заданного подкорпуса основного корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (НКРЯ 2016) – и современных чешских СМИ – к материалам прессы из Национального корпуса чешского языка (ČNK) (ČNK 2016). К анализу привлекались тексты, созданные не ранее 2000 г.

1. В силу того, что для современного российского дискурса СМИ *советский* является маркером политического прошлого своего государства, в нем (как и в других функционирующих в современном российском социуме дискурсах) формируется вариант последовательного оценочно нейтрального использования рассматриваемой единицы в качестве «беспристрастного» бытового маркера эпохи (темпоральности), к которому располагает темпорально-событийная конкретность дискурса-источника (политически обусловленное содержание – в максимально периферийном положении). Относительная частотность использования рассматриваемой модели определяется потребностью в компактном обозначении социального прошлого своей страны, для реализации которой прилагательное *советский* становится удобной формой. В данной функции рассматриваемая речевая единица практически нейтрализует связь с политическим источником и представляет его дискурсивно значимый диктум как идеологически нейтральный. *Помимо этого, народный избранник настаивает на распространении на старшее поколение стандартов здорового образа жизни – такую сферу должно контролировать профильное Министерство спорта. При государственных стадионах и спортивных площадках он предлагает возродить группы здоровья для старшего поколения, функционирующие в советское время // Известия, 2014.06.09 (НКРЯ); Я слышала и общалась с покойным Борисом Гольдштейном <...> Он был советским музыкальным вундеркиндом. Ждали, что будет гений // Комсомольская правда, 2014.07.09 (НКРЯ); В той же Африке, например, хорошо помнят советские времена и массовые поездки студентов на учебу в СССР // Известия. 2014.06.04 (НКРЯ).*

Другой вариант оценочно нейтрального использования прилагательного *советский* в российских СМИ связан с маркированием государственной принадлежности, применяемым при описании событий, произошедших в советское время (т. е. указание на время проявляется косвенно): *История повторилась в 1991 году, когда в воюющей Югославии пропали советские журналисты Виктор Ногин и Геннадий Куринной // Комсомольская правда, 2014.08.07 (НКРЯ); То был последний день войны на Корейском полуострове, которая заканчивалась по соглашению в 10 часов утра 27 июля 1953 года. Советский военный самолет Ил-12, переоборудованный в пассажирский*

вариант, вылетел из Порт-Артура во Владивосток // Комсомольская правда, 2014.07.23 (НКРЯ); Пожалуй, самым эмоционально насыщенным событием во время визита стало участие российского министра в церемонии открытия музея-мемориала на месте нацистского концентрационного лагеря «Шталаг 18-Д», расположенного неподалеку от центра современного Марибора. Во время Второй мировой войны сюда свозили пленных из Франции, Польши, Великобритании. С осени 1941 года по весну 1942-го в нем были замучены порядка 3 тыс. советских узников // Известия, 2014.07.09 (НКРЯ).

В современных чешских СМИ значительно реже, но также фиксируется оценочно нейтральное использование рассматриваемой единицы, но только при номинировании принадлежности определяемого объекта к иному – конкретному – государству (России). Указание на временной период проявляется косвенно («Россия советского периода»): *Letos pětadesátiletý Viktor Jerofejev vyrůstal jak v prostředí stalinismu, tak západního světa. Jeho otec byl Stalinův tlumočnick a později sovětský kulturní atašé v Paříži // Literární noviny, č. 40/2013 (ČNK) / На данный момент шестидесятипятилетний Ерофеев рос как в среде сталинизма, так и западного мира. Его отец был переводчиком Сталина, а затем советским атташе по культуре в Париже/.*

2. На основании восприятия социального авторитета советского политического дискурса в качестве ложного как в российских, так и в чешских СМИ активно формируются модели оценочной переориентации модуса источника при использовании прилагательного *советский*. Активность использования данной модели проявляется в наличии целого ряда вариантов ее реализации.

2.1. Наиболее частотен как в российских, так и в чешских СМИ реализуется такой вариант рассматриваемой модели, в рамках реализации которого объектом оценивания становится непосредственно советская политико-идеологическая позиция.

В российских СМИ это связано с ценностным дистанцированием автора от советской политико-идеологической системы: *Наша любовь к применению «оружия» «анонимного письма» проистекает из советского прошлого, когда поощрение доноительства было нормой. Эта норма аморальна в любом контексте, включая политический // Известия, 2014.06.19 (НКРЯ); Бывшие советские чиновники, удержавшие власть и в постсоветское время, ввели в Конституцию Украины 1996 года вполне понятный для себя принцип государственного унитаризма // Известия, 2014.06.09 (НКРЯ) или позитивной оценкой персонажа статьи на основании его подобного дистанцирования: Юрий Андропов – личность противоречивая. С одной стороны, ставленник КГБ, суровый борец с инакомыслием. С другой – человек, мечтавший*

реформировать советскую систему, ярый борец с коррупцией и привилегиями // Комсомольская правда, 2014.06.19 (НКРЯ).

В чешских СМИ использование подобной модели последовательно связано с оценкой политической позиции чужого государства, проявляющейся либо (чаще) при оценке возможности собственного государства ценностно дистанцироваться от нее: *Mám rád Poláky za to, že zlikvidovali sovětský typ komunismu ve střední Evropě, a mírně se stydím, že my jsme se při získávání svobody spíše vezli. Hrdost na pražské jaro moc necítím, protože ta troška občanské svobody zde byla jen vedlejším produktem osvobození českých komunistů od jejich ruských pánů* // Reflex, č. 48/2010 (ČNK) /Я люблю поляков за то, что они ликвидировали советский тип коммунизма в Центральной Европе, и слегка стыжусь, что нас при получении свободы скорее vezli. Гордость по поводу Пражской весны я не сильно чувствую, потому что эта кроха гражданской свободы здесь была только побочным продуктом освобождения чешских коммунистов от их русских панов; *Tito sice rád kritizoval sovětský komunismus, s odpůrci ale zacházel podobným způsobem. V letech 1949 až 1956 posílal jeho režim hromadně do věznic lidi podezřelé ze sympatií ke Stalinovi, aby uchránil vlastní představu o cestě k socialismu* // Týden, č. 24/2014 (ČNK) /Хотя Тито любил критиковать советский коммунизм, но с противниками он обходился подобным способом. С 1949 и по 1956 годы его режим в большом количестве послал в тюрьмы людей, подозреваемых в симпатии к Сталину, чтобы сберечь собственное представление о пути к социализму/ либо, как и в российских СМИ, при позитивной оценке персонажа статьи на основании его подобного дистанцирования: *...ptal jsem se jí pak, existovalo – li v padesátých letech – po čtyřech desítkách let bolševického režimu a po strašlivé válce, která ovšem dodala režimu novou sílu – něco, k čemu se mohli nezávisle vztahovat mimo sovětský systém, a gorbanevská bez zaváhání odpověděla: Básně!* // Respekt, č. 45/2012, (ČNK) /...я спросил ее потом, существовало ли в пятидесятых годах, после четырех десятилетий большевистского режима и после страшной войны, которая, правда, придала режиму новую силу, что-то, к чему могли тянуться независимо от советской системы, и Горбаневская ответила без колебаний: Стихи!./

2.2. Достаточно частотно в российских СМИ оценка советской политической системы распространяется на оценку неполитических официальных государственных систем (это связано с интерпретацией рассматриваемого прилагательного во втором из представленных в МАС значении). В чешских СМИ такое распространение также фиксируется, но единично.

В российских СМИ объект оценки представлен достаточно подробно и конкретно – негатив выявляется по отношению к косности и примитивности официальных государственных систем: *Пока реестр нотариальных действий ведется совсем как в советские времена: в эдакую амбарную книгу ручкой вписывается, что за документ выдан, суть дела вкратце, паспортные данные, сколько денег уплачено... // Комсомольская правда, 2014.07.28 (НКРЯ), к ложному характеру значимых ценностных ориентиров: **ПОВЫШАЕМ УЛЫБАЕМОСТЬ** Отвлечь работников от грустной реальности призваны стенгазеты – они тут повсюду. Одна из них, как в добрые советские времена, рапортует: за месяц число улыбок на кассе увеличилось на 39%! Интересно, кто, а главное – как это посчитал. На корпоративном телеканале (есть и такой) сотрудницы магазина прямо в рабочей форме занимаются аэробикой. Говорят, по праздникам накрывают столы для работников // Комсомольская правда, 2014.07.02 (НКРЯ), к неорганизованности руководства хозяйственной деятельностью: *Зима 1947 года была очень холодной. А отапливаться было нечем... Такой вот наблюдался парадокс природной советской власти: крестьяне умирали от голода, а жители Донбасса замерзали без угля!* // Комсомольская правда, 2014.06.13 (НКРЯ) и др.*

В чешских СМИ оценка советских неполитических официальных систем представлена не только единично, но и более обобщенно: *Klasický sovětský aparátčik proměněný v sunnitského muslima, který je u moci téměř dvacet let, podepsal zákon o změně rodinného zákoníku, jímž posunul věkovou hranici dívek pro vdavky ze sedmnácti na osmnáct let // Týden, č. 30/2010 (ČNK) /Классический советский аппаратчик, превращенный в суннита (последователя многочисленного направления в исламе (от «сунна» – священное предание, рассказывающее о жизни исламского пророка Мухаммеда)), который находится у власти без малого двадцать лет, подписал закон об изменении семейного кодекса, который сдвинул возрастную границу при вступлении в брак девушек с семнадцати на восемнадцать лет/.*

2.3. Еще один объект негативной оценки, реализуемой с помощью рассматриваемого прилагательного как в российских, так и в чешских СМИ, – внеинституциональная повседневная деятельность человека. Возможность применения к ним модусно переориентированной речевой единицы советского политического дискурса обусловлена особой политизацией советского общества, особой значимостью политического самоопределения для советского человека, непосредственно не участвующего в политической деятельности, вследствие чего социальный авторитет политического дискурса распространялся на бытовые аспекты «советской» жизни.

Как и в предыдущем случае, российские СМИ, сохраняющие до настоящего времени актуальность бытовой конкретики прошлого своей страны, представляют объект оценки достаточно детально. В то же время в своих манипулятивных стратегиях российские СМИ отражают результат социальной отработанности содержательных аспектов «советского» быта, подвергаемых негативной оценке регулярно. При этом в наиболее обобщенном виде негативные признаки советского быта совпадают с признаками неполитических официальных государственных систем: примитивность, неорганизованность, неприязнательность и др. Основанием для такого совпадения является восприятие как бытовой, так и государственной деятельности как продукта политической системы, следствие ее всепроникающего влияния. В российских СМИ негативнооценочная характеристика *советское* приписывается бытовым реалиям, от которых современное общество благополучно избавилось, либо сохраняющимся как «пережиток»: *Затем переходите в небольшое, но пугающее своей казенностью помещение. Там – с десяток окошек для проверки документов. У каждого – длинный хвост очереди, напоминающей забытую советскую. И – ни скамеек, ни туалетов...* // Комсомольская правда. 2014.08.02 (НКРЯ); *Любой объект в Крыму, даже санаторий советской постройки, может быть инвестиционно привлекательным, считает вице-президент Всероссийской ассоциации отельеров и рестораторов Сергей Колесников* // РБК Дейли, 2014.06.16 (НКРЯ); *Единственный знак природы – дзен-буддистская цветущая ветка в старом облупившемся садовом кашпо, какие стояли в советских парках культуры* // Экран и сцена, 2004.05.06 (НКРЯ); специфике мировоззрения советского человека: *Помнится на заре «перестройки» случился скандально известный эпизод на первом ток-шоу, когда наивная советская общественница сказала: «У нас в Советском Союзе секса нет, а есть любовь»* // Известия, 2014.05.29 (НКРЯ) и др. Еще одна особенность реализации негативной оценки советских бытовых аспектов деятельности связана с привлечением ее как априорно негативной для оценки реалий российской современности – в сравнительных смысловых конструкциях (в основе – социальная отработанность негативной оценки определенных аспектов советского быта): *даже санаторий советской постройки; даже в советское время был не один учебник* и др.

Несмотря на долговременную государственную политическую ориентированность чешского государства на советскую идеологическую систему, результатов применения характеристики *sovětský* к бытовым аспектам собственного прошлого (даже в негативнооценочных целях) в чешских СМИ не зафиксировано. Не являются частотными и случаи использования рассматриваемого прилагательного в функции оценки

бытовой реальности чужого государства, представленной в обобщенном виде (без конкретизации и детализации): *Rodiče si kopali vlastní hrob tím, že mi dali možnost žít v Paříži a číst buřičské spisy de Sadeho, Heideggera a Jasperse. Tím se ze mě nemohl stát sovětský člověk // Literární noviny, č. 40/2013 (ČNK) /Родители рыли себе могилу тем, что дали мне возможность жить в Париже и читать бунтарские сочинения де Сада, Хайдеггера и Ясперса. Из-за этого я не смог стать советским человеком; V této zvláštní zemi se zastavil čas – jenže čas sovětský, který se dosud nepřetočil a z něhož zůstala nejen neodbytná ruština. Silné džípy brázdí asfalt i kamenité vyjeté koleje cest a jejich řidiči v černých brýlích si bezstarostně užívají bohatství a svobodu // 100+1 zahraniční zajímavost, č. 11/2012 (ČNK) /В этой своеобразной стране (об Азербайджане) время остановилось – однако советское время, которое до сих пор не сдвинулось и от которого остался не только назойливый русский язык. Сильные джипы бороздят асфальт и каменистые наезженные колеи дорог, и их водители в темных очках беспечно используют богатство и свободу/.*

3. Случаи использования прилагательного *советский* в позитивно-оценочных целях обнаруживаются только в российских СМИ. Но вряд ли такое их использование можно представить как результат восприятия социального авторитета советского политического дискурса как истинного. Внешнее совпадение оценочного вектора прилагательного *советский* не является формой сохранности позитивнооценочного модуса советского политического дискурса-источника. Позитивная оценка не копирует заданную в источнике модусную установку, а, как и в предыдущих моделях, реинтерпретирует ее через посредство негативной оценки тотального, неаналитического отрицания советского (как социально-оценочного стереотипа современной интерпретации российского прошлого, разрушение которого активно реализуется в качестве одной из манипулятивных стратегий дискурса российских СМИ). При этом функционально позитивнооценочный модус речевой единицы *советский* используется для оценки современной действительности («некоторых признаков советского современной действительности не хватает»).

Объектами позитивной оценки становятся отдельные признаки как советской государственной системы (*Комиссия предлагает использовать советский опыт работы военных частей со средними школами, при этом значительно расширив такое сотрудничество. Это хорошая, но забытая советская форма взаимодействия государственных институтов с молодежью, но только с новым подходом, с новыми мотивациями // Известия, 2014.07.08 (НКРЯ); / Успехи советского периода связаны с именем Анатолия Тарасова, сумевшего воссоединить не только опыт мирового хоккея, но и других видов*

спорта // *Известия*, 2014.06.16 (НКРЯ); *Единороссы заявляли о намерении принять закон «О первом рабочем месте», который предполагал восстановление советской практики обязательного распределения выпускников // Известия*. 2014.06.03 (НКРЯ)), так и советского быта: *В тоталитарном советском детстве нас учили многим ужасным и тоталитарным вещам. Не чавкать за столом, зевать, прикрывая рот ладонью, не коверкать чужих фамилий, не браниться матом, особенно при женщинах и детях, не обсуждать чужую внешность – и прочее, и прочее, и прочее. Как у Чуковского, все это закладывалось в возрасте от двух до пяти. Но вот тоталитарный режим пал, и пришла чаемая свобода // Комсомольская правда*. 2014.07.07 (НКРЯ); *Что сделали бы с тренером и командой в советское время, если бы наставник сказал, что клуб – неуправляемый? // Известия*, 2014.06.20 (НКРЯ).

В чешских СМИ случаев использования прилагательного *sovětský* в позитивнооценочных целях обнаружено не было: на внешнеполитические смыслы содержание данной единицы в чешских СМИ распространяется только в оценочно нейтральной форме.

Таким образом, идеологически ориентированный позитивнооценочный модус советского политического дискурса, стабилизированный в русском прилагательном *советский* и в его чешском эквиваленте *sovětský*, в современных российских и чешских СМИ либо подвергается манипулятивно обусловленной реинтерпретации (что происходит значительно чаще), либо нейтрализуется.

Модели его реинтерпретации в дискурсах российских и чешских СМИ демонстрируют элементы как сходства, так и различия. Сходство определяется 1) общностью политико-идеологического прошлого стран; 2) единством СМИ-интенций, что проявляется в возможности нейтрализации оценки и ее реинтерпретации. Различия в основном определяются восприятием советского как идеологической модели своего / чужого государства, что проявляется в 1) степени дифференцированности, детальности представления объекта оценки, осуществляемой при использовании прилагательного *советский*; 2) наличии / отсутствии фактов использования рассматриваемого прилагательного в позитивнооценочных целях.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин 1979 - *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Купина 1995 - *Купина Н.А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург – Пермь: Изд-во Урал. ун-та; ЗУУНЦ, 1995. 144 с.

Ленин 1969 - Ленин В.И. Что такое Советская власть? // ПСС. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969. Т. 38.

НКРЯ 2016 - Национальный корпус русского языка (НКРЯ) / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.04.2016).

Резанова 2008 - Резанова З.И. Трансформации советских стереотипов и мифологем в дискурсе региональных СМИ // Язык и культура. 2008. № 3. С. 63–71.

Словарь русского языка 4 - Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 4: С–Я, 1988. 800 с.

Трипольская, Булыгина 2015 - Трипольская Т.А. Булыгина Е.Ю. Идеологическая семантика как объект лексикографирования разновременными словарями // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (24). С. 28–40.

Тубалова 2014 - Тубалова И.В. Институциональные речевые модели в личностно-ориентированных дискурсах различного типа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 5 (31). С. 38–52.

Тубалова 2015 - Тубалова И.В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2015. 539 с.

ČNK 2016 - Český národní korpus (ČNK) / Univerzita Karlova v Praze. URL: <https://www.korpus.cz> (дата обращения: 15.04.2016).

Slovník spisovného jazyka českého 3 - Slovník spisovného jazyka českého: ve 4 dílů. / Ústavu pro jazyk český ČSAV; Za vedení B. Havránka (hlavního redaktora), J. Běliče, M. Helcla a A. Jedličky. Praha, 1960–1971. URL: <http://bara.ujc.cas.cz/ssjc/search.php?hledej=Hledat&heslo=sov%C4%9Bt&sti=EMPTY&where=hesla&hsubstr=no> (дата обращения: 15.04.2016).

REFERENCES

Bahtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo.

Kupina, N.A. (1995) *Totalitarnyy yazyk: Slovar' i rechevye reaktsii* [The totalitarian language: Vocabulary and verbal reactions]. Ekaterinburg – Perm: Ural State University.

Lenin, V.I. (1969) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 38. Moscow: Politicheskaya literatura.

Institute of the Russian Language RAS. (2016) *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. [Online]. Available from: <http://www.ruscorpora.ru> (Accessed: 12th April 2016).

Rezanova, Z.I. (2008) Transformatsii sovetskikh stereotipov i mifologem v diskurse regional'nykh SMI [Transformation of Soviet stereotypes and myths

in the discourse of regional media]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 3. pp. 63-71.

Evgenieva, A.P. (1988) *Slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [The Dictionary of the Russian Language in 4 vols]. 3rd ed. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.

Tripolskaya, T.A. & Bulygina, E.Yu. (2015) Ideologicheskaya semantika kak ob'ekt leksikografirovaniya raznovremennymi slovaryami [Ideological semantics as the object of lexicographically diachronous dictionaries]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2 (24). pp. 28-40.

Tubalova, I.V. (2014) Institutional speech patterns in person-oriented discourses. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (31). pp. 38-52 (In Russian).

Tubalova, I.V. (2015) Polifonicheskiy tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh [Polyphonic text in oral personality-oriented discourses]. Philology Doc. Diss. Tomsk.

Czech Republic. (2016) *Český národní korpus (ČNK)* [Czech National Corpus]. Prague: Univerzita Karlova v Praze. [Online]. Available from: <https://www.korpus.cz> (Accessed: 15th April 2016).

Havránka, B. (ed.) (1960–1971) *Slovník spisovného jazyka českého* [The Dictionary of the Czech Literature Language]. Prague: ČSAV. [Online]. Available from: <http://bara.ujc.cas.cz/ssjc/search.php?hledej=Hledat&heslo=sov%C4%9Bt&sti=EMPTY&where=hesla&hsubstr=no> (Accessed: 15th April 2016).

Тубалова Инна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Tubalova Inna – Tomsk State University (Russia).

E-mail: tina09@inbox.ru

Филь Юлия Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Fil Yulia – Tomsk State University (Russia).

E-mail: 2fil@inbox.ru

УДК 81'112

UDC

DOI: 10.17223/18572685/45/5

ЛЕКСИКА ТАКТИЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

И.В. Садыкова

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: pansadyk@rambler.ru

Авторское резюме

В статье рассматриваются особенности формирования лексики тактильной перцепции в восточнославянских языках. Анализ проводится в рамках сравнительно-исторического метода на материале лексикографических источников. В ходе исследования было выявлено, что семантика осязательных глаголов предполагает разную степень активности субъекта восприятия; он может как случайно, произвольно коснуться объекта, так и целенаправленно исследовать объект, ощупывая его. Во всех восточнославянских языках имеется ряд слов, именующих тактильные ощущения, следовательно, каждый восточнославянский язык прошел свой путь формирования данной группы глаголов. Это говорит в пользу того, что рассматриваемый круг лексики формировался в достаточно поздний период. Больше количество сходств в составе синонимических рядов обнаруживается между украинским и белорусским языками. Кроме того, следует отметить большое влияние западнославянских языков на формирование тактильной лексики русинского языка. Русский язык и русинский язык стоят несколько особняком в процессе формирования рассматриваемого пласта слов.

Ключевые слова: славянские языки, русинский язык, лексические соответствия, тактильная перцепция.

VOCABULARY OF TACTILE PERCEPTION IN EAST SLAVIC LANGUAGES

I.V. Sadykova

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: pansadyk@rambler.ru

Abstract

The article discusses the formation of tactile perception vocabulary in East Slavic languages. The analysis is conducted within the framework of comparative-historical method on the basis of lexicographical sources. The research shows that the semantics of tactile verbs presupposes different degrees of the activity of the perception subject. The subject can involuntarily touch the object or intentionally investigate it by touching. In all East Slavic languages there are words of tactile perception; therefore each East Slavic language formed this word group in its own way. It supports the fact that this vocabulary was forming in the relatively late period. More similarities of synonyms are discovered between the Ukrainian and the Belarusian languages. It is also worth mentioning, that the West Slavic languages had a great influence on the formation of tactile vocabulary in the Rusin language. Russian and Rusin stand apart in the formation of the vocabulary under analysis.

Keywords: Slavic languages, Rusin language, lexical correspondences, tactile perception.

В настоящем исследовании в центре внимания находится лексика, используемая в современных восточнославянских языках (русинском, украинском, белорусском, русском) для обозначения тактильного восприятия окружающей действительности. Материалом исследования послужили данные словарей различного типа: двуязычных словарей восточнославянских языков, толковых, исторических, этимологических словарей славянских и индоевропейских языков. Целью данного исследования является выявление особенностей номинации тактильной перцепции в восточнославянских языках.

Лексика чувственного восприятия формируется в индоевропейских языках, в том числе и в славянских языках, поэтапно, отражая сложный процесс познания и осознания человеком самого себя и своих чувств. Слова, именующие перцептивные ощущения, первоначально имели, по всей видимости, синкретичную семантику,

т. е. могли обозначать как перцепцию в целом, обобщенном, нерасчлененном виде, так и какую-либо отдельную, частную перцепцию. Так, рефлексы индоевропейского корня *au- «чувственно воспринимать, ощущать, понимать» дают такую картину: с одной стороны, есть наименования обобщенной перцепции, как древнегреческий глагол αἰσθάνομαι «ощущать, воспринимать, чувствовать (т. е. слышать, видеть, обонять)», а с другой стороны, имеются названия конкретных восприятий (зрительного и слухового), как др.-греч. αἰῶ «слышать; видеть, замечать, знать; слушать, слушаться», лат. *audire* «слушать, слышать», хет. *u-uh-hi* «я вижу», *a-uš-zi* «он видит» и др. (Рокорну 1951–1959: 78). Или, например, дериваты праславянского глагола *čuti «чувствовать, замечать, узнавать» в восточно- и западнославянских языках обозначают и общую, и конкретную перцепцию (слуховую, обонятельную, тактильную, реже – вкусовую), а в южнославянских языках они служат наименованиями слухового восприятия мира (ЭССЯ 4: 134–135). Для древнего состояния языка очень сложно определить, в каком направлении шло семантическое развитие: от общей перцепции к частной или наоборот. Однако с течением времени синкретизм семантики постепенно устраняется, формируются наименования для каждого вида чувственного восприятия – зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса.

В представляемом исследовании, как уже было сказано, рассматривается лексика осязания в современных восточнославянских языках. Нам было интересно выяснить, какие лексемы используются в этих языках для обозначения тактильной перцепции, как соотносятся эти лексемы внутри каждого языка и между языками, является ли перцептивное значение у них первичным, каковы модели номинации данного вида восприятия, есть ли общее наименование для тактильной перцепции в восточнославянских языках.

На основе лексикографических данных для каждого восточнославянского языка были сформированы синонимические ряды слов-наименований тактильного восприятия действительности, а именно:

1) в русском языке: *трогать* (до**т**рагиваться), *касаться* (при**к**асаться), *осязать*, *щупать*, (прост.) *лапать* (Кузнецов 2000; МАС 2; МАС 4);

2) в русинском языке: *пыт(ьк)ати*, *мацати*, *гматати*, (прост.) *лапати* «щупать»; *кывати*, *рушати*, *бабрати* «трогать»; *чути на дотык* «осязать»; *дотыкати ся*, *докывати ся*, *тыкати ся* «касаться» (Русинско-русский словарь 1; Русинско-русский словарь 2);

3) в украинском языке: *щупати*, *мацати*, (разг.) *лапати* (*лапнути*) «щупать»; *рушати*, *торкати* (*торкнути*) «трогать»; *стосуватися*, обл. *дотикати*, *діткнути* «касаться»; *відчувати на дотик*, *сприймати дотиком* «осязать»; *торкатися* (*торкнутися*), *доторкатися*

(*доторкуватися*) «дотрагиваться, прикасаться» (Украинско-русский словарь 1971);

4) в белорусском языке: *успрымаць дотыкам, адчуваць на дотык* «осязать»; *дакранацца, датыкацца* «касаться»; *чапаць, рушыць, кра-таць, кранаць* «трогать»; *шчупаць, мацаць*, (прост.) *лапаць* «щупать» (Белорусско-русский словарь 1988–1989).

Рассмотрим отобранные лексемы в интересующих нас аспектах.

1. Следует обратить внимание на то, что человек по-разному воспринимает окружающий мир: бесконтактно и контактно. Когда мы смотрим вокруг, слышим звуки, ощущаем запахи, нам не обязательно находиться очень близко с предметом, мы можем воспринимать его на расстоянии. В то же время, чтобы почувствовать вкус предмета, понять, какой он на ощупь, нам нужно обязательно находиться в непосредственном контакте с познаваемым предметом. Таким образом, при тактильном восприятии какого-либо предмета обязательно есть субъект действия, объект действия и инструмент действия, через который происходит восприятие. Инструментом восприятия при этом становятся чаще всего человеческие руки или пальцы (у животных – лапы, у птиц – крылья), а также любые другие части тела человека (например, кожа; интересно, что инструментом осязания могут быть и глаза, ср. рус. *щупать глазами (взором)* «внимательно осматривать») или собственно инструменты (например, щуп). В роли воспринимаемого объекта может выступать любой предмет окружающей действительности: как конкретный (шляпа, ткань, конь и под.), так и абстрактный (например, тема, мысль, период истории, достижения и под.). Именно эти элементы семантики (субъект, объект, инструмент) являются общими для основного значения всех лексем, которые составляют ряды синонимов в восточнославянских языках. Однако отражаются они в лексическом значении выделенных глаголов по-разному.

Так, например, различна степень активности субъекта восприятия. Наименьшую степень, на наш взгляд, выражают лексемы *прикасацца, дотрагивацца* в русском языке, *дотыкати ся, докывати ся, тыкати ся* в русинском языке, *стосуватися*, обл. *дотикати, діткнути, торкати ся (торкнути ся), доторкати ся, доторкуватися* в украинском языке, *дакранацца, датыкацца* в белорусском языке. В этих вариантах номинации тактильных ощущений субъект не имеет специальной задачи тщательно исследовать объект, прикосновение носит, по большей части, случайный характер. Немного больше степень активности субъекта проявляется в семантике глаголов *трогаць, касацца, осязать* (рус.), *кывати, рушати, бабрати, чути на дотык* (русин.), *рушати, торкати (торкнути), відчувати на дотик, сприймати дотиком* (укр.),

успрымаць дотыкам, адчуваць на дотык, рушыць, кратаць, кранаць (блр.). Здесь субъект касается объекта с тем, чтобы составить первое, поверхностное впечатление о нем. Наконец, наивысшая степень активности субъекта, когда он не только слегка касается предмета, трогает его, но и берет этот предмет в руки, тщательно ощупывает его, проявляется в семантической структуре следующих глаголов: *щупаць*, (прост.) *лапаць* (рус.), *пыт(ь)кати, мацати, зматати*, (прост.) *лапати* (русин.), *щупати, мацати*, (разг.) *лапати* (укр.), *шчупаць, мацаць*, (прост.) *лапаць* (блр.).

Степень активности субъекта восприятия влияет, как нам представляется, и на выраженность инструмента восприятия при формулировке значения анализируемых слов. Так, например, прямое указание на инструмент восприятия есть в формулировке значения русского глагола *щупать* («прикаса́ться рукой, пальцами и т. п. (чтобы обследовать, распознать)»; «трога́ть рукой, пальцами и т. п.») (Кузнецов 2000: 1511; МАС 4: 744) и рус. прост. груб. *лапать* («трога́ть, хвата́ть руками», «трога́ть, хвата́ть руками, щупа́ть») (Кузнецов 2000: 487; МАС 2: 164). В значении же других слов инструмент восприятия не называется напрямую, но предполагается, так как при осязании необходим контакт с воспринимаемым объектом, который осуществляется через какой-то инструмент.

Своеобразным инструментом (хотя и воображаемым), вынесенным в отдельное слово, выступает в русинском, украинском и белорусском языках существительное *дотык (дотик)* «прикосновение, осязание» в словосочетаниях *чути на дотык, відчувати на дотик, сприймати дотиком, успрымаць дотыкам, адчуваць на дотык*. Следует также отметить, что когда воспринимаются абстрактные объекты (такие как тема, мысль и под.), инструмент восприятия также воображаем, абстрактен, да и семантика самих перцептивных глаголов является в этом случае уже переносной, метафорической.

В качестве объекта восприятия при осязательных глаголах может использоваться наименование любого воспринимаемого предмета (конкретного, реального или абстрактного, воображаемого), хотя обращает на себя внимание тот факт, что чем активнее ведет себя субъект восприятия, тем конкретнее объект восприятия.

2. Сопоставив состав синонимических рядов слов, именующих тактильную перцепцию в восточнославянских языках, можно отметить следующее. Во-первых, для обозначения тактильной перцепции в каждом из современных восточнославянских языков имеется свой набор наименований. Данный факт говорит о том, что, по всей видимости, каждый восточнославянский язык прошел свой путь номинации тактильного восприятия, при этом восточнославянские

языки по-разному взаимодействовали между собой и с другими славянскими языками.

Во-вторых, несмотря на значительные расхождения в составе синонимических рядов, есть все-таки некоторые общие черты. Например, во всех рассматриваемых языках функционируют родственные просторечные или разговорные глагольные формы: рус. *лапать*, укр. *лапати*, русин. *лапати*, блр. *лапаць*, которые являются рефлексами праслав. *lapati. Данная праформа дает дериваты и в других славянских языках: а) южнославянские: болг. *лѧпам* «пожирать, лопать», макед. *лапа* «лопать, уминать, жрать», с.-хорв. диал. *лѧпати*, *лѧпати* «лопать, жрать; лять, падать крупными каплями», словен. *lāpati* «хватать, ловить; болтать без умолку»; б) западнославянские: чеш. *lapati* «хватать, ловить; стараться поймать», слвц. *lapat'* «хватать», в.-луж. *łapac* «хватать, ловить», н.-луж. *lapac* «хватать, ловить», польск. *łapac* «ловить, хватать», словин. *łapac* «хватать, ловить» (ЭССЯ 14: 28). Однако тактильная семантика развивается только у восточнославянских глаголов, причем на основе значения «хватать, ловить руками».

Имеются среди лексики тактильной перцепции восточнославянских языков и другие сходства. Так, в русинском, украинском и белорусском языках есть обозначения-словосочетания: русин. *чути на дотык*, укр. *відчувати на дотик*, блр. *адчуваць на дотык* со значением «осязать», в которых используются префиксальные и непрефиксальные однокоренные глаголы, восходящие к о.-слав. *čuti «чувствовать, замечать, узнавать» (ЭССЯ 4: 134). Соответственно, первичное значение этих обозначений-словосочетаний можно сформулировать как «чувствовать (ощущать) через (с помощью) прикосновение (осязание)». Русинский глагол *чути*, входящий в одно из сложных наименований, полностью соответствует древнерусскому глаголу *чути*, который в русском языке получил форму *чуять* и в XVIII–XIX вв. употреблялся для именованя тактильного восприятия наряду с обозначением общей перцепции, а также слуховой и вкусовой (САР 6: 836–837; Даль 4: 1381–1382). Кроме того, о.-слав. *čuti имеет производные в западно- и южнославянских языках, где они являются обозначениями как общей перцепции, так и различных конкретных перцепций (ЭССЯ 4: 134–135)¹.

В украинском и белорусском языках процесс осязания также обозначается с помощью словосочетаний укр. *сприймати дотиком*, блр. *успрымаць дотыкам*. У глаголов, используемых в этих сочетаниях, есть параллели в русском языке (*воспринимать*) и в русинском языке (*восприимати*), которые могут использоваться для обозначения общего восприятия, однако словосочетаний, называющих тактильные ощущения, в русском и русинском языках не сформировалось.

В трех языках (из четырех рассматриваемых) для обозначения тактильной перцепции используются следующие родственные лексемы:

- 1) русин. *мацати*, укр. *мацати*, блр. *мацаць* «щупать»;
- 2) русин. *тыкати ся* (*дотыкати ся*), укр. обл. *дотикати*, *дiткнути*, блр. *датыкацца* «касаться, прикасаться»;
- 3) русин. *рушати*, укр. *рушати*, блр. *рушыць* «трогать»;
- 4) рус. *щупать*, укр. *щупати*, блр. *щупаць* «щупать».

Отметим, что в истории русского языка также фиксировались глаголы *мацать*, *дотыкаться*, *рушати* / *рушати*, однако на сегодняшний момент они имеют семантические, стилистические и функциональные особенности. Например, лексема *мацать* со значением «трогать, щупать» употребляется на западе и юге России и является диалектизмом (СРНГ 18: 54). Такой же статус в современном русском языке имеет и глагол *дотыкаться* «дотрагиваться, прикасаться; обращаться с просьбой о помощи, об услуге» (СРНГ 8: 157), однако он отмечался и в более ранний период истории русского языка (XV–XVI вв.), о чем свидетельствуют материалы Словаря русского языка XI–XVII вв.: *дотыкати ся* «касаться чего-либо, иметь отношение» (СРЯ XI–XVII: 344). Что касается глаголов *рушати* / *рушати*, то они употреблялись уже в период древнерусского языка, однако их семантика не была связана с перцепцией, их основное значение «разрушать, нарушать» (Срезневский 3: 201–202). В современном русском литературном языке лексема *рушить* «ломая, валить на землю; разрушать; уничтожать, приводить в полное расстройство, разваливать» (и ее производные) продолжает функционировать, но она не имеет отношения к обозначению чувственного восприятия (Кузнецов 2000: 1135). Справедливости ради нужно сказать, что и в других восточнославянских языках соответствующие глаголы имеют перцептивную семантику только в определенной, запретительно-повелительной конструкции: русин. *не рушай* «не трогай», укр. *не руш* «не трогай», блр. *не руш* «не тронь, не трогай», основная же семантика связана с движением: «двигать» (Русинско-русский словарь 2: 308), «отправляться, трогаться, двигаться» (Украинско-русский словарь 1971: 828), «двинуться, тронуться, устремиться» (Белорусско-русский словарь 2: 412).

Относительно глагола *щупать* следует отметить, что он был также зафиксирован в период древнерусского языка, причем как обозначение тактильной перцепции со значением «трогать, ощупывать» (Срезневский 3: 1614), т. е. он вполне мог бы претендовать на общее наименование осязания в восточнославянских языках, однако таковым не стал (он не функционирует в русинском языке).

В-третьих, в каждом из восточнославянских языков есть собственные лексемы для обозначения процесса осязания: в русском – *трогать* (*дотрагиваться*), *касаться* (*прикасаться*), *осязать*, в русинском – *пыт(ьк)ати*, *гматати*, *кывати* (*докывати ся*), *бабрати*, в украинском – *стосуватися*, *торкати(ся)* (*торкнути(ся)*, *доторкатися*, *доторкуватися*), в белорусском – *кранаць* (*дакранацца*), *кратаць*, *чапаць*.

Относительно указанных слов следует сделать некоторые замечания. Большинство названных глаголов имеют соответствия в близкородственных языках (причем не обязательно в восточнославянских), однако, как правило, эти соответствия не относятся к лексике, называющей тактильные ощущения.

Рассмотрим русские лексемы. Для рус. *трогать* «прикасаться к кому-, чему-либо, дотрагиваться» (Кузнецов 2000: 1347; МАС 4: 413) этимологические источники дают следующие параллели в украинском и белорусском языках: укр. *торгати*, диал. *трогати* «дергать», блр. *торгаць* «дергать» (Черных 2: 264), в которых семантика осязания не проявлена открыто, однако чтобы дернуть какой-либо объект, к нему нужно обязательно прикоснуться, до него нужно дотронуться, следовательно, прикосновение является частью процесса дергания и входит в семантическую структуру названных слов. В Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля фиксируется глагол *торгать* (*торгнуть*) «рвать, дергать, теребить; толкать, тормозить», который соответствует (и формально, и семантически) украинской и белорусской лексемам, при этом автор отмечает, что «*торгать* и *трогать*, конечно, общего корня» (Даль 4: 801). Следовательно, рус. *трогать* могло образоваться от рус. диал. *торгать* путем экспрессивной перестановки согласных, и перцептивная семантика сформировалась на русской почве, на основе значения «рвать, дергать» (Фасмер 4: 83).

Глагол *касаться* функционирует в русском языке с древнерусского периода (с XI в.) со значением «касаться, относиться» (Срезневский 2: 1198), в современном русском литературном языке он имеет основное значение «дотрагиваться до кого-, чего-либо, прикасаться к кому-, чему-либо» (Кузнецов 2000: 420; МАС 2: 37). Современные же литературные украинский и белорусский языки подобной лексемой не обладают, но, по свидетельству словаря П.Я. Черных, в староукраинском языке фиксировался глагол *касатися* «касаться, употреблять» (XVIII в.), а в белорусских диалектах функционирует *касацца* «касаться» (ЭССЯ 9: 155–156). Интересно, что соответствия указанным восточнославянским глаголам есть и в южнославянских языках, и в западнославянских языках, однако перцептивную семантику имеет только старославянский *касати ся* «tangere, касаться», в остальных

случаях значение связано либо с быстрым передвижением, как в южнославянских языках (ср. макед. *каса* «бежать рысью», с.-хорв. *ка̑сати* «бежать трусцой, рысью, торопливо идти», словен. *kasati* «идти, потряхивая головой (о лошади)»), либо с закатыванием, подворачиванием (чаще одежды, например штанов), как в западнославянских (ср. чеш. *kasati* «закатывать, засучивать», чеш. диал. *kasat* «сгребать», «засучивать, подвертывать», слвц. *kasat'* «засучивать, закатывать», в.-луж. *kasac'* то же, н.-луж. *kasac'* «засучивать, поднимать» и др.) (ЭССЯ 9: 155–156). Таким образом, только у русской лексемы сохраняется и развивается семантика осязания.

Русский глагол *осязать* также функционирует с XI в. со значением «прикоснуться, ощупать» (Срезневский 2: 755), на современном этапе – «воспринимать путем осязания; ощущать, воспринимать, замечать» (Кузнецов 2000: 281; МАС 2: 660). В качестве соответствий в других восточнославянских языках можно отметить: укр. *сягати* (*сягнути*) «достигать, доставать; простираться; разг. хватать», *осязати* (*осязнути*, *осязти*) «постигать; охватывать, обнимать, объять (умом, зрением)» (Украинско-русский словарь 1971: 532, 934); русин. *сягати* «протягивать руку, доставать» (Русинско-русский словарь 2: 405); блр. *асязнуць* «перен. охватить, постичь, объять» (Белорусско-русский словарь 1: 151). Тактильная семантика в названных соответствиях присутствует латентно, хотя в русинском словосочетании *руками не сягати* со значением «руками не трогать» перцепция выходит на первый план.

Таким образом, следует сказать, что современный русский литературный язык сохранил две древнерусские лексемы *касаться* и *осязать* для обозначения тактильной перцепции, тогда как другие восточнославянские языки их утратили (отчасти перцептивную семантику сохраняет русин. *сягати*). Также в русском языке сформировалось свое слово для обозначения тактильного восприятия – глагол *трогать*.

Русинские глаголы осязания образуют особую группу слов на фоне других восточнославянских языков. Можно выявить две основные тенденции в развитии данной группы лексики в русинском языке. С одной стороны, обнаруживается ряд параллелей между русинским и украинским языками и между русинским и западнославянскими языками. В частности, русинскому *гматати* «мять, комкать, щупать; впихивать, пихать» (Русинско-русский словарь 1: 166) соответствуют польск. *gmatwać, gmatać* «путать, беспорядочно мешать», чеш. *hmatati* «щупать», слвц. *hmatat'* «касаться, прикасаться (руками); щупать» (Етимологічний словник української мови 1: 533) и ст.-укр. *гма́тати* «комкать, гнуть» (Грінченко 1: 292), «давить, гнуть, мять» (Етимологічний словник української мови 1: 533). Представленный материал

дает возможность сказать, что русинская лексема *гматати* в своей семантике сочетает конкретное тактильное значение («щупать») и значение, которое стало основой, как нам представляется, для возникновения этого осязательного значения: ведь чтобы давить на какой-то предмет, комкать и мять его, нужно касаться этого предмета, держать его в руках. В то же время остальные параллельные образования делятся на две группы: а) в чешском и словацком языках соответствующие глаголы обозначают только тактильную перцепцию, б) в польском и украинском языках перцептивная семантика не оформилась в отдельное значение, но она потенциально содержится в их семантической структуре.

С другой стороны, у русинских глаголов (*бáбрати, кывати, пыт(ьк)ати*) семантика осязания формируется независимо от других славянских языков, хотя для каждого из названных русинских слов почти во всех славянских языках есть соответствия, однако перцептивная семантика у них либо не развивается, либо находится в потенции, либо периферийна. Ср.:

– русин. *бáбрати* «возиться; трогать; пачкать», *бáбрати ся* «возиться, канителиться; морочиться; разг. ковыряться», *бáбрѹти* «пачкать, грязнить, марать» (Русинско-русский словарь 1: 60) родственно с.-хорв. *бáбрати* «возиться, рыться; канителиться»; чеш. *babrati se* «копаться (руками) в чем-либо», слвц. *babrat'* «пачкать; делать плохо, неумело; трогать», *babrat' se* «пачкаться; возиться, медленно и долго делать», польск. *babrać* «пачкать, загрязнять; плохо делать»; укр. *бáбрати* «пачкать, марать», *бебрати* «перебирать, выискивать что получше (о еде)», *бáбратися* «копаться в нечистоте, заниматься грязной работой», рус. диал. *барáбать* «рыть, разрывать; брать, захватывать», «перебирать, приводить в беспорядок», «беспорядочно двигать ногами (о ребенке)», «хватать, схватывать», «говорить невнятно или невразумительно», *барáбаться* «плескаться в воде, пачкаться, перебирать грязь, песок», «лезть вверх» (ЭССЯ 1: 112–113). На основе приведенных лексем реконструируется о.-слав. *babrati (se), которое считается звукоподражательным образованием с экспрессивным удвоением согласных;

– русин. *кывати* «двигать, шевелить чем; трогать кого, что», *кывати ся* «шевелиться, двигаться; хлябать», *докынути* «дотронуться, притронуться; прикоснуться» (Русинско-русский словарь 1: 235, 460) восходят к тому же корню, что болг. *кывамь* «кивать», словен. *kívati* «кивать головой, махать рукой», чеш. *kývati* «качать, колебать; кивать (в знак согласия); подзывать знаком», слвц. *kývat'* «качать, двигать, махать приветственно», в.-луж. *kiwaś* «качать, двигать, махать, кивать», н.-луж. *kiwaś* «кивать, мигать», *kiwaś se* «шататься», польск. *kiwaś*

«кивать, махать», рус. *кивать* «делать легкие наклонные движения головой в знак приветствия, согласия, утверждения», укр. *кивати* «кивать, махать», *киватися* «качаться», блр. *ківаць* «качать (головой)», *ківацца* «шататься» (ЭССЯ 13: 283–284). Указанные лексемы являются рефлексами о.-слав. *kyvati, для которого реконструируется значение «махать сверху вниз, двигаться сверху вниз»;

– русин. *пытати* «ощупывать, щупать, шарить», *пытькати* «ощупывать, щупать; трогать руками; прост. груб. лапать» (Русинско-русский словарь 2: 251), *допытати* «прощупать, найти щупая» (Русинско-русский словарь 1: 240) в современных славянских языках соответствуют лексемы, значение которых практически во всех случаях одно «спрашивать, допытываться»: польск. *pytać*, чеш. *ptáti se*, в.-луж. *pytać*, н.-луж. *pytaś*, болг. *numam*, с.-хорв. *numamu*, укр. *numámu*, блр. *пытáць*, рус. *пытать* (у русского глагола значение развивалось от «спрашивать, допытываться, разузнавать» к «применять пытку на допросе») (Черных 2: 88). Общеславянской праформой для всех названных слов является *pytati, значение которой можно сформулировать как «спрашивать».

Четыре рассмотренных русинских лексемы можно объединить в синонимические пары, а именно: *зматати* и *пыт(ьк)ати* «щупать», *бабрати* и *кывати* «трогать», в семантике которых по-разному проявляется активность субъекта восприятия (в первой паре действия субъекта активнее).

Следует сказать, что русинские глаголы *кывати* и *пыт(ьк)ати* как обозначения тактильной перцепции можно назвать русинской семантической инновацией, так как только в русинском языке развивается перцептивное значение. Кроме того, зоны семантической инновации при именовании осязания русинский язык образует с некоторыми западнославянскими языками, а именно с чешским и словацким: а) ср. русин. *зматати* «щупать» и чеш. *hmatati* «щупать», слвц. *hmatat'* «касаться, прикасаться (руками); щупать»; б) ср. русин. *бабрати* и слвц. *babrat'* с неосновным значением «трогать», отчасти присутствует тактильная семантика и в значении чешской лексемы *babrati se* «копаться (руками) в чем-либо».

В украинском языке, независимо от других славянских языков, у двух глаголов формируется тактильная семантика – *торкати* «трогать, касаться, прикасаться, дотрагиваться» (и его дериваты) и *стосуватися* «касаться, относиться» (Украинско-русский словарь 1971: 917, 955), причем она основная, в то время как их соответствия в других славянских языках такого значения не развивают. Например, ср.: соответствия для укр. *торкати* – рус. *тóркать* «толкать, тыкать» (Кузнецов 2000: 1333), блр. *тóркаць* «толкать, тыкать; (вожжами) дергать;

(о рыбе) клонуть» (Белорусско-русский словарь 2: 557), чеш. *trkati*, словц. *strkat'*, в.-луж. *storkać*, н.-луж. *starkaś*, словин. *t'kati* «толкать» (основное значение для всех западнославянских соответствий), праформа для перечисленных лексем может быть восстановлена в виде *trkati с общим значением «толкать» (Етимологічний словник української мови 5: 604–605; Фасмер 4: 83).

Глагол же *стосуватися*, по данным этимологического источника, является в украинском языке полонизмом (польск. *stosować* «применять; приспособливаться»), однако значение осязательной перцепции развилось именно в украинском языке (Етимологічний словник української мови 5: 429). Следовательно, можно и в этих двух случаях говорить о семантических инновациях, произошедших в украинском языке.

Наконец, в белорусском языке для номинации тактильного восприятия закрепились лексемы *кранáць* «трогать, задевать, касаться», *кράтаць* «трогать; сдвигать» (Белорусско-русский словарь 1: 613–614), *чапаць* «трогать, задевать» (Белорусско-русский словарь 2: 690), которые отличают белорусский язык от других восточнославянских. В Этимологическом словаре белорусского языка указывается на то, что глагол *кранаць* образован от *кратнуць и первоначально имел форму *крануць*, а затем, по аналогии (видимо, с *кратуць*), приобрел современную форму (Этымалагічны слоўнік беларускай мовы 5: 111, 114–115). Архетипом для блр. *кранаць* является о.-слав. *krętnoti (se), который имеет рефлексы и в других славянских языках, однако значения их связаны по большей части с движением, различным перемещением предметов в пространстве. Семантика же тактильных ощущений фиксируется в некоторых южнославянских языках (ср. болг. диал. *крéна* «тронуть, тронуться», с.-хорв. *крéнути* «пойти, отправиться, двинуться; подняться на борьбу, восстать; хлынуть (о воде); пойти в рост; начаться; двинуть, шевельнуть; тронуть, коснуться») и в диалектах русского языка (рус. диал. (новг., ленингр., калин.) *крянуть*, *кренуть* «тронуть, прикоснуться») (ЭССЯ 12: 145–147; СРНГ 15: 369).

Белорусское *кратуць* восходит к о.-слав. *krętati (se) (эта форма соотносима с о.-слав. *krętnoti (se)) и также имеет параллели в большинстве славянских языков, но семантика осязания фиксируется только у русских диалектных лексем: рус. диал. (твер., олон., новг.) *крятать* «прикасаться, трогать», (ворон.) *крятаться* «касаться», в остальных языках глаголы называют движение, чаще с поворотом (ЭССЯ 12: 147–148; СРНГ 15: 371). Кроме того, в этимологических источниках отмечается возможное родство блр. *кратуць* с литовскими лексемами *kratýti* «трясти», *krutėti* «двигаться», *krūtinti*, *krutnóti* «двигать; трогать» (Этымалагічны слоўнік беларускай мовы 5: 111, 114–115). Возможно,

здесь мы имеем дело со следами балто-славянской изоглоссы, однако это требует более детального рассмотрения.

Таким образом, в белорусском языке лексемы *кранаць* и *кратаць* входят в основной состав группы осязательной лексики, тогда как в других восточнославянских языках данная семантика или не оформилась, или отмечается только в диалектах (в русском языке). Вместе с тем прослеживается общность обозначения осязания с некоторыми южнославянскими языками.

Белорусский глагол *чапаць* имеет параллели в других славянских языках, семантика которых отражает процесс хватания, цепляния: польск. *czapić, czapieć, czapać* «схватить», чеш. *čapatí, čapítí* «схватить», словц. *čapít'* «бить, хватать», болг. *чáпвам, чáнна* «клюю, подцепляю», с.-хорв. стар. *чaпати* «хватать», словен. *čápati* «хватать ртом», рус. *чáпáть* южн., вост. «трогать, брать, хватать, цапать; черпать; качать, зыбать» (Даль 4: 1285), *чáпáть* «идти (обычно с трудом, медленно)» (Кузнецов 2000: 1467), укр. *чáпати* «идти, медленно ступая со звуком», «рвать, обрывать (плоды)», *чáпáтися* «хватать, цепляться» и др.) (Фасмер 4: 315; ЭССЯ 4: 16–18). Реконструированная праформа – *čapati, для которой восстанавливается значение «хватать, цеплять». Как считают этимологи, форма *čapati возникла как звукоподражание тому звуку, который сопровождает процесс хватания, цепляния (ср. *capati, *xapati) (ЭССЯ 4: 18). Следует отметить, что как перцептивный глагол рефлекс названной праславянской формы *чапаць* функционирует только в современном белорусском литературном языке, хотя исторически тактильная семантика фиксировалась у русского (*чáпáть* и *чaпáть* «трогать, брать, хватать, цапать» (Даль 4: 1285)) и у украинского глаголов (*чeпáти* «трогать, свешивать», *чiпáти* «трогать» (Грінченко 4: 451)), однако на современном этапе она либо устарела, либо свойственна только диалектным лексемам.

3. Рассмотрев лексику тактильной перцепции в восточнославянских языках, можно сделать некоторые предварительные выводы относительно первичности перцептивной семантики и моделей ее формирования. Наиболее ранними обозначениями осязания у восточных славян, по всей видимости, являются глаголы *касáться* и *осязáть*, которые фиксируются в памятниках начиная с XI в. и которые сохранились как тактильные глаголы только в русском языке (отчасти в русинском языке: *руками не сягати*). Глагол *щупáть*, который также функционировал уже в древнерусском языке (первая фиксация в переводах Пандектов Никона Черногорца XII в.) (Срезневский 3: 1614), как и указанные выше *касáться* и *осязáть*, мог бы стать общим обозначением осязания у восточных славян, однако таковым не стал: в русинском языке он отсутствует, в украинском и белорусском языках

соответствующие лексемы (укр. *щупати*, блр. *шчупаць*) конкурируют с глаголами более употребительными укр. *мацати*, блр. *мацаць*, в русском же языке это один из основных глаголов, обозначающих тактильную перцепцию.

Именуя тактильное восприятие окружающей действительности, восточные славяне не только использовали для этого отдельные слова, но и составляли сложные наименования с глаголами общей перцепции (*чутти / чують* и его производные, *воспринимать*), хотя не во всех языках такие обозначения прижились или образовались (например, в русском их нет).

Для большей части лексем, которые в современных восточнославянских языках служат для именованя осязания, перцептивная семантика не является первичной. Имеющийся у нас материал позволяет выделить несколько моделей формирования тактильной семантики:

1) экспрессивное звукоподражание, отражающее процесс хватания, цепляния, ловли, дергания (типа *lap-, *čap-, *torg-/tъrg-, *tърk-/stърk) > хватать, ловить / хватать, цеплять / дергать > глагол со значением осязания: *лапати* (и его соответствия), *чапаць*; *трогати*, *торкати*; *бабрати*;

2) разного рода движение (сверху вниз, с целью разрушения, повреждения, толчка, удара, поворота и др.) > глагол со значением осязания: *щупати* (и его соответствия), *кывати*, *касати ся*, *осязати*, *рушати* (и его соответствия), *кратати ся*, *кранати ся*; *тыкати ся* (и его соответствия);

3) давить, мять, выжимать > глагол со значением осязания: *мацати* (и его соответствия), *гматати*;

4) спрашивать, допытываться > глагол со значением осязания: *пытати*.

Итак, во всех современных восточнославянских языках тактильное восприятие именуется целым рядом лексем. В семантике глаголов, называющих осязание, отражается степень активности субъекта восприятия, что может быть связано, на наш взгляд, с той семантической основой, на которой сформировалось перцептивное значение. Рассмотренные лексемы преимущественно называют способность именно человека, а не животного познавать окружающий мир через прикосновение. Общей восточнославянской литературной формы для наименования данного вида перцепции нет (только просторечный разговорный глагол рус. *лапать*, укр. *лапати*, русин. *лапати*, блр. *лапаць* употребляется всеми восточными славянами для обозначения тактильного восприятия).

В основу номинации тактильной перцепции в восточнославянских языках положены такие действия человека, как «хватать, ловить»,

«хватать, цеплять», «дергать», «давить, мять, выжимать», «двигать(ся)», «поворачивать, сворачивать», «спрашивать».

По набору лексем, входящих в состав рассмотренных синонимических групп, восточнославянские языки по-разному соотносятся между собой: большее количество сходств в составе синонимических групп обнаруживается между украинским и белорусским языками, а большее количество различий – между русским и русинским языками, при этом состав русских и русинских глаголов осязания во многом отличается от состава украинского и белорусского языков. На формирование тактильной лексики русинского языка серьезное влияние оказали западнославянские языки, в частности словацкий и чешский. Русские тактильные глаголы стоят особняком и очень незначительно пересекаются с глаголами синонимических рядов в других восточнославянских языках, а в русинском языке функционирует больше осязательных глаголов, которые не зафиксированы в других восточнославянских языках как глаголы тактильного восприятия.

В каждом рассмотренном языке сформировались свои наименования тактильной перцепции: в русском языке это глагол *трогать* (*касаться* и *осязать* – наследие древнерусского языка), в русинском – *кывати* и *пыт(ьк)ати*, в украинском – *торкати* и *стосуватися*, в белорусском языке – *кранаць* и *кратаць*. Все это свидетельствует о том, что современная лексика тактильного восприятия формировалась в восточнославянских языках достаточно поздно, уже в процессе становления отдельных языков (русского, украинского, белорусского, русинского), и каждый язык здесь шел своим путем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. подробнее: *Садыкова И.В.* Славянские соответствия русскому *чуять*: к вопросу семантической эволюции // Библиотека журнала «Русин». 2015. № 3. С. 121–132.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

блр.	– белорусский язык
болг.	– болгарский язык
в.-луж.	– верхнелужицкий язык
др.-греч.	– древнегреческий язык
лат.	– латинский язык
макед.	– македонский язык
н.-луж.	– нижнелужицкий язык

о.-слав.	– общеславянский язык
польск.	– польский язык
праслав.	– праславянский язык
рус.	– русский язык
русин.	– русинский язык
слвц.	– словацкий язык
словен.	– словенский язык
словин.	– словинский язык
с.-хорв.	– сербо-хорватский язык
ст.-укр.	– староукраинский язык
укр.	– украинский язык
хет.	– хеттский язык
чеш.	– чешский язык

ЛИТЕРАТУРА

Белорусско-русский словарь 1 - Белорусско-русский словарь: В 2 т. / Гл. ред. К.К. Крапива. Минск: Белорусская энциклопедия, 1988. Т. 1.

Белорусско-русский словарь 2 - Белорусско-русский словарь: В 2 т. / Гл. ред. К.К. Крапива. Минск: Белорусская энциклопедия, 1989. Т. 2.

Даль 4 - *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Терра, 1998. Т. 4.

Кузнецов 2000 - Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.

МАС 2 - Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1982. Т. 2.

МАС 4 - Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1984. Т. 4.

Русинско-русский словарь 1 - *Керча И.* Русинско-русский словарь: В 2 т. Ужгород: ПолиПринт, 2007. Т. 1 (А–Н).

Русинско-русский словарь 2 - *Керча И.* Русинско-русский словарь: В 2 т. Ужгород: ПолиПринт, 2007. Т. 2 (О–Я).

САР 6 - Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. СПб.: Изд-во Академии наук, 1798. Т. 6 (Т–Я).

Срезневский 2 - *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. М.: Знак, 2003. Т. 2 (Л–П).

Срезневский 3 - *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. М.: Знак, 2003. Т. 3 (Р–Я).

СРНГ 8 - Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филина. Л.: Наука, 1972. Вып. 8 (Дер – Ерепениться).

СРНГ 15 - Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филина. Л.: Наука, 1979. Вып. 15 (Кортусы – Куделюшки).

СРНГ 18 - Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. Л.: Наука, 1982. Вып. 18 (Маслиничек – Мутарсливый).

СРЯ XI–XVII - Словарь русского языка XI–XVII веков. М.: Наука, 1977. Вып. 4.

Украинско-русский словарь 1971 - Украинско-русский словарь / Под ред. В.С. Ильина. Киев: Наукова думка, 1971.

Фасмер 4 - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1987. Т. 4.

Черных 2 - *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз., 1999. Т. 2.

ЭССЯ 1 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1974. Вып. 1.

ЭССЯ 4 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1977. Вып. 4.

ЭССЯ 9 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1983. Вып. 9.

ЭССЯ 12 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1985. Вып. 12.

ЭССЯ 13 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1987. Вып. 13.

ЭССЯ 14 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1987. Вып. 14.

Грінченко 1 - *Грінченко Б.Д.* Словарь української мови: У 5 т. Київ, 1907. Т. 1.

Грінченко 4 - *Грінченко Б.Д.* Словарь української мови: У 5 т. Київ, 1909. Т. 4.

Етимологічний словник української мови 1 - Етимологічний словник української мови: У 7 т. / Голов. ред. О.С. Мельничук. Київ: Наукова думка, 1982. Т. 1.

Етимологічний словник української мови 5 - Етимологічний словник української мови: У 7 т. / Голов. ред. О.С. Мельничук. Київ: Наукова думка, 2006. Т. 5.

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы 5 - Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. Г.А. Цыхун. Мінск: Акадэмія навук БССР (Беларусі), 1989. Т. 5.

Pokorny 1951–1959 - *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern-München, 1951–1959.

REFERENCES

Krapiva, K.K. (1988) *Belorussko-russkiy slovar'*: V 2 t. [The Belarusian-Russian dictionary. In 2 vols]. Vol. 1. Minsk: Belorusskaya entsiklopediya.

Krapiva, K.K. (1989) *Belorussko-russkiy slovar'*: V 2 t. [The Belarusian-Russian dictionary. In 2 vols]. Vol. 2. Minsk: Belorusskaya entsiklopediya.

Dał, V.I. (1998) *Tolkovyvy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Terra.

- Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Great Explanatory Dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.
- Evgenieva, A.P. (ed.) (1982) *Slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [The Dictionary of the Russian language in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
- Evgenieva, A.P. (ed.) (1984) *Slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [The Dictionary of the Russian language in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
- Kercha, I. (2007a) *Rusins'ko-rosiys'kiy slovník* [The Rusinian-Russian Dictionary]. Vol. 1. Uzhgorod: PoliPrint.
- Kercha, I. (2007b) *Rusins'ko-rosiys'kiy slovník* [The Rusinian-Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhgorod: PoliPrint.
- Russian Academy of Sciences. (1798) *Slovar' Akademii Rossiyskoy, proizvodnym poryadkom raspolozhenny* [The Dictionary of the Russian Academy in the order of the derivative]. Vol. 6. St. Petersburg: Academy of Sciences.
- Sreznevskiy, I.I. (2003a) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka: V 3 t.* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language. In 3 vols]. Vol. 2. Moscow: Znak.
- Sreznevskiy, I.I. (2003b) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka: V 3 t.* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language. In 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Znak.
- Filin, F.P. (ed.) (1972) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 8. Leningrad: Nauka.
- Filin, F.P. (ed.) (1979) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 15. Leningrad: Nauka.
- Filin, F.P. (ed.) (1982) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 18. Leningrad: Nauka.
- Filin, F.P. & Bogatova, G.A. (eds) (1977) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian Language on the 11th–17th centuries]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
- Ilyin, V.S. (1971) *Ukrainsko-russkiy slovar'* [The Ukrainian-Russian Dictionary]. Kiev: Naukova dumka.
- Fasmer, M. (1987) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German by O.N. Trubachev. Vol. 4. Moscow: Progress.
- Chernykh, P.Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2 t.* [The Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language. In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
- Trubachev, O.N. (ed.) (1974) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic languages: The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
- Trubachev, O.N. (ed.) (1977) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic languages: The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 4. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1983) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic languages: The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 9. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1985) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic languages: The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 12. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1987a) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic languages: The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 13. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1987b) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic languages: The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 14. Moscow: Nauka.

Grinchenko, B.D. (ed.) (1907) *Slovar' ukrains'koi movi: U 5 t.* [The Dictionary of the Ukrainian language. In 5 vols]. Vol. 1. Kiiiv: Kievskaya Starina.

Grinchenko, B.D. (ed.) (1909) *Slovar' ukrains'koi movi: U 5 t.* [The Dictionary of the Ukrainian language. In 5 vols]. Vol. 4. Kiiiv: Kievskaya Starina.

Melnichuk, O.S. (ed.) (1982) *Etimologichniy slovník ukrains'koy movi: U 7 t.* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 1. Kiiiv: Naukova dumka.

Melnichuk, O.S. (ed.) (2006) *Etimologichniy slovník ukrains'koy movi: U 7 t.* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 5. Kiiiv: Naukova dumka.

Tsykhun, G.A. (ed.) (1989) *Etymologichny slovník belaruskay movy* [The Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 5. Minsk: Academy of Sciences.

Pokorny, J. (1951–1959) *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [The Indo-European Etymological Dictionary]. Bern-München: Francke.

Садыкова Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета (Россия).

Sadykova Irina – Tomsk State University (Russia).

E-mail: pansadyk@rambler.ru

УДК 81

UDC

DOI: 10.17223/18572685/45/6

РУСИНЬСКО-РОСІЙСЬКІ ФРАЗЕОЛОГІЧНІ ЕКВІВАЛЕНТИ ІЗ ЗВІРЯЧИМ КОМПОНЕНТОМ

К. Копорова¹, М. Голубкова², А. Плїшкова³

Пряшівська універсіта у Пряшові –
Інститут русиньського языка і культури
ул. 17. новембра, 15, Пряшів, 08005, Словенско

¹E-mail: kkorov@gmail.com

²E-mail: mholubkova@gmail.com

³E-mail: anna.pliskova@unipo.sk

Резюме

В роботі аналізуємо вибрати русиньські фразеологічні єдиніці із зоонімічним компонентом. Даємо семантичне пояснїня фразеологізмів і наслідно їх порівнуємо з російськими фразеологічними еквівалентами. Цїлєм нашой штудії є вказати на згоди і розділы у фразеології двох славянських языків – російського і русиньського, а то нелем у фразеологізмах з єднакым або приближно єднакым значінєм і хоснованєм, але таксамо вказуємо на згоди і розділы в сімболіці русиньських і російських фразеологізмів, респ. сімболіці звірят, котры в даных фразеологізмах выступають. Як основный матеріал про научну аналізу нам послужили фразеологічні єдиніці, выбраны з русиньських і російських фразеологічних словників (Вархол, Івченко 1990; Мокиенко и др. 2005; Поп 2007).

Ключовы слова: русиньські фразеологічні єдиніці, російські еквіваленты, ідіоматічны еквіваленты, звірята, компонент.

РУСИНСКО-РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ С КОМПОНЕНТОМ *ЖИВОТНЫЕ*

К. Копорова¹, М. Голубкова², А. Плишкова³

Прешовский университет в Прешове –
Институт русинского языка и культуры
Словакия, 08005, Прешов, ул. 17 ноября, 15

¹E-mail: kkorovov@gmail.com

²E-mail: mholubkova@gmail.com

³E-mail: anna.pliskova@unipo.sk

Авторское резюме

В сообщении анализируются избранные русинские фразеологические единицы с компонентом *животные*. Объясняется семантическое значение отдельных фразеологических единиц, которые сравниваются с их русскими фразеологическими эквивалентами. Цель работы – показать степень сходств и отличий во фразеологии двух славянских языков – русского и русинского. Это касается не только фразеологизмов с одинаковым или приблизительно одинаковым значением. Также подчеркиваются сходства и отличия в символике русинских и русских фразеологизмов или символике животных, которые являются компонентами отдельных фразеологических единиц. При изучении поставленной проблемы материальной основой для анализа послужили русинские и русские фразеологические словари (Вархол, Івченко 1990; Мокиенко и др. 2005; Поп 2011).

Ключевые слова: русинские фразеологические единицы, русские эквиваленты, идиоматичные эквиваленты, животные, компонент.

RUSIN-RUSSIAN IDIOMATIC EQUIVALENTS WITH THE ZOONYMIC COMPONENT

K. Koporova¹, M. Holubkova², A. Plishkova³

University of Preshov – Institute of Rusyn Language and Culture

17 November Street n. 15, 08005, Preshov, Slovakia

¹E-mail: kkorov@gmail.com

²E-mail: mholubkova@gmail.com

³E-mail: anna.pliskova@unipo.sk

Abstract

This article analyses the selected Rusin zoonymic idioms. The authors explain the semantics of the idioms and compare them with their Russian equivalents.

The article aims to show similarities and differences in the phraseology of the two Slavic languages, Russian and Rusin, not only in terms of equal or nearly equal meanings, but also in the symbolism of Rusin and Russian idioms, especially zoonymic symbols that are found in these idioms. The analysis is based on Rusin and Russian phraseological dictionaries (Varchol, Ivčenko 1990; Mokienko et al. 2005; Pop 2007).

Keywords: Rusin idioms, Russian idioms, idiomatic equivalents, animals, component.

Докладне знання фразеології конкретного языка і ей спонтанне жываня в пригоднім контексті указує на високу культуру чоловіка, а з дідактичного погляду на найвысший ступінь компетенцій в данім языку. Кідь позераєме на фраземи з погляду культуры даного народа і ёго языка, такы формы языкового прояву суть збогачінём каждого языка і свідчать о высокій духовній культурі народа. Фраземи в собі поміщують віками нагромаджену і фіксовану народну мудрость, скушеность предків, котра ся передає як єден з найціннішых кленотів культуры народа. В рамках ревіталізачного процесу карпаських русинів і їх материньского языка в посткомуністичных державах підвишений інтерес лінгвістів о сучасный русиньський язык дає простор на баданя ай такой дісціпліны, як є фразеологія.

Русиньска фразеологія є своїм походжінем доста змішана, бо в ній находиме велику міру языковой інтерференції, но в общім має цілославянську основу. Підвишений інтерес о проблематіку

русинської фразеології приносить конкретні вислідки. В інших роках виходять роботи фразеологічного характеру, головні в Закарпатській області України. Найбільш широким щодо до числа фразеологізмів є недавно виданий словник Ю. Чорія – *Фразеологізми русинського мови*. Проблематиків фразеологізмів ся займають і Д. Поп, якого словник сьме у великій мірі хосновали при гляданню російських фразеологічних еквівалентів.

В рамках Словаччини на тото проблематику обертали позорність такы діалектологи, як З. Гануделєва і М. Чижмарова. У своїх наукових роботах, вислідком котрых была книжна публікація, проблематику фразеологізмів спрацювали автори А. Івченко і Н. Вархол. Їх публікація ся стала ключовим матеріалом при наших аналізованню русинських фразеологічних єдиніць. Можемо конштатовати, же в сучасности ся лінгвісти на території Словаччини проблематиків русинської фразеології барз не займають. Підпора вживання мови є звязана з активним розвитком мови, з потребов приготівліня основної лінгвістичної літератури, частєв котрой бы мав быти і русинський фразеологічний словник. Тот є барз важний про школярів, учітелів, журналістів і вшытких, котры активно з мовою роблять, жебы собі росшырили свою словну засобу. Якраз то было імпульсом про написання нашої штудії, котра бы могла мотивувати далшых учених к баданню русинської фразеології в шыршій контексті.

Звірята во фразеології

Поменованя звірят, як є знаме з общіх інформацій о славянських моволах, належать ід тзв. общославянській засобі слов, што значить, же їх названя є у вшытких славянських моволах єднаке, або лем в мінімально змінений подобі, респ. ту фунгує міджіяквова омонімія (порівнай російске **собака** і русинське **собака** в значіню *сука* – женьський протипол пса). То саме платить ай про сімболіку окремих звірят, котра є тіпична про вшыткі славянські народы. Про наше баданя сьме выбрали русинські фразеологізми з компонентом домашніх звірят, котры ся у русинів на дворі традиційно находили довгыма сторочами, а поєдны суть інтегралнов частєв невеликого домашнього господарства до днешніх днів – **курка** (і їй мужський протипол **когут**) і **коза** (і їй мужський протипол – **цап**), но а господарство вартує **пес**. Замірюєме ся на аналізу русинських фразеологізмів, в котрых фігурує дакотре з уведжених звірят і їх наслідне порівняня з фразеологізмами вживанима в російській мові. Матеріалом на ексцерпцію русинських фразеологічних єдиніць нам суть два русинські фразеологічні словники: Н. Вархол, А. Івченко (1990):

Фразеологічний словник лемківських говірок східної Словаччини і словник Д. Поп (2011): Русинсько-українсько-руський и русско-русинско-украинский фразеологические словари.

Русинські фразеологізми в штудії уводимо в русинським літературним мові. В лапках є уведжена форма, в якій сьме го выексцерповали із словника, жрідло і сторінка, на котрій ся находить. Выходимо з двох русинських фразеологічних словників, якы в лапках записуеме формов призви́ска. Суть то: *Фразеологічний словник лемківських говірок східної Словаччини*, записованый призви́ском авторкы Вархол, а *Русинсько-українсько-руський и русско-русинско-украинский фразеологические словари*, записованый призви́ском автора Поп. Кидь є діалектна форма фразеологізма, котрый є записаный у словнику, згодна з літературним мові, тогды в лапках діалектну форму фразеологізму не уводимо, але записуеме лем жрідло і сторінку. В части *Компарація русинсько-російських фразеологічних еквівалентів і міра їх згоды* спробуеме на основі єдного выбраного зооніма **пес** вызначіти міру згоды русинсько-російських фразеологічних еквівалентів.

Зоонімы «курка», «курочка» і «когут» во фразеології

Сімболіка куркы і когута

Курку сі чоловік доместіфіковав веце як пять тісяч років перед нашов еров. Куркы спочатку жыли ведно з людми з чисто культурных і релігійных причін. Тримали ся про піря, на обрядны діла. В домашніх условіях мали куркы од давных часів велике значіня, о чім свідчить много наших традицій. Жыли ведно з людми в обыстю, в зимі їх звыкли тримати і в сінєх. Квочка зась мала своє місце в хыжи під постілів.

Їдло мало вызначне місце в первістных култовых практиках. Мнясо з куркы і яйця, попри других стравах, были ритуалныма їдлами Славян. Яйця мали магічне значіня, были сімболом нового жывота і плодности. Не могли хыбити на столі при вызначных сітуаціях в жывоті і найвекшых святах в році. Яйце є доднесь нерозділнов частєв великоднєго кошарика, де сімболізує дар нового жывота. Подобне значіня має і курка.

Курячі їдла не могли хыбити на русинських свадьбах, нераз курку діставала невіста і до дару. Вірило ся, же курка забезпечить плодность молодых. Іщі доднесь ся поливка на свадьбі звыкне варити із домашніх курок. В многих роботах присвяченых російскому народному свадьбяному обряду ся курка звязує із свадьбов, з плодность, з женьскыма поглавныма органами і непорочность

невісти. В давніх частинах Росії, куди вийшла невіста із церкви, дахто із домашніх розбив яйце і желав невісті багато дітей (Антонякова 2011: 31).

Таксамо куряча поливка ся знаходить і між трьома стравами, які має принести будучій кумі нанашка дїтвака позад того, як буде призвана за куму.

Но курка не была лем сімболом нового жывота. Мала і негати́вне значіня. Кідь курка в ночі закоткодакала, было то недобрым знаком – бо «дахто в обыстю вмре» (Bural' et al. 2002: 54).

Люде часто відять курку як нечїсту і мало інтелїгентну. З тым суть повязаны і фразеологічні єдїніці.

Когут був, подобно як курка, сімболом плодности. Окрем того ся му в традиційній віджїню приписовала охранный функція і способность віщїти. Таксамо був сімболом боєвности. Спів когута оголошовав зачаток дня і мав одганяти недобры силы. Справованя або фарба когута служыли на прогнозованя хвілі: кідь вылетїв на плїт, мала быти шумна хвіля; кідь грїб на гною або много співав, віщїло то, же буде падати додж.

Червений когут був іщі в передхрістіянських часах сімболом божества огня і сонця. Нелем стары славянські народы своїм божествам (Перунови або Сварогови) жертвовали червены когутів.

Когуты співають все в єднакїм часї. В російскім народнім вірованю мав спів когутів магічну силу. Кідь ся россвивало і когут заспівав уж третїй раз, то значїло, же нечїста сила уж людём не могла пошкодити (Мокиенко и др. 2005: 531).

Фразеологізми з компонентом «курка», «курочка» і «когут»

В російській і русинській фразеології є образ курки звязаний з нерозумностєв ці глупостєв. В русинській фразеології ся тотя характеристика курки одобразила у фразеологізмах: *розумїти ся як курка до пива / розумїти ша як курка до пива*; (Вархол, Івченко 1990: 76) в значіню «абсолютно ся чому-сь не розумїти» і *курячий мозоґ / курячий модзьок* (Вархол, Івченко 1990: 85), котрый означує нерозумного, глупого чоловіка. В словнику находиме і синтаксїчний варіант высше уведженой фраземи *мозоґ із куркы / модзьок із куркы* (Вархол, Івченко 1990: 85) з єднакым значінем. Подобне значіня має і усталене порівняня (приподобліня) *розум як у куркы / розум як у куркы* (Вархол, Івченко 1990: 115) – «дуже глупый». Курка як створїня неспособне роздумовати выступлять і у фразеологізмі *курка думала, тай здохла / куриця думала та й издохла* (Поп 2011: 45). Тот фразеологізм має в русинській мові іщі варіант з компонентом «пес» –

пес думав, тай здох. Російським еквівалентом є му фразеологізм *курица думала и в суп попала*.

Російський фразеологізм *курам на смех* (о дачім смішнім, абсурднім) ся в етімологічнім словнику (Мокиєнко и др. 2005: 366) тлумачить як виражіння російського походжіння, котре значить же: «іщі ай куркам з їх курячіма мозґами, котры ся не знають сміяти, буде смішно з той дурноты і незмыселности». В русиньскім словнику находиме тот самый фразеологізм *куркам на сміх / курьом на сміх* (Поп 2011: 45). В тім припадї мож бы повісти, же до русиньского языка був перевзятий із языка російского.

Коткодаканя курок ся часто порівнує із голоснов бісидов або із звадов і глуком, котрый при ній vznikать. Прикладом того суть фразеологізми *коткодаче як курка; котра курка много коткодаче, тота ся мало несе / котра куриця много коткодаче, тота ся мало несе* (Поп 2011: 50); *няй ся куркы журають, а не люде / най ся кури журають, а не люди* (Поп 2011: 45). В російській фразеології суть на тім метафорічно-метонімічнім переносіню основаны паремії: *Не слушай, где куры кудахчут, а слушай, где Богу молятся; Скажешь курице, а она всей улице; Курица гогочет, а петух молчит* (Антонякова 2011: 101).

Уж споминана традиція (або скоріше мож повісти вірованя) в рихтованю курячіх їдел на свадьбу ся стала мотивом появліня фразеологічної єдиніці *кому свадьба, а курці смерть / кому свадьба, а курици смирть* (Поп 2011: 42).

Фразеологізм *як змокнута курка* (Вархол, Івченко 1990: 76), котрый означає змученого, депрیمованого чоловіка, ся находить в многих языках (пор. слов. *být [sedieť, stát, chodit] ako zmoknutá sliepka / kura*, чесь. *být [sedět, stát, chodit] jako zmoklá slepice*, рос. *мокрая курица*). Пряме значіння фразеологізма є ясне – курка, котра змокне, вызерать убого і бідно. Порівняня подобности такого образу мокрої куркы з вызором або способностями чоловіка робить виражіння експресивным. В русиньскім фразеологічнім словнику находиме іщі єдно, подобне виражіння – *як змокнуте курятко* (Вархол, Івченко 1990: 76), што бы ся нам могло на перший погляд явити як демінутівный варіант высьше уведженого фразеологізма. Фразеологізм *як змокнуте курятко* має але друге значіння – «дуже пьяный», што є знаком рідкого яву – полісемії фразеологізма.

Усталене порівняня *писати як курка з лабков* (Вархол, Івченко 1990: 76), рос. *писать как курица лапой*, є кальков з лат. *gallina scripsit*, што дословно значить «курка написала» із комедії Плавта. Порівняня є знаме і в других славянських языках, наприклад укр. *написав, мов курка лапою* (Мокиєнко и др. 2005: 367).

Чоловік, котрий не є голодний, порівнює ся з млинарёв курков. В російському мові є тото саме порівняння: *голодный как курица мельника*. Тото усталене порівняння, котре має іронічний одтінок, находиме в двох словниках: *голодный як млинарська курка / голодный як млинарська курка* (Вархол, Івченко 1990: 76) і *голоден, як мелникова курка / голоден, ги мелникова курка* (Поп 2011: 17). Ту нам вивстає вопрос, котра з тих двох форм бы мала быти штандардизована. Обидві форми суть усталены і вживають ся в залежности од регіону. В русинській лексії (Ябур і др. 2007) находиме кодифікованы обидві лексеми – «млинар» і «мелник». То значить, же штандардизованыма бы, подля нас, мали быти обидві форми фразеологізма: *голодный як млинарська / мелникова курка*.

Курка по западі сонця слабо видить і стає ся безраднов, зато чоловіка, котрий недобрі видить, в Росії порівнують з курков – *слепая курица*. У Русинів чоловікови, котрому ся пощастило і дашто несподівано здобыв або нашов, ся говорить, же *ся му трафило як сліпій курці зерно або нашов як сліпа курка зерно / трафитися як сліпі курці зерно, найти як сліпа курка зерно* (Вархол, Івченко 1990: 76).

О курках є знаме, же скоро ходять спати, а тото перешло і до фразеології: *лігати спати із курками / лігати спати із курками* (Вархол, Івченко 1990: 76). Когути суть зась тіпичны тым, же уже скоро рано встають і будять людей: *спати лігай із курками, а вставай з когутом / спати лігай из курьми, а вставай з когутом* (Поп 2011: 47). В словнику Д. Попа є так фразеологізм *лігати спати із курками* частёв паремії: *спати лігай із курками, а вставай з когутом*.

Боёвность, характерістична про когутів, ся одразила во фразеологізмах *стяти ся як когути / стяти са як когути* (Вархол, Івченко 1990: 67) і *як два когути на єднім дворі / як два когути на єднім дворі* (Вархол, Івченко 1990: 67).

Фразеологічне зрощія *пустити червоного когута* (Вархол, Івченко 1990: 67) значить «дашто підпалити». Зрощія є мотивоване уж споминанов сімболіков когута і огня. Фразеологізм є знамый у многих славянських і неславянських мовіх (пор. рос. *пустить красного петуха*, укр. *пустити червоного півня*, чесь. *posadit komu červeného kohouta [na střechu]* (Мокиєнко і др. 2005: 530).

О чоловікови, котрий є слабый, ся іронічно говорить, же *має свалы (силу) як женатый когут* (Вархол, Івченко 1990: 118). Даный фразеологізм має свій лексічний варіант і зо звирячим компонентом «воробель»: *мати свалы (силу) як женатый воробель*.

Зоонімы «коза» і «цап» во фразеології

Сімболіка козы і цапа

Коза была тіпичным домашнім звірятём у русинів. То є повязане з тым, же іщі в 14. сторочу з волоськов колонізаціов ся в Карпатах росшырило пастырство. Козы годовали на молоко, мнясо або і скоры. Вдяка ненарочному утримованю коз, їх хов ся росшырив і у бідніших селян – коза была коровов бідных.

В духовній културі є коза або і цап сімболом плодности і енергії. Як єдна з найстаршых зооморфных масок выступлять на ріствяных святах ці других календарных обрядах. У западных славян є коза повязана з фашенґами. У выходных славян зась ходять з масков козы на «старый» Новый рік (котрый ся святкує подля юліаньского календаря) а тыж в день святкованя тзв. Масленіці. Тота традиція воджіня козы ся заховала головно у Українців і Білорусів. В русиньских селах маска козы фігуровала і при свадьбяных грах (Zajinc 2015), де мала еротічний характер. Масками козы были: вывернута нарубы скоро, деревяна голова з рогами і бородов із соломы і з погыблывым пыском.

У вірованях старых славян є коза звірятём, повязаным з демоном, і є сімболом нечістой силы, но таксамо і охоронов од нёй. Козу створив сам діявол, зато ся на нёго подобать. Подля общославяньского вірованя діявол (чорт) ся зьявлює праві в подобі козы. Чорта і козу звязує їх вонкашня подоба: ноги, вуха, рогы, борода. На Закарпатю говорят, же козы колись на ногах мали нохті і лозили по стромах, зато ся цілый час намагають із своїма чортовыма ногами вылізти на стромы (Белова 2015). *Славянская мифология: коза, козёл*. [онлайн]. Доступне на: <http://pagan.ru/slowar/k/koza8.php>). Коза має куртый хвіст, бо діявол, кідь заганяв козы пасти ся, поодрывав їм хвосты.

Коза была поважована за чортове створіня, но єдночасно она сама або части ей тіла служыли як охрана од недобрых сил, зато козу ці цапа тримали коло другой худобы. В легендах коза як нечісте звіря, створене діяволом, є опозиціов коровы або вівці, котры суть поважованы за чісты і божы створіня.

Коза была звірятём, котре жертвовали высшым силам. Іщі у старых Жыдів був праві цап тым звірятём, на котрого складовали вшыткы гріхы свого народа і раз за рік проводили обряд, при котрім на выкуплїня тых гріхів жертвовали барана і двох цапів (Мокиенко 1975: 95).

Коза, або скоріше ей мужський протипол – цап є повязаный з глупостёв. Хоць має бороду, котра є звычайно сімболом мудрости, но у козы є то цалком наспак. Із цапа не є даякого хосна, скоріше наробить шкоду, кідь ся дістане там, де не треба. Цап був оддавна сімболом вшыткого недоброго і глупого.

Фразеологізми з компонентом «коза» і «цап»

Фразеологічне зрощіння *козу дерти / козу драти* (Вархол, Івченко 1990: 68) значить «барз голосно крічати, надавати на когось». У словнику знаходимо і його синтаксичний варіант *як кібы (кобы) козу драли / як кыбы козу драли* (Вархол, Івченко 1990: 68). В російській фразеології є подібний фразеологізм, но з компонентом не «коза», але «цап»: *драть козла*. В російській фразеології даний фразеологізм функціонує в значінню «співати неприємним голосом, фалощно» і є оснований на порівняю *петь как козёл* (што дословно значить «співати як цап»), бо голос цапа є острый і неприємный (Мокиєнко і др. 2005: 314).

О чоловіку, котрий много бісідує, ся просторічно говорить, же *має бісіды (речі) як коза бобырѣк / мати бісіды як коза бобирьок / мати речі як коза бібків* (Вархол, Івченко 1990: 68). В словацькій мові є такий самий фразеологізм, порів. *mať reči ako koza bobkov*.

Фразеологічний зворот *питу Абрагамови козы пасти / пити Абрагамові козы пасти* (Вархол, Івченко 1990: 18) має значіння «умерти». З таким самим значінням екзистує і форма фраземи *питу ку Абрагамові / пити гу Абрагамові* (Вархол, Івченко 1990: 18), без частини «kozy пасти». З того выводимо, же частина фраземи «kozy пасти» є ту факультативна, котра не є носителем основного значіння фразеологізма, то значить, же їй можемо вихабити.

В русинській фразеології фразеологізм *питу як Сидорова коза* (Вархол, Івченко 1990: 68) ся вживать в значінню «беслідно шезнути». В російській фразеології ся тыж находить словозлука «Сидорова коза», но у фразеологічній зрощінню *драть (лупить, пороть, бить) как Сидорову козу*, котрий має значіння «міцно, круто і безжалостно бити дакого». В етимологічній словнику (Мокиєнко 2005 і др.: 311) ся пише, же дане порівняння є знаме у вшитких выходославянських мовах (порів. білорусь. *лупіць як сидарову козу*; укр. *лупцювати як сидорову козу*). Но в русинських фразеологічних словниках такого порівняння не знаходимо.

Цап як символ глупости є презентований і в фразеології. Фразеологізм *глупый як цап* (Вархол, Івченко 1990: 140) має значіння «дуже глупый», а фразеологізм *попів цап / пупув цап* (Вархол, Івченко 1990: 140) означає «глупака, котрий із себе робить мудрого». Подля той характерістики цапа як глупого, дурного створіння, у фразеології ся вживать експресивно створене часослово «уцапіти»: *із того хаоса мож уцапіти / із сього галамана мож уцапіти* (Поп 2011: 35). Вжитєм такого часослова ся зміцнює експресивність вираженія (порів. рос. *из этого хаоса сдуреть можно*, укр. *з цього хаоса здурити можно*).

В російській фразеології символом глупости не є цап, але други звірята. Росіяне порівнюють глупого чоловіка з бараном або із сомаром: *глупый как баран, глупый как осёл* (Stěpanova et al. 2014: 37).

Цап є звіря, з котрого не є хосна, не дає молока, а в порівнаню напр. з бараном – ани вовны. Зато на означіня дакого або дачого, што не приносить ниякого хосна, ся вживать фразеологізм *як з цапа молока / ги з цапа молока* (Поп 2011: 39). В російській фразеології є тот самый фразеологізм: *как с козла молока*, котрый vznikнув скорочінём поговоркы *польза как от козла: ни шерсти, ни молока* (Мокиенко и др. 2005: 315).

Зоонім «пес» у фразеології

Сімболіка пса

Пес належить к найстаршым домашніфікованым звірятам, іщі з doby камяного віку. Є сімболом вірности, осторожности, охраны і приятельства. Псы ся спершу тримали головно на лов. З початком пастьорського способу живота їх люде зачали вивживати і при пашіню худобы.

В народных вірованях псяче і вовче вытя было недобрым знаком, котрый предповідав смерть. Пес, подобно як і вовк, був звязаний з підземным, загробным світом, в котрім провадив душы мертвых і був поважований за посередника міджі світом мертвых і живых (Becker 2007: 115). У дакотрых давных культурах був пес жертвованым при погробі чоловіка, жебы провадив ёго душу у світі мертвых.

Вірило ся, же псы можуть відіти духів, а тым варовати перед небезпеченством. Подля вірованя, кідь пес відів смерть, то брехав з головов спущенов ід земли, но голосным бреханём міг смерть на час одогнати. Знамінём скорой смерти дакого в родині было і зъявліня ся пса на дворі. Смерть дакого в родині пророковав і факт, кідь пес выгріб на дворі яму (Popelková 2015).

Пес є в народных вірованях звязаний нелем зо смертєв і нещастєм, але подля ёго справованя звык ся проґнозовати і додж, а то кідь пес жер траву. Пес був звязаний і з вішінём. На Андрія ці на Рождество подля того, з котрого двора або з котрого боку валала чули дівкы пса забрехати, там ся мали оддати.

Неґатівну подобу має пес як образ дачого нечістого, низкого. Скоро у вшыткых культурах означіня «пес» ся вживать в пеєратівнім значіню – як надавка.

Гварить ся, же пес є найліпшыи приятель чоловіка, но у фразеології ся одразили скоріше неґатівны асоціації пса. Тоты суть у чоловіка

способені його доместифікацій – мав служити людам головним чином на лов і на вартованя маєтку, то значить, же мав викликати страх і респект.

Фразеологізми з компонентами «пес» і «брехати»

Усталене порівняння *голоден як пес / голодный як пес* (Вархол, Івченко 1990: 100) має значіння «дуже голоден» і явить ся універсальним про багато мов. У російській фразеології му відповідати усталене порівняння, котре має єднаке значіння і форму, т. з. є його повним еквівалентом: *голодный как собака*. Голоден чоловік ся порівнює і з іншим звір'ятєм, близьким псови – вовком. Дравість стражного пса і дикого вовка з них робить в думанню чоловіка вічно голодны творы. Одрозило ся то і в далшых фразеологізмах: *за сім псів поїсти / за сім псу поїсти* (Вархол, Івченко 1990: 100), *ненажертый пес* (Вархол, Івченко 1990: 100).

Фразеологізм *як псови п'яту лабу / ги псови п'яту лабу* (Поп 2011: 38) ся вживати в значінню «цалком не треба, дочіста не треба». В словнику Д. Попа як російський еквівалент ся уводить фразеологізм *как камень на шее*, котрый має таке саме значіння, але його лексичне зложіння є цалком інакше. В російській фразеології є і фразеологізм, котрый, мож повісти, є повним еквівалентом і з формального боку, то значить, же ся з ним згодує як синтаксичнов структуров, так і лексичным зложінєм: *[нужен] как собаке пятая нога*. В основі єдиніці лежить сполучіння поняття, які не мож з погляду логіки сполучити. Виникло, правдоподобно, подля моделу *[нужен] как пятое колесо у телеги* (Мокиєнко и др. 2005: 651); *треба як на возі п'яте колесо* (Вархол, Івченко 1990: 68). В русиньській мові ся од фразеологізма *як псови п'яту лабу* експліцитностів, т. є. розширінєм компонентів, створили і далшы фразеологізми: *хыбовати як псови п'ята нога* (Вархол, Івченко 1990: 101), котрый має значіння «цалком не є дачого треба», і *старати ся як пес о п'яту лабу / старати ся як пес о п'яту лабу* (Вархол, Івченко 1990: 101), *стоить як пес о п'яту ногу / стоить як пес о п'яту ногу* (Вархол, Івченко 1990: 101), котры мають значіння «не старати ся, не хотіти дашто».

Про пса є часто характерістична негати́вна конотація. Тот факт ся рефлектує і у фразеології. Доместифікація і залежність псів од чоловіка підпорили їх негати́вны образны конотації. Пес як варташ обыстя ся асоціює зо злостів. Фразеологічне вираженія *стеклый пес* (Вархол, Івченко 1990: 101) означує барз злого чоловіка. В російській фразеології недобрий чоловік ся таксамо порівнює із псом: *злой как собака; не буди спящую собаку* зо значінєм «не провокуй злого чоловіка». Так як пес є драве звіря, треба ся перед ним стеречі і не

мож му вірити. Недобрий пес може вкусити, зато ся треба перед ним варовати, о чім wypowiedать і фразеологізм *не кори ся із псом, та тя не укусить / не корися из псом, та тя не укусят* (Поп, 2011: 56), котрого еквівалентом є рос. *не дразни собаку – не укусит*. Фразеологізм *німый пес кусать / німый пес кусать* (Поп, 2011: 62) выядрює, же «мерьковати треба на того, хто є тихий, но тайно другим шкодить». На антонімії є основана російська пословиця: *не той собаки бойся, что громко лает, а той, что исподтишка кусает*, котра выядрює то саме, што русиньська фразема *німый пес кусать*, но окрем того є іщі доповнена о значіня, же «не треба ся бояти людей, котры суть отворены і прямы». Значіня першой части російской пословиці інтерпретує і словацька паремія *pes, ktorý breše, nehryzie*.

Чоловік собі пса здомашнив на вартованя свого маєтку. Пес ся так асоціує з агресивностєв, є то недобре звіря, котре може напасти на чужого чоловіка або другого пса. Фразеологічний зврат *їсти ся як псы / їсти са як псы* (Вархол, Івченко 1990: 100) значить «твердо ся бити». О людєх, котры ся неперестанно вадять, ся говорить, же *ся грызуть як псы / грызтися як псы* (Вархол, Івченко 1990: 100).

Решпект перед псом і негати́вны асоціації з ним звязаны ся одразили в одношіню і в справованю ся чоловіка ід нєму. *Позерати на дакого тым воком, што на пса / позерати тым воком, шо на пса* (Вархол, Івченко 1990: 33) значить «неприязно ся позерати». Негати́вне справованя ся чоловіка ід псови выкреслюють тыж фразеологічны зврати *вынадати як псови, гулякати як на пса, проклинати як пса* (Вархол, Івченко 1990: 100–101), котры ся вживають в значіню «силно крічати, надавати, лати» і *збити як пса* (Вархол, Івченко 1990: 100), котре значить «барз силно збити».

Пес ся асоціує і з лінивостєв. Порівняня *лінивий як пес / лінивий ги пес* (Поп 2011: 46) є характерне про много языків (порів.: рос. *ленивый как собака*; слов. *lenivú ako pes*; чесь. *línú jako pes*). В русиньській фразеології ся лінивий чоловік порівнує і з другим зоонімом «вош». Фразеологічне выражіня *лінивий як пес* так має свій лексичный варіант з другим звірячим компонентом: *лінивий як вош / лінивий як вош* (Вархол, Івченко 1990: 35). Лінивость пса ся одразила і в далшых фраземах: *хоче ся робити як псови воду хлєптати / са хоче робити як псови воду хлєптати* (Вархол, Івченко 1990: 101) в значіню «не хоче ся робити» і *лежати як пес на паздїрю / лежати як пес на паздїр'ю* (Вархол, Івченко 1990: 100), што значить «ніч не робити».

Тяжкий жывот чоловіка ся порівнує із псячим жывотом. Тото негати́вне оцініня псячого жывота одзеркалює російське порівняня *живет как собака*. В русиньскім фразеологічнім словнику находиме тото негати́вне порівняня росшырене о компонент «у студни»: *жыти*

як *пес у студні / жыті як пес у студні* (Вархол, Івченко 1990: 100) із значінням «барз недобрі / тяжко жыти». Таке саме значіння має і фразема *жыти як псови на хвості / жыті як псу на хвості* (Вархол, Івченко 1990: 100). Но русинський фразеологізм *жыти як пес на хрущох* (Вархол, Івченко 1990: 100) має уже антонімічне значіння: «дуже добрі, заможна жыти». Носителем значіння фразеологізма ся так не явить лем компонент «пес» але і конкретизація місця.

Фразеологізм *нігда із пса солонина не буде / нігда из пса солонина не буде* (Поп 2011: 12) ся вжывать в значінню «нігда із недоброго, не буде добре». В словацькій фразеології є пословиця *nebude zo psa slanina, ani z vlka baranina (a z mora pustatina)*, з котрой ся внаслідку імпліцитности, т. є. скорочіння компонентів, створив фразеологізм *nebude zo psa slanina*. В російській фразеології ся з тым значінням вжывають фраземи з другыма звірячіма компонентами: *вороне соколом не быть; сколько утка не бодришь, а лебедем не быть*.

Лексічны варіанти фразеологізма *требало як пса до церькви / до неба / на погріб*, в котрых ся неґація высвітлює позітивнов формов, ся вжывають у значінню «цалком не было треба». Іронічний одтінок мають і другы фразеологізми з неґативнов конотаціов: *мам рада як псы джада* (Вархол, Івченко 1990: 100); *пасує як псови дзвінок / пасує як псу дзвонок* (Вархол, Івченко 1990: 100); *коли деревяны псы будуть брехати / коли дерев'яны псы будуть брехати* (Вархол, Івченко 1990: 100).

Приставме ся і при вжываню слова «брехати» в русинській фразеології. Ту мусиме повісти, же значіння даного слова не є у шыкых славянських языках єднаке, стічає ся ту з явом міджіязыковой омонімії. Покры в словацькім языку слово «brechať» має значіння «гавкати», в українськім языку ся зась слово «брехати» вжывать в значінню «циґанити, кламати». Про російський язык, таксамо як в українськім языку, є тіпічне вжываня слова «брехать» в переносных значіннях «циґанити, огваряти, надавати». Слово «брехати» так має і в русинській фразеології веце значінь. Покры про Пряшівску область (фразеологізми з Пряшівской области суть зозбераны в словнику: Вархол, Івченко, 1990) є веце тіпічне вжываня слова «брехати» в значінню «гавкати», в Закарпатській области України (Поп 2011) ся зась вжывать в значінню «циґанити, кламати, огваряти». Уведеме дакілько прикладів фразем, в котрых ся вжывать слово «брехати» з різныма значіннями.

Компонент «брехати» ся находить у фразеологізмі *ани пес не брехне / не забреше [за дакым]* (Вархол, Івченко 1990: 100), котрый означує «безвызначного чоловіка». В уведженім прикладі має даный компонент пряме значіння «гавкати». В тім самім значінню є слово «брехати» вжыте і в далшій фразеологізмі *коли деревяны псы будуть брехати* (Вархол, Івченко 1990: 100), котрый значить «нігда».

У фразеологічному словнику находиме фразу *брехати як пес* (Вархол, Івченко 1990: 100), котра ся вживать на означіня чоловіка, котрый «міцно надає». Тот самый фразеологізм є зафіксований і в другім русиньскім фразеологічному словнику: *бреше як пес / бреше, ги пес* (Поп 2011: 12), но з другим значінєм: «циганить». З конштатованого нам виходить, же усталене сполучєня *брехати як пес* має в русиньскій фразеології дві значіня: 1. міцно надавати, 2. циганити, не говорити правду. Презентований фразеологізм є так прикладом єдного з мала припадів, коли єден фразеологізм є носителєм веце значінь, што є явом полісемії фразеологізма, а полісемія є викликана явом міджіязыковою інтерференцією контактних языків – в нашім припадї русиньского і словацького на єднім боці, і українського і російского на другім боці. В Росії говорять *брешет как собака* о чоловікови, котрый не говорить правду або бісїдує пусто. Тото порівняня є основане на тім, же коли пес гавкать без будь-якой причіны, тогды Росіяне говорять, же він бреше.

Далшы приклады русиньскых фразеологізмів, в котрых ся слово «брехати» вживать зо значінєм «циганити»: *не бреш, бо умреш* (Поп 2011: 81); *збрехав неборак, і счервенїв як рак / збрехав неборак, и почиллинїв ги рак* (Поп 2011: 81).

Русиньскій фразеологізм *бреше як пес / бреше, ги пес* (Поп 2011: 12) із значінєм «циганить» має свій російський еквівалент *врет как сивый мерин*. Поки в русиньскім фразеологізмі ся чоловік, котрый циганить, порівнує із псом, у Росіян є в тім припадї сімболом циганства «сивый мерин». Слово «мерин» є перевзяте із монгольского языка і значить «кінь»; а «сивый» в тім сполучєнію значить «старый».

Компарація русиньско-російскых фразеологічних еквівалентів і міра їх згоды

Велику згду русиньско-російскых фразеологізмів мож обяснити тим, же тоты языки мають общу языкову базу, бо обидва належать до виходной групи славянських языків. Зато, же іде о народы близкы в етнічнім і языковім одношіню, суть про них у великій мірі общі і образны асоціації, котры суть зафіксованы у фразеології. Іде о єднаке назераня чоловіка на світ.

Менталны знакы народа, як і єго культура представляють неєднотный яв: ведно з народностно-шпеціфічными знаками ся в менталности одражають тыж міджінародны і універзалны, общі про людей характерістікы. Інтернаціональными ся являть фразеологізмы, котры ся дістали до різних языків переважно із текстів античних і середньвічных писателїв, знамых у світовій літературі.

Богатым жрідлом інтернаціональних фразеологічних єдиниць суть фразеологізми церковно-книжного походжіня, респ. біблїчного ці євангелїчного. Інтернаціональними суть і фразеологізми походжінем близьки або тотожны подля свого історїчного розвитку, якы належать к общоетїмологічному фонду (Фирсова 2012: 179).

На компарацію русиньских і російских фразеологізмів сьме выбрали фразеологізми із звїрячїм компонентом «пес», котры сьме выекцерповали із словника Д. Попа. Доведна сьме нараховали 32 русиньских фразем і паремій з компонентом «пес». Є то репрезентатївна зорка фразеологізмів, на основї котрой попрубуєме указати міру згоды і одлишности русиньских фразеологізмів з їх російскыма еквівалентами.

В рамках компарації задїлюєме фразеологізми до чотырїх ґруп подля того, в якїм розсягу суть еквіваленты згодні з формалного боку.

Выекцерпованы фразеологізми розділиме до ґруп з погляду міры тотожности їх форми на:

1. Фразеологізми, котрых форма є тотожна, называєме **повныма еквівалентами**. Мають єднаке лексічне зложїня і ґраматїчну штруктуру. Ту задїлюєме:

Русиньский фразеологізм	Російский еквівалент
<i>богатый як пес на блыхи</i> (богатый, ги пес на блыхи, Поп, с. 6)	<i>богатый как собака на блохи</i>
<i>брехливого пса далеко чути</i> (брехливого пса далеко чути, Поп, с. 7)	<i>бредущую собаку далеко слышно</i>
<i>знати як пса</i> (кіряти, ги пса, Поп, с. 15)	<i>знать как собаку</i>
<i>жыють як пес із мачков</i> (живуть, ги пес из мачков, Поп, с. 28)	<i>живут как собака с кошкой</i>
<i>гойть ся, як на псови</i> (гойтїться, ги на псови, Поп, с. 30)	<i>заживает на нем, как на собаке</i>
<i>злого пса і по смерти довго памятають</i> (злого пса и по смерти довго памятавуть, Поп, с. 32)	<i>злую собаку и после смерти долго помнят</i>
<i>лащїти ся як пес</i> (лащїтїся ги пес, Поп, с. 45)	<i>ласкаться как собака</i>
<i>лїнивый як пес</i> (лїнивый ги пес, Поп, с. 46)	<i>ленивый как собака</i>
<i>пан радый псови, а не хвостови</i> (пан радый псови, а не хвостови, Поп, с. 70)	<i>пан радуется псу, а не хвосту</i>
<i>зато пес махатъ хвостом, бо хвіст не годен махати псом</i> (за тото пес махатъ хвостом, ош хвўст не годен махати псом, Поп, с. 74)	<i>потому пес махает хвостом, что хвост не может махатъ псом</i>
<i>легше їмити брехача, як хромого пса</i> (легше имити брехача, ги хромого пса, Поп, с. 75)	<i>проще пойматъ брехуна, чем хромого пса</i>

<i>пес і на честного гавкати буде</i> (пес и на чесного гавкати буде, Поп, с. 80)	<i>собака и на честного лаять будет</i>
<i>песі / псячі голоса не ідуть на небеса</i> (писы голоса не идуть на небеса, Поп, с. 81)	<i>собачьи голоса не идут в небеса</i>

Найбівше заступліня мають повны фразеологічны еквіваленты. Тота група представлять веце як єдну третину із порівнованої взоркы, точніше 41 %, што чіслом творить доведна 13 фразеологізмів із 32 порівнованих.

При порівнанню русинських і російських фразеологічних єдиниць в першій групі можеме відіти повну згоду русинських і російських фразеологічних єдиниць. Тоты фразеологізмы мають общославянське походжіня, респ. дакотры із них (напр. *жыють як пес із мачков*) суть інтернаціоналізмами. Русинський фразеологізм і ёго російський еквівалент суть з коншструкчного погляду єднакым тіпом, то значіть, же ся в них захоплює тотожна коншструкція. Розділ міджі нима є лем в інакшій роді звірячого компонента (*пес – собака*).

2. Фразеологізмы, котры не суть повныма еквівалентами, но з **формального боку** суть ся **барз подобають** і одлишують ся лем у малій мірі. Може ту йти о малый граматічний ці сінтаксічний розділ, або є змінений дакотрый із лексічных компонентів фразеологізма.

Ту заділюєме:

Русинський фразеологізм	Російський еквівалент
<i>гойть ся, як на псови</i> (гойтиться, ги на псови, Поп, с. 30)	<i>заживает на нем, как на собаке</i>
<i>і пес ся тогды збісить, коли му найліпше</i> (и пес ся тогды збісить, коли му май горазд, Поп, с. 36)	<i>и собака с жиру бесится</i>
<i>набрати ся як пес вушей</i> (набратися ги пес вуши, Поп, с. 51)	<i>набраться как собака рывев</i>
<i>не кори ся із псом, та тя не укусить</i> (не кори-ся из псом, та тя не укусить, Поп, с. 56)	<i>не дразни собаку – не укусит</i>
<i>не позерай на пса, а на того, чій пес</i> (не позерай на пса, ай на того, чий пес, Поп, с. 61)	<i>не смотри на собаку, а смотри, чья она</i>
<i>дай конёви вівса, пак го гонь як пса</i> (дай конь-ови вўса, пак го кіряй ги пса, Поп, с. 80)	<i>сначала лошадь покорми, потом уже ее гони</i>
<i>німый пес кусать</i> (німый пес кусать, Поп, с. 62)	<i>не той собаки бойся, что громко лает, а той, что исподтишка кусает</i>

Другу групу творять фразеологізмы, в котрых находиме з формального боку малы розділы в окремых языковых ровинах.

До цієї групи саме заділили 7 фразеологізмів із 32 порівняваних, що представляють 22 %. Ті фразеологізми мають єдиного походження і єдиного мотиванта – зоонім. В процесі вживання і передавання фразеологізмів з генерації на генерацію носителі мови дакотри фразеологізми собі пристосовують. Можливо, що кожен мови є унікальний своїми виражальними і називальними можливостями, що проявляється в межах даної групи фразеологізмів.

З конструктивного погляду в даних еквівалентах саме захоплює той самий тип. Можемо це побачити і деякі розділи. Розділом із синтаксичного боку є фраза *і пес ся тогды збісить, коли му найліпше*, котра і в російській мові має речиневу конструкцію (*и собака с жиру бесится*), але в межах русинської мови є її форма розширена, представляють зложене речіння. Подібним випадком є і фразеологізм *німый пес кусать*, котрий має в російській мові форму зложеного речіння (*не той собаки бойся, что громко лает, а той, что исподтишка кусает*). В межах обох мов є ті фразеологізми мотивовані зоонімом «пес» і з конструктивного боку представляють фразу.

3. Фразеологізми з **інакшим звірячим компонентом** – належать ід анімалістичним фразеологізмам, але в русинській і в російській мові є ті мотивовані однією мовою звірятами.

Ті заділюємо:

Русинський фразеологізм	Російський еквівалент
<i>нігда із пса солонина не буде</i> (<i>нигда из пса солонина не будет</i> , Поп, с. 12)	<i>вороне соколом не быть</i>
<i>бреше як пес</i> (<i>бреше, ги пес</i> , Поп, с. 12)	<i>врет как сивый мерин</i>
<i>голоден і пес не гавкать</i> (<i>голоден и пес не гавкать</i> , Поп, с. 17)	<i>голодной курице просо снится</i>
<i>із пса нігда не буде солонина</i> (<i>из пса нигда не будет солонина</i> , Поп, с. 79)	<i>сколько утка не бодрись, а лебедем не быть</i>

Третя група є кількістю найменша. Заділили саме до неї чотири фразеологізми, що творить лем 12 %. Найбільшим розділом в даних фразеологічних еквівалентах є їх звірячий компонент, котрим є ті мотивовані. Конкретні вираження в російських фразеологізмах не є ті зв'язані із псом, але з двома мовою звірятами.

Для класифікації з конструктивного погляду можемо побачити, що еквіваленти представляють єдиного типу з погляду їх конструкції. Хоча деякі синтаксичні розділи це побачити мож. Наприклад, фразеологізм *із пса нігда не буде солонина* має в русинській мові конструкцію простого речіння, а в російській мові є той фразеологізм зложеним речинем (*сколько утка не бодрись, а лебедем не быть*). Але в обох мовах є ті заділюємо ід фразам.

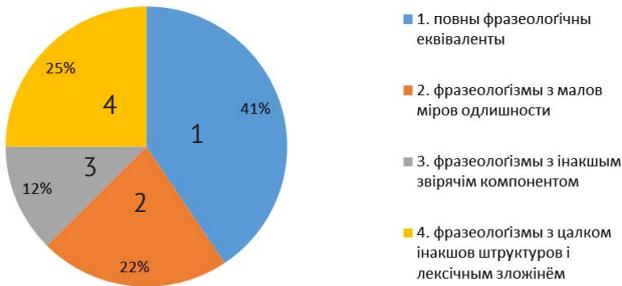
4. Фразеологізми, котры **не мають** в російскім языку **еквівалент зо звірячім компонентом** – мають єднаке значіня, яке є але выражене другыма лексічныма компонентами. Їх структура є цалком інакша. Покры в єднім языку можуть мати фразеологізми неречінёву структуру, їх еквівалентом у другім языку може быти паремія.

Ту заділюємо:

Русинський фразеологізм	Російський еквівалент
голоден як пес (<i>голоден, ги пес</i> , Поп, с. 17)	голоден, будто век не едал
не навчїть ся пес плавати, докы ся му у вуха не наллїє (<i>не навчїться пес плавати, докіль му ся у вуха не наллє</i> , Поп, с. 18)	горький опыт учит
загоїть ся, як на псови (<i>загойиться, ги на псови</i> , Поп, с. 23)	до свадьбы заживет
як псови пята лабу (<i>ги псови пята лабу</i> , Поп, с. 38)	как камень на шее
кобы пес не срава, та бы пук (<i>кобы пес не с...в, та бы пук</i> , Поп, с. 41)	коли б жил покойничек, так бы не помер
пес псови брат (<i>пес псови брат</i> , Поп, с. 67)	одна думка, одно сердце
мачка-псови, а пес-хвостови (<i>мачка-псови, а пес-хвостови</i> , Поп, с. 78)	сказал кум куме, кума свату, а сват брату, и пошел разговор со двора на двор
пес пса по хвостї познає (<i>пес пса по хвосту спознає</i> , Поп, с. 90)	черт черта узнает по рожкам, а ведьма ведьму – по хвосту

При порівнаню русинських і російських фразеологічних єдїниць, заділеных до 4. ґрупы, найвеце ся проявляють як языковы одлишности, так і одлишности тіпічны про фразеологію тых языків. Тота ґрупа в нашій класїфікації має друге найбївше заступлїня. Вісем фразеологізмів, котры сьме ту заділили, творить доведна 25 %. Порівнованы фразеологізми мають в тых языках інакшу коншструкцію. Покры в русинскім языку суть даны фразеологізми мотївованы зоонїмом «пес», в їх російських еквівалентах ся єднаке значіня передає цалком інакыма лексічным зложїнєм. Великы роздїлы суть і в коншструкції конкретных еквівалентів. Покры в єднім языку мають форму простого речїня, в другім функціонують з росшыренов зложноречїнєвов коншструкціов. В русинскім языку є фразеологізм *загоїть ся, як на псови* усталеным порівнанєм, в російскім языку є то фразеологічне зрощїня, котре не має форму порівняння (*до свадьбы заживет*).

Мїру згоды русинсько-російських фразеологізмів з компонентом «пес» з формального боку демонструє граф 1.

Граф. 1. Міра згоды русиньско-російських фразеологічних еквівалентів з формального боку.

При зобщию нашого членія фразеологізмів бы сьме першы дві ґрупы фразеологізмів заділили ід еднакым, общім по свой мотивації і формі русиньско-російськым фразеологічным еквівалентам. Третья і четверта ґрупа фразеологізмів зась презентує розділы фразеологічных єдиніць, то значіть фразеологізмів, в котрых ся еднаке значіня выражать помочов іншого лексічного зложіня фразеологізмів.

ЛІТЕРАТУРА

Антонякова 2011 - *Антонякова Д.* Русская фразеология в зеркале суеверия. Прешов: Изд-во ФФ ПУ, 2011. 177 с.

Becker 2007 - *Becker U.* Slovník symbolů. Praha: Portal, 2007. 351 с.

Белова 2015 - *Белова О.В.* Славянская мифология: коза, козёл [Електронічний zdroj]. URL: <http://pagan.ru/slowar/k/koza8.php> (датум попозераня: 05.06.2015).

Bural' et al. 2002 - *Bural' et al.* Uličská dolina. Humenné: Redos, 2002. 112 с.

Вархол, Івченко 1990 - *Вархол Н., Івченко А.* Фразеологічний словник лемківських говірок східної Словаччини. Братіслава: Словацьке педагогічне видавництво, 2002. 159 с.

Zajinc 2015 - *Zajinc J.* Koza [Електронічний zdroj]. URL: <http://www.ludovakultura.sk/index.php?id=4223> (датум попозераня: 05.06.2015).

Мокиенко 1975 - *Мокиенко В.М.* В глубь поговорки. М.: Просвещение, 1975. 174 с.

Мокиенко и др. 2005 – *Мокиенко В. и др.* Русская фразеология: историко-этимологический словарь. 3-е изд. М.: Астрель, 2005. 928 с.

Поп 2011 - *Поп Д.* Русиньско-українсько-руськый и русско-русинско-українский фразеологические словари. Ужгород, 2011. 243 с.

Popelková 2015 - *Popelková K. Pes* [Електронічний здрой]. URL: http://www.ludovakultura.sk/index.php?id=2721&no_cache=1&sword_list%5B%5D=pes (датум попозераня: 15.06.2015).

Stěpanova et al. 2014 - *Stěpanova L. et al. Rusko-česko-slovenský slovník frazeologických synonym. Olomouc: Univerzita Palackého, 2014. 394 s.*

Фирсова 2012 - *Фирсова И.М.К вопросу изучения национального и интернационального компонентов во фразеологии // Гуманитарные и социальные науки [онлайн]. 2012. № 1. С. 177–183. [цит. 2015-06-19]. Доступне з: http://hses-online.ru/2012/01/10_02_20/21.pdf. ISSN 2070-1403*

Ябур и др. 2007 - *Ябур В. и др. Русиньска лексика. Пряшів: Русин і Народны новинкы, 2007. 348 с.*

REFERENCES

Antonyakova, D. (2011) *Russkaya frazeologiya v zerkale suyeveriya* [Russian phraseology in the mirror of superstitions]. Preshov: FF-PU.

Becker, U. (2007) *Slovník symbolu* [The Dictionary of Symbols]. Prague: Portal.

Belova, O.V. (n.d.) *Slavyanskaya mifologiya: koza, kozyol* [The Slavic mythology: goat, she-goat]. [Online]. Available from: <http://pagan.ru/slowar/k/koza8.php> (Accessed: 5th June 2015).

Buraľ, M., Francúz, J. & Warchol, J. (2002) *Uličská dolina* [Ulicske Valley]. Humenne: Redos.

Varkhol, N. & Ivchenko, A. (2002) *Frazeologichniy slovník lemківskykh hovirok skhidnoyi Slovačchyny* [The Phraseological Dictionary of Lemko dialects of Eastern Slovakia]. Bratislava: Slovatske pedahohichne vydavnytstvo.

Zayints, J. (n.d.) *Koza* [Goat]. [Online]. Available from: <http://www.ludovakultura.sk/index.php?id=4223> (Accessed: 5th June 2015).

Mokiyenko, V.M. (1975) *V glub' pogovorki* [In the depths of the proverb]. Moscow: Prosveshcheniye.

Mokiyenko, V.M. et al. (2005) *Russkaya frazeologiya: istoriko-etimologicheskii slovar'* [Russian Phraseology: The Historical and Etymological Dictionary]. 3rd ed. Moscow: Astrel'.

Pop, D. (2011) *Rusins'ko-ukrayins'ko-rus'kyy i russko-rusinsko-ukrayinskiy frazeologicheskie slovari* [The Rusyn-Ukrainian-Russian and Russian-Rusyn-Ukrainian Phraseological Dictionaries]. Uzhhorod: [s.n.].

Popelkova, K. (n.d.) *Pes* [Dog]. [Online]. Available from: http://www.ludovakultura.sk/index.php?id=2721&no_cache=1&sword_list%5B%5D=pes (Accessed: 5th June 2015)

Stěpanova, L. Et al. (2014) *Rusko-Chesko-Slovenski slovník frazeologitskikh sinonim* [The Russian-Czech-Slovak Phraseological Dictionary of Synonyms]. Olomouts: Univerzita Palatskeho.

Shikhova, T.M. (2012) *Internatsional'naya frazeologiya v diakhronicheskom i sinkhronicheskom aspektakh* [International phraseology in synchronic and diachronic aspects]. Arkhangel'sk: Pomor State University.

Firsova, I.M. (n.d.) *K voprosu izucheniya natsional'nogo i internatsional'nogo komponentov vo frazeologii* [On the national and international components in phraseology]. [Online]. Available from: http://hses-online.ru/2012/01/10_02_20/21.pdf (Accessed: 19th June 2015).

Yabur, V. et al. (2007) *Rusin'ska leksika* [The Rusyn vocabulary]. Pryashiv: Rusyn i Narodnŭ novynkŭ.

Копорова Кветослава – філозофії доктор, лінгвістка, одборна асистентка Інституту русинського языка і культури Пряшівської університету в Пряшові (Словенско).

Копорова Кветослава – доктор філософії, лінгвіст, асистент Інституту русинського языка і культури Пряшевського університету в Пряшеве (Словакия).

Koporova Kvetoslava – Institute of Rusyn Language and Culture – University of Preshov (Slovakia).

E-mail: kkoporov@gmail.com

Голубкова Михаела – магістер, докторандка Інституту русинського языка і культури Пряшівської університету в Пряшові (Словенско).

Голубкова Михаела – магістр, аспірант Інституту русинського языка і культури Пряшевського університету в Пряшеве (Словакия).

Holubkova Mikhaela – Institute of Rusyn Language and Culture – University of Preshov (Slovakia).

E-mail: mholubkova@gmail.com

Плішкова Анна – філозофії доктор, доцент, соціолінгвістка, директорка Інституту русинського языка і культури Пряшівської університету в Пряшові (Словенско).

Плишкова Анна – доктор філософії, доцент, соціолінгвіст, директор Інституту русинського языка і культури Пряшевського університету в Пряшеве (Словакия).

Pliskova Anna – Institute of Rusyn Language and Culture – University of Preshov (Slovakia).

E-mail: anna.pliskova@unipo.sk

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/45/7

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ПРИСУТСТВИЕ В КИТАЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. (НА МАТЕРИАЛЕ ХАРБИНА – ЦЕНТРА РУССКОГО ВОСТОЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ)

Е.А. Оглезнева

Томский политехнический университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

Авторское резюме

В статье рассматривается славянское присутствие и функционирование славянских языков на неисконной славянской территории – в Китае. Автор указывает на несколько территорий Китая, где в XX в. происходило активное взаимодействие местного и славянского этносов. Основное внимание в статье сосредоточено на городе Харбине – центре русского восточного зарубежья в первой половине XX в. В фокусе исследования оказались такие славянские языки, как русский, украинский, польский и белорусский. Автор анализирует социально-исторические и культурные факторы, обусловившие присутствие славянских языков в Китае в указанный период, выявляет состав славянских идиомов и их статус. С учетом этих факторов определены коммуникативная и демографическая мощности славянских языков в Китае первой половины XX в. и предпринят опыт научной интерпретации этих величин.

Ключевые слова: социолингвистика, славянские языки, Китай, сферы использования языка, демографическая мощность языка, коммуникативная мощность языка.

SLAVIC LANGUAGES IN CHINA IN THE EARLY 20TH CENTURY (A CASE STUDY OF HARBIN – THE CENTER OF THE RUSSIAN EAST ÉMIGRÉ COMMUNITY)

E.A. Oglezneva

Tomsk Polytechnic University
30 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: eoglezneva@yandex.ru

Abstract

The article dwells on functioning of Slavic languages in the non-Slavic territory – China. The author indicates some Chinese territories with active interaction between the local and Slavic ethnic groups in the 20th century. The article focuses on functioning of Ukrainian, Polish and Belarusian in Harbin, which was the center of the Russian East émigré community in the early 20th century. The author analyses social, historical and cultural factors determining the presence of Slavic languages in China of that time and describes the structure and status of Slavic idioms. Finally, the author identifies and describes the communicative and demographic capacity of Slavic languages in China in the early 20th century.

Keywords: sociolinguistics, Slavic languages, China, spheres of using the language, demographic and communicative capacity of the language.

Этносы, как известно, – это исторически сложившиеся группы людей, характеризующиеся общностью происхождения и, соответственно, изначально – общностью территории, а также культуры и языка как части культуры (Бромлей 1987: 14; НЭС 2001: 1410 и др.). С течением времени в результате миграционных процессов территориальный признак может переставать быть признаком этноса, если какая-либо его часть оказывается на этнически неисконной территории. С этой точки зрения представляют интерес границы распространения славянского этноса, специфика его бытования и судьбы на новых территориях, особенно на исконно неславянских, в частности в Китае.

Цель статьи – анализ славянского языкового присутствия в неславянском окружении – на территории Китая в XX в. на фоне исторических обстоятельств, обусловивших это присутствие.

Китай – страна, у которой особые взаимоотношения со славянским этносом и славянскими языками. Речь главным образом идет о русских как наиболее представленной количественно в Китае славянской группе и о русском языке, но не только о них. На карте Китая можно обозначить несколько территорий, языковая ситуация которых не может быть охарактеризована без присутствия славянского компонента. При этом в зоне взаимодействия оказались различные идиомы: не только литературные формы языков, но и их диалекты. Результат этого взаимодействия отчасти был предопределен генетическим и типологическим несходством взаимодействующих языков (китайский – сино-тибетский, изолирующий, и славянские – индоевропейские, флективные), а также различным статусом этих языков, обусловленным социальными факторами.

Укажем известные точки славяно-китайского этнического и языкового взаимодействия в Китае:

1) город Харбин начала и середины XX в., являвшийся многонациональным и многоязычным городом – центром русской восточной эмиграции, а также линия Китайско-Восточной железной дороги – КВЖД (1898–1960-е гг. XX в.): здесь функционировали русский, украинский, польский, белорусский, чешский языки;

2) район так называемого Трехречья – долина рек Ган, Дербул и Хаул на западе Маньчжурии (с 20–30-е гг. XX в. до настоящего времени): здесь функционировал русский язык;

3) правый берег реки Амур в провинции Хэйлуцзян с 20–30-х гг. XX в. до настоящего времени: здесь функционировали русский и украинский языки;

4) Синцзян, где проживали русские старообрядцы (1936–1960-е гг.): там функционировал русский язык;

5) Шанхай, Тяньцзинь, Далянь и некоторые другие города Китая, где существовали русские колонии (20–60-е гг. XX в.): функционировали русский, украинский и, возможно, другие славянские языки;

6) город Хэйхэ (провинция Хэйлуцзян), Хуньчунь (провинция Цзилинь) и другие приграничные города Китая, где в настоящее время более активно, чем в других регионах этой страны и других странах, функционирует русский язык.

Из всех перечисленных территорий особенно следует выделить центр русской восточной эмиграции Харбин, где славянская составляющая выражена наиболее ярко и разнообразно.

Особенной чертой Харбина в первой половине XX в. была его многонациональность. Первая перепись населения в Харбине была произведена в мае 1903 г. Она показала, что в Харбине проживают 15 579 русских подданных и 28 338 китайцев, 462 японца и

200 представителей других национальностей, а в конце 1905 г. в Харбине насчитывалось из числа постоянных жителей более 40 тыс. человек различных национальностей Российской империи (Василенко 1998: 62; Аблова 2004: 66).

В 2010 г. европейское население в Харбине составляло 32 320 чел., из них 31 269 были русскоподданными (**русские, украинцы, белорусы**, армяне, грузины и др.), евреи – 452, германскоподданные (в том числе немцы) – 166, греки – 92, англичане – 83, французы – 60, **поляки – 53**, турки – 40, **чехи – 33**, австрийцы – 21, меньше 20 чел. составляли итальянцы, грузины, испанцы, **болгары**, американцы, шведы и швейцарцы (Василенко 1998: 63).

К началу Первой мировой войны **русских** в Харбине было 64,5 % от общего числа жителей (Василенко 1998: 162).

Харбин быстро развивался, и уже к 1917 г. число его жителей превышало 100 тыс. чел., из них **русских** было свыше 40 тыс. (Аблова 2004: 66). К 20-м гг. XX в. **украинская** диаспора, по разным данным, составляла от 2 до 20 тыс., **польская** – 2,5–5 тыс. (Аблажей 2007: 44).

Кроме подданных России и Китая разных национальностей, в Северном Китае в начале XX в. присутствовали и представители других государств Азии и Европы, оказавшиеся причастными к строительству КВЖД и самого города. Харбин, а также некоторые другие города вдоль железной дороги были открыты для международной торговли. По данным адресной и справочной книги «Весь Харбин на 1923 г.», в то время в Харбине располагались британское, французское, американское, итальянское, голландское, латвийское консульства, японское императорское генеральное консульство, **польское** генеральное консульство, датское, бельгийское и шведское вице-консульства, а также представительство Российской Федеративной Советской Республики (Весь Харбин 1923: 102). В 1926 г. в Харбине состав консульств несколько изменился, но не уменьшился: это были консульство СССР, а также французское, американское, японское, итальянское, германское, датское, нидерландское, **польское**, бельгийское, португальское, латвийское, шведское консульства и эстонское представительство (Весь Харбин 1926: 84–85).

Газета «Новости жизни», выходившая на русском языке в Харбине, 4 марта 1917 г. писала, характеризуя одно из событий того времени: «Улица гудела на десятках разнородных голосов...» (Диао Шаохуа 2001: 188).

Существовавшие в Харбине этнические сообщества сохраняли традиции своих народов, религиозную память и свой язык. В прессе того времени сообщалось о значительных событиях в жизни различных колоний: грузинской, еврейской, мусульманской и др.; многие

национальные меньшинства – эстонцы, поляки, украинцы, грузины, армяне, евреи, татары и некоторые другие – выпускали газеты и журналы на русском или родном языке (Диао Шаохуа 2001: 208–209); в школах в одних классах учились дети разных национальностей: русские, китайцы, чехи, татары, греки, евреи.

Харбин был своеобразным Вавилоном – «международной выставкой рода человеческого» (Василенко 1998: 64). Охарактеризуем славянские сообщества и их языки в Китае, а именно в Харбине первой половины XX в.

Русские и русский язык

Число носителей русского языка в Харбине в начале и середине XX в. постоянно менялось, но обычно было меньше, чем число проживавших в Харбине носителей китайского языка, и больше, чем число носителей всех остальных языков, кроме китайского.

Статус русского языка. По воспоминаниям очевидцев, до конца 40-х гг. Харбин производил впечатление патриархального русского города (ФА. 2002. 30/10)¹, в котором значительная часть населения говорила по-русски. Положение русского языка в Харбине на протяжении XX в. менялось. Это было напрямую связано с численностью русскоязычного населения и его положением.

Можно выделить два качественно различающихся периода:

I. С начала XX в. (момента возникновения русского Харбина) до 50-х гг. (до массовой репатриации и реэмиграции русскоязычного населения из Харбина).

II. С начала 60-х гг. и до конца XX в., а именно до конца русской восточной эмиграции, когда присутствие русских эмигрантов Харбине было сведено практически к нулю.

В первой половине XX в. русский язык в Харбине выполнял многообразные социальные функции, являясь средством официального и неофициального общения русских харбинцев. Это был язык хозяйственно-производственной деятельности, обширной русской периодики и радио, книгоиздательства, устного делового общения и деловой переписки, сферы услуг, документации о статусе частного лица – гражданина России, начального, среднего и высшего образования, культурной (литературной, театральной музыкальной) жизни. Кроме того, Харбин был городом с русским топонимическим пространством. Важно также, что русский язык был там языком религиозного культа, обслуживая наряду с церковнославянским конфессиональную жизнь многочисленных православных общин Харбина. Главной же сферой использования русского языка

в Харбине была сфера бытовая, или сфера семейного и другого неофициального общения².

На протяжении всего обслуживания КВЖД русскими русский язык фактически имел статус *официального*. Официальным языком, следуя социолингвистическому определению этого понятия, считается язык государственного управления, законодательства, судопроизводства (Вахтин, Головкин 2004: 42). Русский язык в Харбине в рассматриваемый период обслуживал все названные сферы: производственные и деловые отношения (Райан 2005: 70–71), а также до 1920 г. и судопроизводство³. Известно, что до 1926 г. в Харбине было русское городское самоуправление, что также требовало использования русского языка как официального (Райан 2005: 88).

Подсистемы русского языка (идиомы). Русский язык в Харбине существовал в кодифицированной литературной форме во всем многообразии стилей (официально-делового, публицистического, научного, художественного, религиозно-проповеднического) и разговорной своей разновидности. Кроме того, в Харбине были носители просторечной и диалектной форм русской речи, встречались элементы жаргона. Таким образом, сферы бытования русского языка в Харбине были практически теми же, что и в метрополии. Все это свидетельствует о наличии полноценной русской языковой среды, способствовавшей наилучшему сохранению русского языка в восточной эмиграции.

Этнические сообщества, носителями которых являлись русскоподданными.

Число носителей. Установить достоверно состав этнических сообществ в Харбине и их численность не представляется возможным. Известно лишь, что они составляют часть того числа, которым исчислены русские. Произошло это по той причине, что русскими в документах обозначались, как правило, все русскоподданные независимо от их национальной принадлежности. Эти цифры и фигурируют сейчас в научных источниках (Василенко 1998: 62; Yukiko Koga 2001: 320; Аблова 2004: 66). Есть основания полагать, что русскоязычные нерусской национальности составляли меньшую долю от общей численности русскоподданных в Харбине.

Статус языков этнических сообществ, носителями которых являлись русскоподданными. Языки указанных этнических сообществ не использовались в качестве языков управления, законодательства и судопроизводства, определить их как официальные даже фактически не представляется возможным.

Подсистемы языков этнических сообществ, носителями которых являлись русскоподданными (идиомы). Русскоподданные **украинцы**,

белорусы, евреи, **поляки**, армяне, грузины и представители других национальностей использовали родной язык – язык этноса – в его обиходно-разговорном варианте при семейном, бытовом и другом неофициальном общении внутри этнических групп.

В официальном общении – в торгово-производственной и деловой сферах, в сфере образования, судопроизводстве нерусские, но русскоподданные использовали русский язык. Оставаясь гражданами России и находясь на государственной службе, они владели русским языком, который продолжал и вне метрополии, в Китае, выполнять важные государственные функции: был языком государственного управления и судопроизводства для российских граждан независимо от их национальности.

В неофициальном общении с русскоговорящими русскоподданные украинцы, белорусы, армяне, грузины, евреи и представители других национальностей использовали русский язык.

Известно также о существовании в Харбине таких сфер жизнедеятельности этнических сообществ, в которых должны были употребляться литературные формы национальных языков: это образование и печать.

Украинцы и украинский язык

Украинская национальная колония в Харбине в 40-е гг. XX в. насчитывала 2 тыс. чел., включая детей. Имелся собственный дом по ул. Новоторговой, в котором находились клуб, библиотека, большой зал со сценой, где проводились также концерты украинского хора, спектакли и слушались оперы украинских авторов. Работал кружок по изучению украинского языка (Хисамутдинов 2002: 282–283)⁴.

В Украинском доме регулярно проходили заседания, на которых делали доклады по истории Украины. Председателем украинской национальной колонии был профессор Харбинского политехнического университета В.А. Кулябко-Корецкий, уроженец Полтавской губернии (Хисамутдинов 2000: 176). Активными деятелями украинской национальной колонии были П.Я. Лисуненко, Ф.Ф. Даниленко, Г.И. Нестеренко. В Государственном архиве Хабаровского края, где хранятся личные дела многих жителей Харбина, сохранилось личное дело Ф.Ф. Даниленко, в котором записано, что он «по своим убеждениям является сторонником полного политического сотрудничества между Украиной и Россией, не одобряет сепаратистических стремлений некоторой части украинской колонии» (цит. по: Хисамутдинов 2002: 282)⁵. Известно, что украинцы проживали не только в Харбине, но и в других городах Китая: Тяньцзине, Шанхае (Хисамутдинов 2002: 283).

В Харбине еще в 1907 г. было создано украинское издательское товарищество, учредителем которого являлся В.С. Опадчий, уроженец Черниговской губернии. Он же в 1907 г. основал и первый украинский клуб. В.С. Опадчий участвовал и в строительстве Свято-Покровской церкви в Харбине, которая с 1920 г. располагалась в Украинском доме, а в 1930 г. была перенесена в специально построенное для нее здание (Хисамутдинов 2000: 228; Хисамутдинов 2002: 244). Эта церковь до сих пор является действующим православным храмом Харбина.

Были открыты и национальные школы: начальная украинская школа, 1-я украинская смешанная гимназия и двухклассное Высшее начальное училище (Потапова 2006: 23).

Известно также о периодике на украинском языке в Китае в XX в. Так, официальным органом украинской национальной колонии был журнал «Вестник», выходила и украинская националистическая газета «Зов України» (Хисамутдинов 2002: 283).

Поляки и польский язык

В Харбине были поляки из России и Польши. Поляками из России было основано свое землячество, а затем учреждено общество «Господа Польска», которое организовывало празднование национальных праздников, благотворительные вечера, о чем писали харбинские газеты (Хисамутдинов 2002: 192–193)⁶.

В Харбине существовало три польских национальных учебных заведения (гимназия им. Г. Сенкевича, школа В.Ф. Лазовского, польское Высшее начальное училище) (Аблова 2004: 129), польские приходские школы при костелах Св. Станислава и Св. Иосафата (Василенко 1998: 64).

Издавались и национальные польские периодические издания, такие, например, как еженедельник «Тыгодник Польски» с приложением «Далеки Всхуд» (Сапелкин 2002: 468; Аблова 2004: 129), польская газета «Ojczyzna» (Хисамутдинов 2002: 193).

Таким образом, украинский и польский языки в Харбине первой половины и середины XX в. были представлены не только обиходно-разговорной разновидностью родного языка, но и его литературной формой.

Белорусы и белорусский язык

Как указывает Н.Е. Аблова, история белорусов в Маньчжурии имеет свои отличительные особенности: «в течение первой половины XX в. в Северо-Восточном Китае не выходило ни одного издания на бело-

русском языке, не существовало ни одной, даже начальной школы и т. п.». Это связано с тем, что «процессы становления национального самосознания, имевшие место в Белоруссии в начале XX в., не находили отражения в среде выходцев из белорусских губерний, переселившихся в Маньчжурию» (Аблова 2004: 132). Что касается сферы религиозной коммуникации на белорусском языке, то она возникла в конце 20-х гг. XX в., когда в Харбин из Польши для руководства Русской католической епархией византийско-славянского обряда в Маньчжурии был направлен архимандрит Фабиан Абрантович, негодный католическому духовенству, поскольку он подчеркнуто говорил на белорусском языке, «вызывая этим постоянное раздражение церковных и светских властей Польши, и в итоге был направлен «на працу між чужымі ў Маньчжурью»» (Аблова 2004: 133). Другие священники-белорусы оказались в Харбине также из-за приверженности идее «белорусского возрождения». Полагаем, в Маньчжурии не было препятствий говорить по-белорусски, и потому сфера религиозной коммуникации на белорусском языке в определенных религиозных жанрах была представлена.

Рассмотрим **демографическую и коммуникативную мощь языков** на территории Китая, а именно в Харбине.

Под *демографической мощью* идиомов понимается «число говорящих на каждом из идиомов в отношении к общему числу населения исследуемого ареала» (Виноградов 1990: 616).

Отсутствие полных данных о количественной представленности различных национальностей в Харбине в начале и середине XX в. не позволяет составить целостной картины явления и рассмотреть данный показатель в динамике. Однако имеющиеся сведения о числе говорящих на разных языках в Харбине в разные периоды его существования как многонационального конгломерата отражают, пожалуй, типическое для Харбина состояние демографической мощи отдельных идиомов.

Так, для 1914 г. демографическая мощь китайского языка соответствует показателю 0,5; русского языка – 0,38; японского – 0,007; английского – 0,0004; корейского – 0,0007; других языков, вместе взятых, – 0,104. Очевидно, что наибольшей демографической мощью в Харбине в 1914 г. обладал китайский язык, вторым по этому показателю был русский язык, демографическая мощь всех остальных языков в Харбине являлась гораздо меньшей.

Демографическая мощь русского разговорного языка обусловлена значительным количеством коммуникативных сфер, в которых он мог быть использован большим количеством людей при внутринациональном и межнациональном общении. Так, все

русские в бытовом и другом неофициальном общении использовали эту форму.

Вывод о демографической мощности русского литературного языка может быть подтвержден данными о количестве грамотного русскоговорящего населения Харбина, поскольку грамотность предполагает владение элементарными навыками литературной речи. Так, согласно однодневной переписи населения Харбина в 1913 г., являлись грамотными на русском языке более 49,59 % жителей города и пригорода Харбина, при этом грамотных на разных языках было 58,13 % (Мальцева, Терехина 2002: 432). Значит, грамотных не на русском языке было всего 8,54 %. Известно, что русской грамоте обучались не только русские по национальности, но и русскоподданные разных национальностей, а также китайцы; в то же время среди грамотных не «по-русски» были грамотные «по-китайски», «по-украински», «по-польски» и др. Полагаем, что грамотные носители русского, украинского, польского языков могли пользоваться его литературной формой в различных коммуникативных ситуациях.

Коммуникативная мощьность идиомов определяется числом коммуникативных сфер, обслуживаемых каждым идиомом, в отношении к общему числу таких сфер (Виноградов 1990: 616).

Точно подсчитать число коммуникативных сфер, обслуживавшихся каждым функционировавшим в Харбине начала и середины XX в. языком, не представляется возможным, а это в свою очередь не позволяет достоверно определить коммуникативную мощьность идиомов в Харбине рассматриваемого периода, но гипотетически установить данную величину возможно.

Наибольшая коммуникативная мощьность среди других идиомов, функционировавших в Харбине того времени, на уровне экзоглосии была присуща **русскому языку**, а на уровне эндоглосии – его литературной кодифицированной форме, так как именно она обслуживала максимальное число коммуникативных сфер, состав которых был непосредственно связан с высоким уровнем специализации жизнедеятельности русских в Харбине: промышленное производство, торговля, строительство, журналистика, юриспруденция, художественное творчество, театр, спорт и др.

Безусловно, более слабыми по коммуникативной мощьности были другие славянские языки, функционировавшие в Харбине в начале и середине прошлого века, но и среди них мы наблюдаем различия в степени коммуникативной мощьности. Так, **польский** язык, кроме бытовой сферы, обслуживал сферы образовательную, дипломатическую, религиозную и сферу массовой информации; **украинский** –

так же бытовую сферу, сферу массовой информации, театральную и религиозную, **белорусский** – только бытовую и религиозную.

Если состав возможных коммуникативных сфер условно исчислить 11 единицами (хозяйственно-производственная сфера, сфера торговли, юриспруденция, дипломатия, журналистика, школа, наука, религия, театр, спорт, быт), то коммуникативная мощность **русского языка** в начале и середине прошлого века в Харбине будет равняться 1 (ср. с коммуникативной мощностью китайского языка – 0,73, показатель которой ниже, чем для русского языка, что нетипично для языка на исконной территории); **польского** – 0,45; **украинского** – 0,45; **белорусского** – 0,18.

Польский язык имел показатель коммуникативной мощности 0,45. Известно, что, кроме поляков, прибывших в Харбин из России, были поляки из Польши, выполнявшие дипломатическую миссию в польском генеральном консульстве, поэтому количество сфер коммуникации, а соответственно и коммуникативная мощность этого языка в Харбине, выше, чем, например, у **белорусского** языка, все носители которого в Харбине являлись русскоподданными, и этот язык не был задействован в сфере дипломатической коммуникации, а также в сфере массовой коммуникации и образования. Показатель коммуникативной мощности белорусского языка – 0,18.

Подведем итоги. Проанализированные в статье исторические и социолингвистические данные демонстрируют функционирование славянских языков на исконно неславянской территории – в Китае первой половины XX в. Присутствие славянской этнической группы на данной территории обусловлено как государственными интересами России, так и тем, что построенный с помощью России город Харбин и линия КВЖД были привлекательны для разных государств в экономическом плане, что обусловило присутствие на этой территории представителей различных государств, в том числе славянских.

Наиболее представленными количественно из славян являлись русские – титульная национальная группа основного экономического партнера Китая – России. Русский язык демонстрирует максимальную коммуникативную мощность в Харбине (=1), превышая коммуникативную мощность китайского языка при численном преобладании его носителей. В этом проявляется уникальность языковой ситуации Харбина: язык нетитульной нации в первой половине XX в. оказывается коммуникативно мощнее.

Другие славянские языки оказались и демографически, и коммуникативно гораздо менее мощными, что обусловлено меньшей социальной значимостью их идиомов в силу экономических и поли-

тических причин в рассматриваемый период времени на указанной территории.

Коммуникативная мощь украинского, польского и белорусского (0,18) языков в рассматриваемой ситуации оказалась величиной измеримой и немалой, особенно при ее сравнении с демографической мощью этих языков, которая составляет тысячные доли от целой величины. Достаточно высокая коммуникативная мощь украинского и польского языков (= 0,45 у каждого) обусловлена выраженным стремлением носителей этих языков к этническому самосохранению и возможностью поддерживать это с помощью социальных институтов: образования, печати и некоторых других. Коммуникативная мощь белорусского языка (= 0,18) ниже в силу отсутствия социальных институтов, способных поддержать язык на неисконной территории и способствовать более длительному его сохранению.

Примечания

1. ФА – фоноархив «Язык русского восточного зарубежья», хранящийся в лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета (г. Благовещенск, Россия) и содержащий записи речи последних представителей русской диаспоры в Харбине, выполненные автором в 2000–2008 гг. В данном случае 2002 – год записи, 30/10 – номера полевого дневника и страницы соответственно.

2. О сферах использования русского языка в Харбине первой половины XX в. с указанием на оригинальные источники см. (Оглезнева 2009: 27–36).

3. Приведем факты и документы, подтверждающие использование русского языка в названных сферах. Так, историк Н.Н. Аблажей, ссылаясь на экономический и краеведческий журнал «Вестник Маньчжурии», выпускавшийся в Харбине с 1925 по 1934 г., указывала на то, что «крупнейшим предприятием в регионе была КВЖД: в 1923 г. дорога обеспечивала работой около 12 тыс. русских», а также на то, что «как и КВЖД, многие русские предприятия города появились здесь еще в начале века; первоначально они основывались при финансовой поддержке русского правительства. <...> Русскими эмигрантами в Харбине были созданы предприятия в сфере мелкого производства, торговли и обслуживания. По результатам обследования оценочно-статистического бюро Харбинского общественного управления, в 1926 г. из 1 154 предприятий Харбина 530 (46 % общего их количества) находились в собственности бывших подданных России» (Аблажей 2001: 130–131). Как отмечает Н.В. Райан, исследовательница языка русской диаспоры в восточном зарубежье

и бывшая харбинка, «китайцы, которые работали на дороге, должны были знать русский язык» (Райан 2005: 70–71). На русском языке осуществлялась торговля в магазинах русских предпринимателей, оказывались бытовые, транспортные, медицинские, юридические услуги, о чем свидетельствуют многочисленные объявления в русских харбинских газетах, информация в городских адресных и справочных книгах (Весь Харбин 1923, Весь Харбин 1926, Коммерческий указатель 1933). На русском языке до массового исхода русских из Харбина совершались почтовые отправления (ФА. 2001. 14/11–12). Приведем примеры документов о статусе частного лица, составленные по правилам дореволюционного русского документооборота и выданные в Харбине: это, напр., «Послужной список» начальника станции Харбин Александра Киприяновича Крапивницкого с записями за период с 1903 по 1914 г., в котором в графе «На какую должность принят, с какого времени и с каким окладом. Повышения и перемещения. Причины оставления службы» указано: «Начальник станции Гаолинцзы. Перемещен начальником ст. Уцзими. Перемещен начальником ст. Ханьдаохецзы. Перемещен на Западное отделение. Начальник ст. Хайлар. Перемещен на Восточное отделение. И. д. начальн. ст. Харбин. Начальник ст. Харбин». См. также «Аттестат» Михайловой Татьяны, выданный 16 июня 1932 г.: «Предъявительница сего аттестата, ученица Харбинской Русской Частной гимназии М.С. Генерозовой, основ. в 1903 г., Михайлова Татьяна, русская эмигрантка, 18 лет от роду, закончила полный курс названной гимназии. При прохождении учебного курса, а также на выпускных испытаниях она, Михайлова Татьяна, оказала нижеследующие успехи и т. д.» и др. (сокращения в текстах документов сохранены в соответствии с оригиналом). Копии документов имеются в личном архиве автора.

4. Источником информации, представленной в указанном энциклопедическом источнике, послужили публикации в периодических и других изданиях г. Харбина. Например: Р.К. Украина. Шанхай: Изд-во укр. дальневост. националистов. 1937; Украинская национальная колония в Тяньцзине // На пути к Родине. 1939. № 1; Жизнь украинской колонии в Шанхае. Создан украинский эмигрантский комитет // Шанхайская заря. 1940. 11 янв.; Украинская национальная колония // Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею. Харбин: Изд. гос. организации Кио-ва-кай и Гл. бюро по делам рос. эмигрантов в Маньчжур. империи, 1942. С. 318–320; газета «Зов Украины» («The call of the Ukraine»), 1942 и др. (Хисамутдинов 2002: 283).

5. А.А. Хисамутдинов ссылается на следующий архивный источник: ГАХК (Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830. Оп. 3. Д. 11798. Л. 26 об., 33).

6. Источником информации, представленной в указанном энциклопедическом источнике, послужили публикации в периодических и других изданиях г.Харбина. Например, Праздник польской колонии // Рубеж. 1931. № 20. 9 мая. С. 17; Польский бал в Харбине // Рубеж. 1937. 20 февр. С. 19; Голко В. К вопросу о конце польской колонии в Маньчжурии // На сопках Маньчжурии. 1999. № 63 (Апр.). С. 6 и др. (Хисамутдинов 2002: 193).

ЛИТЕРАТУРА

Аблажей 2001 - *Аблажей Н.Н.* Хозяйственно-экономическая деятельность российских эмигрантов в Северной Маньчжурии // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 2. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2001. С. 130–136.

Аблажей 2007 - *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае / Отв. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 300 с.

Аблова 2004 - *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: ИД ИД «Русская панорама», 2004. 432 с.

Бромлей 1987 - *Бромлей Ю.В.* Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987. 336 с.

Василенко 1998 - *Василенко Н.А.* О численном и национальном составе населения Харбина в 1898–1917 гг. // Дальний Восток – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: материалы междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск: Частная коллекция, 1998. С. 62–64.

Вахтин, Головкин 2004 - *Вахтин Н.Б., Головкин Е.В.* Социоллингвистика и социология языка СПб.: Гуманитарная академия; Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2004. 336 с.

Весь Харбин 1923 - *Весь Харбин на 1923 год: Адресная и справочная книга гор. Харбина [Текст] / под ред. С.Т. Тернавского.* Харбин, 1923.

Весь Харбин 1926 - *Весь Харбин на 1926 г. Адресная и справочная книга.* Ред.-изд. С.Т. Тернавский. Харбин: Типография Китайско-Восточной железной дороги, 1926. 542 с. // Национальный цифровой ресурс «Руконт».

Виноградов 1990 - *Виноградов В.А.* Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 616–617.

Диао Шаохуа 2001 - *Диао Шаохуа.* Краткий обзор истории русской печати в Харбине // Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): Библиография (Список книг и публикаций в периодических изданиях) / сост. Диао Шаохуа. Харбин: Изд-во Бейфан Вен-и, 2001. С. 175–214.

Коммерческий указатель 1933 - *Коммерческий указатель Великого Харбина.* Харбин: Изд-во коммерческого указателя Великого Харбина, 1933. 176 с.

Мальцева, Терехина 2002 - *Мальцева М.П., Терехина В.С.* Общественная жизнь Харбина в начале XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 3. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2002. С. 430–434.

НЭС 2001 - *Новый энциклопедический словарь.* М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. 1456 с.

Оглезнева 2009 - *Оглезнева Е.А.* Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2009. 352 с.

Потапова 2006 - *Потапова И.В.* Русская система образования в Маньчжурии. 1898–1945 годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2006. 29 с.

Райан 2005 - *Райан Н.В.* Россия – Харбин – Австралия: сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России. М.: Русский путь, 2005. 208 с.

Сапелкин 2002 - *Сапелкин А.А.* Из истории польской колонии Харбина (1896–1932) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 3. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2002. С. 464–469.

ФА - Фоноархив «Язык русского восточного зарубежья» (ФА). Хранение: лаборатория региональной лингвистики Амурского государственного университета (г. Благовещенск Амурской обл., Россия).

Хисамутдинов 2000 - *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Библиографический словарь. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 384 с.

Хисамутдинов 2002 - *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток: Дальневост. гос. ун-т, 2002. 360 с.

Yukiko Koga 2001 - *Yukiko Koga.* Appearances of the past: visual preservation and presentation in Harbin // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2001. Вып. 4. Этнические контакты. С. 305–323.

REFERENCES

Ablazhey, N.N. (2007) *S vostoka na vostok: Rossiyskaya emigratsiya v Kitae* [From the East to the East: The Russian emigration in China]. Novosibirsk: SB RAS.

Ablazhey, N.N. (2001) *Khozyaystvenno-ekonomicheskaya deyatelnost rossiyskikh emigrantov v Severnoy Manchzhurii* [The economic activity of Russian emigrants in the Northern Manchuria]. In: Bolotin, D.P. (ed.) *Rossiia i Kitay na dalnevostochnykh rubezhakh* [Russia and China in the Far Eastern border]. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 130-136.

Ablova, N.E. (2004) *KVZhD i rossiyskaya emigratsiya v Kitae: Mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX v.)* [CER and the Russian emigration in China: International and political aspects of the history (the early 20th century)]. Moscow: Russkaya panorama.

Bromley, Y.V. (1987) *Etnosotsialnye protsessy: teoriya, istoriya, sovremennost* [Ethnic and social processes: Theory, history, modernity]. Moscow: Nauka.

Vasilenko, N.A. (1998) [The number and ethnic composition of Harbin in 1898–1917]. *Dal'niy Vostok – Severo-Vostok Kitaya: istoricheskiy opyt vzaimodeystviya i perspektivy sotrudnichestva* [The Far East – Northeast of China: the historical experience of interaction and prospects for cooperation]. Proc. of the International Research Conference. Khabarovsk: Chastnaya kolleksiya. pp. 62–64 (In Russian).

Vakhtin, N.V. & Golovko, E.V. (2004) *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka* [Sociolinguistics and sociology of the language]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.

Ternavskiy, S.T. (ed.) (1923) *Ves Kharbin na 1923 god: adresnaya i spravochnaya kniga gor. Kharbina* [Harbin in 1923: The address and guide book of Harbin]. Harbin: [s.n.].

Ternavskiy, S.T. (ed.) (1926) *Ves Kharbin na 1926 god: adresnaya i spravochnaya kniga* [Harbin in 1926: The address and guide book of Harbin]. Harbin: Chinese Eastern Railway Typography.

Vinogradov, V.A. (1990) Yazykovaya situatsiya [The linguistic situation]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [The linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 616–617.

Diao Shaokhua. (2001a) Kratkiy obzor istorii russkoy pechati v Kharbine [Short review of Russian press history in Harbin]. In: Diao Shaokhua. (ed.) *Literatura russkogo zarubezhya v Kitae (v g. Kharbine i Shanghai): Bibliografiya (spisok knig i publikatsiy v periodicheskikh izdaniyakh)* [Literature of the Russian immigrants in China (in Harbin and Shanghai): Bibliography (the list of publications in periodicals)]. Harbin: Beyfan Ven-i. pp. 175–214.

Anon. (1933) *Kommercheskiy ukazatel Velikogo Kharbina* [Commercial Guide of Great Harbin]. Harbin: Commercial Guide of Great Harbin.

Maltseva, M.P. & Terekhina, V.S. (2002) Obschestvennaya zhizn Kharbina v nachale XX v. [The public life of Harbin in the early 20th century]. In: Bolotin, D.P. (ed.) *Rossiya i Kitay na dalnevostochnykh rubezhakh* [Russia and China in the Far Eastern boarder]. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 430–434.

Gorkin, A.P. (ed.) (2001) *Novyy entsiklopedicheskiy slovar* [New Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Great Russian Encyclopedia.

Oglezneva, E.A (2009) *Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'e (na materiale russkoy rechi v Kharbine)* [The Russian language in the Russian East émigré community (a case study of the Russian speech in Harbin)]. Blagoveshchensk: Amur State University.

Potapova, I.V. (2006) *Russkaya sistema obrazovaniya v Manchzhurii. 1898–1945 gody* [Russian education system in Manchuria in 1898–1945]. Khabarovsk.

Ryan, N.V (2005) *Rossiya – Kharbin – Avstraliya: sokhranenie i utrata yazyka na primere russkoy diaspory, prozhivshey XX vek vne Rossii* [Russia – Harbin –

Australia: The conservation and loss of the language by the Russian diaspora that lived the 20th century out of Russia]. Moscow: Russkiy put.

Sapelkin, A.A. (2002) *Iz istorii polskoy kolonii Kharbina (1896-1932)* [The history of the Polish colony in Harbin (1896–1932)]. In: Bolotin, D.P. (ed.) *Rossiia i Kitay na dalnevostochnykh rubezhakh* [Russia and China in the Far Eastern boarder]. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 464-469.

Amur State University. (n.d.) *Fonoarkhiv "Yazyk russkogo vostochnogo zaru-bezhya"* [The phonoarchive "The language of the Russian East émigré community]. Blagoveshchensk: Regional Linguistics Laboratory of Amur State University.

Khisamutdinov, A.A. (2000) *Rossiyskaya emigratsiya v Aziatsko-Tikhoookeanskom regione: Biobibliograficheskiy slovar* [Russian emigration in Asian and Pacific region: Biobibliographic dictionary]. Vladivostok: Far Eastern Federal University.

Khisamutdinov, A.A. (2002) *Rossiyskaya emigratsiya v Kitae: opyt entsiklopedii* [Russian emigration in China: The encyclopaedia experience]. Vladivostok: Far Eastern Federal University.

Koga, Yu. (2001) Appearances of the past: visual preservation and presentation in Harbin. In: Baklanov, P.Ya. et al. (eds) *Istoricheskiy opyt osvoeniya Dalnego Vostoka* [Historical experience of the Far East reclamation]. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 305-323.

Оглезнева Елена Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета (Россия).

Oglezneva Elena – Tomsk Polytechnic University (Russia).

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

УДК 81'112

UDC

DOI: 10.17223/18572685/45/8

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НЕОБХОДИМОСТИ В РУСИНСКОМ ЯЗЫКЕ: АРЕАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Л.П. Дронова

Томский государственный университет
Россия, 634050 г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: lpdronova@mail.ru

Авторское резюме

В статье рассматриваются в ареально-историческом аспекте лексические средства выражения модальности необходимости в русинском языке в сопоставлении с другими славянскими языками. Сравнительно-исторический анализ показал, что большая часть этой лексической группы в русинском языке имеет общеславянские корни либо на уровне цельнолексемных соответствий, либо однокорневых слов в современных славянских языках или в их истории. И лишь русин. *незаступный* 'незаменимый; обязательный, необходимый' не имеет таких соответствий с семантикой модальности необходимости. Особняком в этой лексической группе стоят лексемы, производные словообразовательного гнезда слав. *ęti (имеющие соответствия в украинском языке и, возможно, сюда же рус. диал. (олонец.) *ялся* 'хотел'): русин. *ялый* 'должный, такой, как нужно, подобающий', *яло* 'прилично, как следует', *ялити, ятися* (безлич.) 'приличествовать; годиться'. Словообразование и разорванный ареал распространения свидетельствуют об архаичности этих лексических единиц. Заимствования *належный, слушный, мусай, мусити* отражают тесные контакты русин с западными славянами (чехами, словаками, поляками), *валушный, гія* – с венграми.

Ключевые слова: модальность необходимости, русинский язык, славянские языки, история.

LEXICAL MEANS OF EXPRESSING NECESSITY IN THE RUSIN LANGUAGE: GEOGRAPHICAL AND HISTORICAL ASPECTS

L.P. Dronova

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: lpdronova@mail.ru

Abstract

The article discusses the geographical and historical aspects of modal lexical means expressing necessity in the Rusin language and compares them with similar units in other Slavic languages. The comparative diachronic analysis shows that the most of such Rusin words have pan-Slavic roots either at the level of whole-word correspondences or at the level of same-root words in modern Slavic languages or in their history. Only the Rusin *nezastupnyy* “irreplaceable; necessary, obligatory” has no corresponding word with a similar modal semantics. The special place in this lexical group belongs to the lexemes derived from the Slavic *čti which have correspondences in Ukrainian (possibly, the Russian dialectic (Olonets) *yalsya* “wanted” belongs here as well). These lexemes are the Rusin *yalyy* “due, proper”, *yalo* “properly, thoroughly”, *yality*, *yatisya* (impersonal) “be due, serve well”. Derivation and intermittent geographical distribution of these words show their archaic nature. Such borrowed words as *nalezhnyy*, *slushnyy*, *musay*, *musiti* show evidence of close contacts of the Rusins with the West Slavs (Czechs, Slovaks, Poles), while *valushnyy*, *giya* – with Hungarians.

Keywords: modality of necessity, Rusin language, Slavic languages, history.

Постановка проблемы, аспекты исследования. Изучение в языке «строевой роли» модальности как одного из основных «эгоцентрических механизмов естественных языков» (В.А. Плуноян) поддерживает неослабевающий интерес к модальной лексике, ее генезису, историко-культурной детерминации, ареальным связям (Тимофеев К.А., Отин Е.С., Черепанова О.А., Озолина К.Н., Mrázek R., Арутюнова Н.Д., Мышкина Н.Л., Шмелёва Т.В., Ваулина С.С., Кочеткова О.Л., Кукса И.Ю., Гапонова Ю.В. и др.). Эта «идеологически заряженная» лексика при ее рассмотрении в историческом аспекте позволяет увидеть содержательную специфику важного фрагмента мировидения любого этноса и его пространственно-временные «пограничные сигналы» в выявленных генетических и ареальных

связях, представленных как в исконной, так и заимствованной лексике модального значения.

Проблему генетических и ареальных связей лексических средств выражения модальности необходимости в славянских языках мы уже рассматривали в рамках более общей проблемы – становления и эволюции модально-оценочной лексики русского языка (на фоне других славянских и неславянских языков) (Дронова 2006). Задача данной статьи – рассмотреть в ареально-историческом аспекте лексические средства выражения модальности необходимости в русинском языке на фоне других славянских языков.

Материал русинского языка в сравнении с другими славянскими языками. Исконная лексика и заимствования из славянских языков.

Понятие «должен» в русинском языке выражено лексемой *довжен* (*довжний*), имеющей два значения, как и в русском языке: модальное 'должен, обязан' и не модальное, продолжающее значение производящего – '(имеющий) денежный долг', ср. *довжно* 'необходимо, нужно, следует', *довжний* 'винен, такой, що має борг', 'повинен, зобовязаний' (*довжен изробити, довжен сто рублюв, довжити* 'быть в долгу') (Керча 2007 1: 228; Материали ЧДУ 1: 31). Такое развитие семантики отмечается не во всех славянских языках: функционально-семантически совпадают с русским и русинским в этом вопросе древнерусский, старославянский, болгарский и сербохорватский языки. В других славянских языках (укр., блр., словен., чеш., слвц., польск., лужиц.), продолжающих праслав. *dylgь, за этим словом закрепилось только значение 'взятое / данное взаймы (о деньгах)', а значение 'обязан, обязанность' удерживает явно славянские образования с ясной внутренней формой: укр. *обов'язок, повинність*, блр. *абавязак*, чеш. *повinnost, závazek* 'обязательство', с.-хорв. *обавéзати (се)* 'обязать(ся)' и т. п., как и русин. *убязаний*. Признак «должный» как действие / состояние (рус. *долженствовать*) обозначается в русинском глаголами *приходитьи (ся)*, *приходить ся* 'приходится, полагается' (*приходячий по закону*), *достояти, достоит* 'положено, приличествует', *пристояти* 'приличествовать' (ср. рус. *приходится*, слвц. *prichádza* 'следует, нужно, надо' и др.-рус. *достоит* 'следует, должно, надлежит', рус. *достойно*, с.-хорв. *достàјати (се)*, *то му се достоји* 'это ему приличествует') (Керча 2007 1: 244; Керча 2007 2: 202; Материали ЧДУ 1: 35).

Если семантически русин. *довжен* близко рус. *должен*, то в синонимическом окружении они различны: часть синонимов соотносительна с русским, часть – нет. Так, синонимия *довжний* – *належний*, *довжно* – *належно* соотносительна с рус. *должный* – *надлежащий*, *должно* – *надлежаще*, как и *довжно* – *треба* при рус.

должно – требуется, (у)здобный, подобный (уст.) – подобающий. Соответствия с русским не будет у русин. *довжен* – *повинен*, *довжный* – *ялый*, (*по*)*рядный*, *слушный*, *довжно* (предикат.) – *мусай*, *довжно* (нареч.) – *яло*, *здорово* (Керча 2007 1: 228; Керча 2007 2: 309, 349; Керча 2012 1: 242; Материали ЧДУ 5: 97; Материали ЧДУ 6: 23; Онишкевич 1: 457). Ареально-исторически эти синонимы распределяются следующим образом: *треба* – лексема праславянского происхождения и общеславянского распространения; *повинен* в модальном значении имеет соответствия в древнерусском (др.-рус. *повинень* ‘обязан, должен’ (СРЯ XI–XVII 15: 159), ср. рус. *воинская повинность*); *рядный* ‘надлежащий, подобающий’, *рядні* ‘порядочно, надлежащим образом’ также имеет соответствия в древнерусском (*рядовный* ‘надлежащий, должный, правильный’ *прирядь* ‘договор, соглашение’) (СРЯ XI–XVII 22: 288–289); русинская лексема *належный*, вероятно, как и укр. *належний*, *належитий*, пришла из западнославянских языков, ср. польск. *należny*, *należyty*, чеш. *náležitý* ‘надлежащий, соответствующий’ (ЕСУМ 4: 33), им близки рус. *надлежит*, с.-хорв. *надлежан* ‘надлежащий, соответствующий’. Лексема *здорово* в модальном значении, возможно, семантическая инновация русинского языка (хотя ср. болг. *здрав* ‘навярно, непременно’). Лексемы *мусай* ‘необходимо, обязательно’, *мус* уст. ‘обовязок’ (...*всі ходили до церкви, бо то був мус*) – адаптация в русинском заимствования из украинского или из одного из западнославянских языков (ср. укр. *мус*, *мусай* ‘обязательно’, *муса*, *муша* ‘необходимость’, *вымусити* ‘заставить’ и укр. *мусити*, *мусати*, чеш. *musiti*, словц. *musiet* / *mi/ysiet*, польск. *musieć*, в.-луж. *musić*, н.-луж. *musyś* ‘быть должным’, которые заимствованы, в свою очередь, из др.-в.-нем. *muozan* (нем. *müssen*) ‘быть должным’) (Machek 1957: 313; ЕСУМ 3: 539). В русинском употребляется и целый ряд однокорневых слов: *мусити* ‘принуждать, заставлять’, ‘быть обязанным’, *мусайность* ‘принуждение, необходимость’, *примусовый* ‘обязательный, принудительный’, *примусовость* ‘обязательность, принудительность’, *примушенный* ‘принужденный, заставленный’ и др. (Керча 2007 1: 530; Керча 2007 2: 191). К числу заимствований из западнославянских языков (чешского, словацкого) относятся, вероятно, *слушный* ‘подобающий, приличный, правильный’, *слушити* ‘подобать, приличествовать’, ср. словц. *slušať sa* ‘подобать, полагаться’, *slušný* ‘приличный, пристойный’, чеш. *služeti* ‘подходить, быть к лицу’, *služetise* ‘приличествовать’, безл. *slyšise*, *aby...* ‘следует (полагается, подобает), чтобы...’, *příslušný* ‘соответствующий, надлежащий’. Модальное значение чешских и словацких лексем возникло у глаголов с исходным значением ‘слышать’ под влиянием немецкого языка (Machek 1957: 457; СРС 1976: 472), ср. нем. *Hören* ‘слышать,

слушать, 'слушаться (кого-л.), прислушиваться', *gehören* 'принадлежать (кому-л.); входить в состав (чего-л.); требоваться, быть нужным': *dazugehört Geld* 'для этого нужны деньги'; безл. *wiessichgehört* 'как полагается, как подобает' (Нем.-рус. сл. 1965: 345, 443). Глагол (*gi*) *hören* уже с древневерхненемецкого периода (с VIII в.) известен в текстах в значениях 'слышать, внимать, 'слушать, прислушиваться', 'слушаться, повиноваться', 'слушаться кого-л., следовать за' (Schützeichel 1989: 146).

Особняком в этой лексической группе стоят лексемы *ялый* 'должный, такой, как нужно, подобающий', *неялый* 'неприличный, непристойный', *яло* 'прилично, как следует', *не яло* 'не прилично, не следует' (*неяло уд тебе сякоє* 'не прилично тебе такое' (Керча 2007 2: 605), *ялити* (безлич.) 'приличествовать', *яло, йало* 'прилично, до лица', *ятися* 'приличествовать, личить', 'годиться, выпадать' (*Богачеви все йалос'і*), 'начинать' (*Йалос'азвір'а красно просити*) (Онишкевич 2: 402, 405), сов. в. *єло(си), іло(си)* уст. 'приличествовать, 'удаться' (от *єти (си), яти(си), їти (си)*), *єльний* 'достойный' (Гуцульські говірки 1997: 67–68), *їлити* 'личить' (Материали ЧДУ 5: 84).

Близкая лексика отмечается в украинском: *яло* 'уместный, це є до-речним, стосовним', *ялося* 'годится, слід', производная, как осторожно предполагается, от *ятися, яти (иму, имеш; му, меш; яну, янеш)* (ЕСУМ 3: 545), ср. укр. *мати, матися* (с инф.) 'быть должным' (для выражения желания что-л. сделать), разг. 'собираться, намереваться' (*має бути* 'должен быть', 'предстоит'), *малося* 'нужно было, предстояло' (УРС 1971: 398–399) при др.-рус., рус.-цслав. "ти, имѣ" 'взять, схватить, 'прикоснуться, захватить, лишить свободы, 'привести, 'поймать, наловить, 'достигнуть, дойти, 'овладеть, диал. *ять* 'стать' (яросл.) < праслав. *ęti (ЭССЯ 6: 71). Осколком этой словообразовательно-семантической парадигмы, вероятно, является рус. диал. олон. *ялся* 'хотел' (Г. Куликовский со ссылкой на Е. Барсова (Куликовский 1898: 142), которое также относится к этимологическому гнезду праслав. *ęti (ЭССЯ 6: 71). В этимологическом словаре славянских языков (ЭССЯ) приведенные русинские и украинские лексемы отсутствуют, не приводятся в этимологическом гнезде праслав. *ęti. Похоже, что мы имеем в данном случае сохранившееся архаическое праславянское образование – отглагольное прилагательное с суффиксом -л- (типа *спелый, умелый, унылый* и др. < и.-е. -lo-, функционально неоднозначному (Мейе 1911; 224–225; Vaillant 1974: 553–567)) словообразовательно-этимологического гнезда праслав. *ęti, *jъmati. А. Вайян отмечал, что подобные отглагольные прилагательные известны балтийским языкам, но развитие их является самостоятельным в славянских и балтийских языках (Vaillant 1974: 567).

Мотивационные отношения, приведшие к возникновению модальной семантики, в этой русинско-западноукраинской лексике не представляются особенными, если учесть, что в древнерусском языке глагол *имамь, иму* с первоначальным значением 'брать, хватать' и более поздним и известным 'иметь' в сочетании с инфинитивом уже в ранних древнерусских текстах обозначает действие, относящееся к настоящему времени, как возможное или должное, ср. «Повесть временных лет»: *То штожь коли вси бояре и земляне будуть городъ твердиту, тогда тии люди тако же имѣють твердиту городъ Смотричъ* 'Когда бояре и ...будут строить город, тогда те люди также должны строить город Смотрич' (Ломтев 1961: 305–306). Значение модальности необходимости сохраняют соответствия этому глаголу в староукраинском, украинском и чешском, словацком, польском языках (ст.-укр. *имати* 'иметь', 'содержать в себе', 'долженствовать', укр. *мати* 'иметь', 'намереваться', 'долженствовать', чеш. *míti, tam*, ст.-чеш. *jmieti, jmat*, словц. *mat', tam*; напр. чеш. *mampsát* 'я должен писать') (ЭССЯ 8: 224), польск. *mieć = być powinnym, deběre*: «Teraz się ty, Kasinko, maszwrócić do domu!» (Karłowicz 1903: 150), а также в литовском языке: *imtis* 'браться, взяться', 'брать себе, на себя (ответственность)' и производное с дебитивным значением (*pa*)*imtinas* 'который нужно взять' (ЭССЯ 6: 74).

Часть лексики русинского языка, обозначающая аспекты необходимости, имеет прямые соответствия в русском языке (и других славянских языках) на уровне однокорневых образований: *неубходный – необходимый, неудмінный – неперемный, неизменный, нужный – нужный (нужное присутствие 'обязательная явка'), должный – должный, убязаный – обязанный (убязаня 'обязательство'), заязый 'обязательный' при заязаны 'обязательство', заязати 'завязать'* (ср. рус. диал. *язаться* 'обязаться' – обратное производное от *обязать(ся)*, которое восходит к *вязать* (Фасмер 4: 549), *доконечный* 'крайне нужный, необходимый, неперемный' (*конечный* 'окончательный, обязательный, не подлежащий пересмотру'; *доконечно мусят ся розуміти* 'обязательно должны друг друга понимать'), ср. укр. *доконечний* 'тж.', *доконче треба* 'крайне необходимо' (УРС 1971: 178; Керча 2007 1: 234, 427; Керча 2012 2: 27–28).

Лексема *незаступный* 'незаменимый; обязательный, необходимый' (*заступити* 'заменить, заступить; защитит') (Керча 2007 1: 580), видимо, новообразование русинского языка для обозначения необходимости: однокорневые образования русского и других славянских языков, как кажется, не связаны с понятием необходимости.

Некоторые единицы рассматриваемой лексической группы образованы от лексем, соответствия которых в русском языке не связаны

с понятием необходимости, например, *незаступный* 'незаменимый; обязательный, необходимый' (*заступити* 'заменить, заступить; защитить') (Керча 2007 1: 580).

Заемствования из неславянских языков (венгерского). Как и следовало ожидать, лексические средства выражения необходимости в русинском языке в основном собственно славянского происхождения. Однако предки русин, славянские племена тиверцев, уличей, белых хорватов, расселившиеся начиная с первых веков нашей эры в Прикарпатье, пережили прокатившиеся по их территории волны степных кочевников (гунны, аланы, авары, печенеги, половцы), а позднее, в XIII–XV вв., Закарпатье было юридически включено в Венгерское королевство. Поэтому, несмотря на то что лексика выражения необходимости в русинском, как и в остальных славянских языках, преимущественно исконно славянская (Дронова 2006: 225–229), отдельных заимствований в рассматриваемой лексической группе славянские языки не избежали. В русинском языке, кроме вышеназванных заимствований из западнославянских языков (*належный*, *слүшити* и *мусай*, *мусити*), есть заимствования из венгерского: лексемы *валушный* (разг.) 'подходящий, надлежащий, пригодный' (*на самый перед треба нарізати валушне прутя* 'прежде всего нужно нарезать подходящую лозу') из венг. *való* 'пригодный, подходящий' (ф.-у. <val- 'годиться, быть пристойным') и *гія* (обл.) 'можно, нужно' (*гроши у земле, а не гія копати* 'деньги в земле, а копать нельзя'), *гія* (обл.) 'дело; нужда' (*иду, бо там имаю гію* 'иду, потому что дело там у меня') из венг. *hija* 'недостаток, нужда' (ЕСУМ 1: 326, 518). Модели номинации те же, что и в исконной лексике.

Выводы. Сравнительно-исторический анализ лексических средств выражения необходимости в русинском языке показал, что большая часть этой лексической группы (*довжный* / *довжен*, *достойт*, *заязный*, (*и*)*здобный*, *неуходный*, *неудмінный*, *нужный*, *пристояти*, *приходится*, *треба*, *убязаный*) имеет либо цельнолексемные соответствия, либо на уровне однокорневых слов (т. е. с иным суффиксально-префиксальным оформлением) в современном русском языке или в истории русского языка (др.-рус. *повинень*, *достойть*, *рядовный*), в других славянских языках, т. е. имеет общеславянские корни. Особый интерес вызывает русин. *ялыый* 'должный, подобающий', *яло* 'прилично, как следует', *ялити*, *єло(си)*, *іло(си)*, *ятися* 'приличествовать, личити', *єльний* 'достойный' и их соответствия в украинском и русском (диалектное): предположение об архаичности этих лексем основывается на их словообразовательно-исторической глубине возникновения, поддерживает предположение и разорванный ареал распространения (карпатоукраинский – севернорусский (олонецкий диалект).

Отличия русинского языка в рассматриваемой лексической группе касаются лексем *незаступный* (новообразование) и *здорово* с необычным для русского языка и других славянских языков (?) модальным значением. Заимствования *належныйй, слушнийй, мусай, мусити* отражают тесные контакты русинов с западными славянами (чехами, словаками, поляками), *валушнийй, гія* – с венграми.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

блр.	белорусский язык
болг.	болгарский язык
венг.	венгерский язык
в.-луж.	верхнелужицкий язык
диал.	диалектное
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий язык
др.-рус.	древнерусский язык
лужиц.	лужицкий язык
нем.	немецкий язык
н.-луж.	нижнелужицкий язык
олон.	олонецкий диалект
польск.	польский язык
праслав.	праславянский язык
рус.	русский язык
русин.	русинский язык
рус.-цслав.	русско-церковнославянский язык
слвц.	словацкий язык
словен.	словенский язык
ст.-укр.	староукраинский язык
ст.-чеш.	старочешский язык
с.-хорв.	сербохорватский язык
укр.	украинский язык
ф.-у.	финно-угорский язык
чеш.	чешский язык
яроsl.	ярославский диалект

ЛІТЕРАТУРА

Гуцульські говірки 1997 - Гуцульські говірки. Короткий словник / Відповідальний редактор Я. Закревська. Львів, 1997. 232 с.

Дронова 2006 – *Дронова Л.П.* Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 256 с.

ЕСУМ 1 - Етимологічний словник української мови: В 7 т. / Голов. ред. О.С. Мельничук. Київ: Наукова думка, 1982. Т. 1. 654 с.

ЕСУМ 3 - Етимологічний словник української мови: В 7 т. / Голов. ред. О.С. Мельничук. Київ: Наукова думка, 1989. Т. 3. 549 с.

ЕСУМ 4 - Етимологічний словник української мови: В 7 т. / Голов. ред. О.С. Мельничук. Київ: Наукова думка, 2003. Т. 4. 653 с.

Керча 2007 1 - *Керча И.* Русинско-русский словарь: В 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 1. 608 с.

Керча 2007 2 - *Керча И.* Русинско-русский словарь: В 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 2. 608 с.

Керча 2012 1 - *Керча И.* Русско-руси́нский словарь: В 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. Т. 1. 580 с.

Керча 2012 2 - *Керча И.* Русско-руси́нский словарь: В 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. Т. 2. 596 с.

Куликовський 1898 - *Куликовський Г.* Словарь областного олонецкаго нарѣчія в его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи. Отд-ние рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, СПб., 1898. 150 с.

Ломтев 1961 - *Ломтев Т.П.* Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков (морфология). М.: Высш. шк., 1961. 323 с.

Матеріали ЧДУ 1 - Матеріали до словника буковинських говірок: Вып. 1–6. Чернівці: ЧДУ, 1971. Вып. 1. 98 с.

Матеріали ЧДУ 5 - Матеріали до словника буковинських говірок: Вып. 1–6. Чернівці: ЧДУ, 1978. Вып. 5. 99 с.

Матеріали ЧДУ 6 - Матеріали до словника буковинських говірок: Вып. 1–6. Чернівці: ЧДУ, 1979. Вып. 6. 107 с.

Мейе 1911 - *Мейе А.* Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков / пер. Д. Кудрявского. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1911. 428 с.

Нем.-рус. сл. 1965 - Немецко-русский словарь / Под ред. А.А. Лепинга, Н.П. Страховой. 4-е изд., стереотип. М.: Сов. энциклопедия, 1965. 991 с.

Онишкевич 1 - *Онишкевич М.Й.* Словник бойківських говірок: В 2 ч. Київ: Наукова думка, 1984. Ч. 1. 495 с.

Онишкевич 2 – *Онишкевич М.Й.* Словник бойківських говірок: В 2 ч. Київ: Наукова думка, 1984. Ч. 2. 517 с.

СРС 1976 - Коллар Д., Доротьякова В., Филкусова М., Васильева Е. Словацко-русский словарь. Москва – Братислава: Рус. яз.; Словац. пед. изд-во, 1976. 767 с.

СРЯ XI–XVII 15 - Словарь русского языка XI–XVII вв. / Глав. ред. Г.А. Богатова. Вып. 15 (персть – подмышки). М.: Наука, 1989. 288 с.

СРЯ XI–XVII 22 - Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22 (раскидаться – Рященко) / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Наука, 1997. 298 с.

УРС 1971 - Украинско-русский словарь / Под ред. В.С. Ильина. 2-е изд., стереотип. изд-е. Киев: Наукова думка, 1971. 1064 с.

Фасмер 4 - Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1973. Т. 4. 855 с.

ЭССЯ 6 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1979. Вып. 6. 222 с.

ЭССЯ 8 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1981. Вып. 8. 252 с.

Karłowicz 1903 - Karłowicz J. Słownik gwar polskich. T. 1–6. Kraków 1903: Nakładem Akademii umiejętności. T. 3. 501 s.

Machek 1957 - Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1957. 627 s.

Schützeichel 1989 - Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch. Tübingen: Niemeyer, 1989. 309 s.

Vaillant 1974 - Vaillant A. Grammaire compare des langues slaves. IV. La formation des noms. Paris: Klincksieck, 1974. 809 p.

REFERENCES

Zakrevska, Ya. (ed.) (1997) *Gutsul's'ki govirki. Korotkiy slovník* [Guzul govirki. Short vocabulary]. Lviv: Institute of Ukrainian Studies.

Dronova, L.P. (2006) *Stanovlenie i evolyutsiya modal'no-otsenochnoy leksiki russkogo yazyka: etnolingvisticheskiy aspekt* [The formation and evolution of the evaluative lexicon of the Russian language: The ethno-linguistic aspect]. Tomsk: Tomsk State University.

Melnichuk, O.S. (ed.) (1982) *Etimologichniy slovník ukráins'koï movi: V 7 t.* [The etimologiccal Dictionary of the Ukrainian Language. In 7 vols]. Vol. 1. Kiiv: Naukova dumka.

Melnichuk, O.S. (ed.) (1989) *Etimologichniy slovník ukráins'koï movi: V 7 t.* [The etimologiccal Dictionary of the Ukrainian Language. In 7 vols]. Vol. 3. Kiiv: Naukova dumka.

Melnichuk, O.S. (ed.) (2003) *Etimologichniy slovník ukráins'koï movi: V 7 t.* [The etimologiccal Dictionary of the Ukrainian Language. In 7 vols]. Vol. 4. Kiiv: Naukova dumka.

Kercha, I. (2007a) *Rusinsko-russkiy slovar': V 2 t.* [The Rusyn-Russian Dictionary: In 2 vols]. Vol. 1. Uzhgorod: PoliPrint.

Kercha, I. (2007b) *Rusinsko-russkiy slovar': V 2 t.* [The Rusyn-Russian Dictionary: In 2 vols]. Vol. 2. Uzhgorod: PoliPrint.

Kercha, I. (2012a) *Rusinsko-russkiy slovar': V 2 t.* [The Rusyn-Russian Dictionary: In 2 vols]. Vol. 1. Uzhgorod: PoliPrint.

Kercha, I. (2012b) *Rusinsko-russkiy slovar': V 2 t.* [The Rusyn-Russian Dictionary: In 2 vols]. Vol. 2. Uzhgorod: PoliPrint.

Kulikovskiy, G. (1898) *Slovar' oblastnogo olonetskago narhchiya v ego bytovom' i etnograficheskom' primhnenii* [The Dictionary of Regional Olonetsky dialect in its everyday and ethnographic use]. St. Petersburg: Imperial Academy of Science.

Lomtev, T.P. (1961) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika vos-tochnoslavianskikh yazykov (morfologiya)* [The Comparative and Historical Grammar of the Eastern Slavic Languages (Morphology)]. Moscow: Vysshaya shkola.

Nepokupniy, A.P. (ed.) (1971) *Materiali do slovnika bukovins'kikh govirok* [Materials for the dictionary of Bukovina dialects]. Vol. 1. Chernivtsi: Chernivtsi State University.

Prokopenko, V.A. (ed.) (1978) *Materiali do slovnika bukovins'kikh govirok* [Materials for the dictionary of Bukovina dialects]. Vol. 5. Chernivtsi: Chernivtsi State University.

Prokopenko, V.A. (ed.) (1979) *Materiali do slovnika bukovins'kikh govirok* [Materials for the dictionary of Bukovina dialects]. Vol. 6. Chernivtsi: Chernivtsi State University.

Meillet, A. (1911) *Vvedenie v sravnitel'nyu grammatiku indoeuropeyskikh yazykov* [Introduction to the comparative grammar of Indo-European languages]. Translated from French by D. Kudryavsky. Yuriev: K. Mattisen.

Leping, A.A. & Strakhova, N.P. (1965) *Nemetsko-russkiy slovar'* [The German-Russian dictionary]. 4th ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

Onishkevich, M.Y. (1984a) *Slovník boykiv'skikh govirok: V 2 ch.* [The Dictionary of Boykovsky Dialects. In 2 vols]. Vol. 1. Kiiiv: Naukova dumka.

Onishkevich, M.Y. (1984b) *Slovník boykiv'skikh govirok: V 2 ch.* [The Dictionary of Boykovsky Dialects. In 2 vols]. Vol. 2. Kiiiv: Naukova dumka.

Collard, D., Dorotyakova, V., Filkusova, M. & Vasilieva, E. (1976) *Slovatsko-russkiy slovar'* [The Slovak-Russian Dictionary]. Moscow – Bratislava: Russkiy yazyk.

Bogatova, G.A. (ed.) (1989) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Vol. 15. Moscow: Nauka.

Bogatova, G.A. (ed.) (1989) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Vol. 22. Moscow: Nauka.

Ilyin, V.S. (ed.) (1971) *Ukrainsko-russkiy slovar'* [The Ukrainian-Russian Dictionary]. 2nd ed. Kiev: Naukova dumka.

Vasmer, M. (1973) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The Etymological Dictionary of the Russian language]. Translated from German by O.N. Trubachev. Vol. 4. Moscow: Progress.

Trubachev, O.N. (ed.) (1979) *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of the Slavic languages. The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 6. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1981) *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of the Slavic languages. The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 8. Moscow: Nauka.

Karłowicz, J. (1903) *Słownik gwar polskich* [The Dictionary of Polish Dialects. In 6 vols]. Vol. 3. Kraków: Nakładem Akademii umiejętności.

Machek, V. (1957) *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského* [The Etymological dictionary of the Czech and Slovenian languages]. Prague: Nakladatelství Československé akademie věd.

Schützeichel, R. (1989) *Althochdeutsches Wörterbuch* [The Old High German Dictionary]. Tübingen: Niemeyer.

Vaillant, A. (1974) *Grammaire compare des langues slaves. IV. La formation des noms* [The Comparative Grammar of the Slavic languages. IV. The formation of names]. Paris: Klincksieck.

Дронова Любовь Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Dronova Liubov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: lpdrnova@mail.ru

УДК 81'26

UDC

DOI: 10.17223/18572685/45/9

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУСИНСКИХ ПАРЕМИЙ НА ФОНЕ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

О.В. Ломакина¹, В.М. Мокиенко²

¹ Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
109651, Россия, г. Москва, ул. Иловайская, д. 9, кор. 2
E-mail: rusoturisto07@mail.ru

² Санкт-Петербургский государственный университет
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11
E-mail: mokienko40@mail.ru

Авторское резюме

В статье анализируются национально-культурные коннотации паремий русинского языка на фоне русской и украинской паремиологии. Особое внимание уделено таким этнолингвомаркерам, как имена собственные (топонимы и имена людей), этнонимы (названия народов и племен) и названия артефактов, присущих материальной культуре (предметы быта, одежда и т. п.). Как показывает сопоставление с близкородственными славянскими языками, русинская паремиология и фразеология дают немало материала для наблюдений о межславянском языковом взаимодействии. Находясь на границе восточнославянского и западнославянского мира, русины сохраняют свою генетическую приверженность к Восточной Славии, но в то же время открыты к взаимодействию с западнославянским пространством. Выявление национально специфического на фоне общего поможет более объективно и детализированно раскрыть познавательный потенциал как русинской паремиологии, так и сопоставляемых (и сопоставимых) с нею близкородственных украинской и русской.

Ключевые слова: пословица, русинские пословицы, русские пословицы, украинские пословицы.

COGNITIVE POTENTIAL OF RUSIN PROVERBS COMPARED WITH THOSE IN THE RUSSIAN AND UKRAINIAN LANGUAGES

O.V. Lomakina¹, V.M. Mokienko²

¹ St. Tikhon's Orthodox University

9-2 Ilovayskaya Street, Moscow, 109651, Russia

E-mail: rusoturisto07@mail.ru

² Saint Petersburg State University

11 Universitetskaya Embankment, Sankt-Peterburg, 199034, Russia

E-mail: mokienko40@mail.ru

Abstract

The article analyses national and cultural connotations of proverbs in the Rusin language compared with the Russian and Ukrainian paremiology. Special attention is given to such ethnolinguistic markers as proper names (toponyms and anthroponyms), ethnonyms (names of the peoples and tribes) and the names of artifacts of the material culture (household items, clothes, etc.). Compared with cognate Slavic languages, Rusin paremiology and phraseology gives a lot of material about the interaction among the Slavic languages. Being on the border of Eastern and Western Slavic worlds, Rusins remain genetically committed to Eastern Slavia, yet they are open to cooperation with the West Slavic world. Identifying specifically national against the general allowed more objective and detailed description of the cognitive potential of both Rusin paremiology and its closely related Ukrainian and Russian paraemia.

Keywords: proverbs, Rusin proverbs, Russian proverbs, Ukrainian proverbs.

Фразеологический фонд языковой системы отражает различные проявления «языка культуры», описание которого представляет собой фрагмент национально-культурной коннотации. Одним из источников интерпретации, безусловно, является паремиологический фонд языка: на высокую ценность паремий с позиций лингвокультурологии обращают внимание многие фразеологи (М.Л. Ковшова, Н.Н. Семененко, В.Н. Телия и др.).

Особая роль в реализации познавательной функции паремий принадлежит *национальным лингвомаркерам* (resp. *этнолингвомаркерам*) – таким компонентам паремии (включая фразеологизмы и

крылатые выражения), которые запечатлевают национальное своеобразие, «культурную память» и могут не иметь прямых аналогов в другом языке, благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака (Ломакина 2016: 94).

Этнолингвомаркерами в паремиях служат следующие номинации:

1) имена собственные, которые могут «нести ярко выраженную смысловую нагрузку и обладать скрытым ассоциативным фоном, иметь особый звуковой облик, имена и названия способны передать национальный и местный колорит, отражать историческую эпоху» (Горбаневский 1988: 3);

2) этнонимы – названия народов и племен;

3) названия артефактов, присущих материальной культуре конкретного народа: предметы быта, одежда.

Среди паремий с компонентом – именем собственным – можно выделить следующие группы: 1) с антропонимом – именем собственным; 2) топонимом – наименованием географических объектов; 3) хрононимами – названиями праздников; 4) зоонимами – кличками животных; 5) этнонимами – названиями народов и племен.

При сравнительно-сопоставительном анализе паремиологического материала важную роль играет определение культурологической информации. Несмотря на внешнее различие мотивационной зоны паремии, денотативная зона может совпадать, что позволяет делать вывод о типологическом сходстве пословичного материала.

Цель данной работы – провести сравнительный анализ зафиксированного лексикографически паремиологического фонда с компонентами – этнолингвомаркерами русинского языка на фоне русского и украинского языков.

В отличие от русинской паремиографии, представленной «Русско-русинско-украинским фразеологическим словарем» Д. Попа (2011), российская и украинская паремиография имеет богатые традиции представления языкового материала. Этим фактом отчасти объясняется количественное превосходство русских и украинских паремий по отношению к русинским. В словаре Д. Попа представлен богатый русинский материал, подтверждающий как глубокую генетическую привязку к славянскому языковому пространству (особенно украинскому и русскому), так и достаточно большую долю национально специфических особенностей, обусловленных как генетическими (resp. культурно-историческими) факторами, так и активными языковыми контактами с украинской, словацкой, чешской, а также и с венгерской языковой зоной.

К XIX в. относится появление словарей В.И. Даля, М.И. Михельсона, П.К. Симони, И.М. Снегирёва. В XX в. были опубликованы словари пословиц и поговорок, составленные В.П. Аникиным, А.М. Жигулёвым,

В.П. Жуковым, В.И. Зиминым, М.А. Рыбниковой, А.И. Соболевым, А.С. Спириным и др. В первое десятилетие XXI в. увидели свет следующие словари: «Словарь языка русских пословиц и поговорок конца XVII – первой половины XVIII века» К.Р. Галиуллина, Д.А. Мартыанова (2006), трилогия «Большой словарь русских поговорок» (2008), «Большой словарь русских сравнений» (2008), «Большой словарь русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой (2010), «Народная мудрость в русских пословицах» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной (2011). Наиболее значимым по количеству представленного материала является «Большой словарь русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой (около 70 тыс. пословиц). Из числа украинских лексикографических источников выделяются фундаментальные словари М. Номиса, И. Франко и М.М. Пазяка (Українські 1993; Українські 2001). По масштабам описываемой в этих тезаурусах украинской паремиологии они соразмерны русским источникам, а по точности паспортизации материала и его ареальной характеристики даже их превосходят.

Несмотря на количественную асимметрию паремиологического фонда избранных языков, в типологическом плане можно обозначить выделенные выше группы паремий, которые обнаруживают большое сходство.

Среди паремий с компонентом – именем собственным – можно выделить следующие группы:

1. С антропонимом – именем собственным: русин. *Каже Маря, ош была бита, айбо не каже, за што; Гафа была Гафа, а пан був пан; Захотіла Гафа пана тай утратила Івана; Нигда не буде из Івана пана;* рус. *По Сеньке шапка, по Ерёме кафтан; На безлюдье и Фома дворянин; Мели, Емеля, твоя неделя; Наш Филипп ко всему привык; На бедного Макара все шишки валяются; Чего не знал Ванюша, того не будет знать Иван* и др.; укр. *По Савці свитка, по пану шапка; Голодному Федоту і ріпа в охоту; Мели, Іване, доки вітер стане; Ні сюди Микита ні туди Микита; Признається Марія, що її били, але не каже, за що; Гафія була Гафія, а пан був пан.*

В количественном отношении преобладают паремии первой группы с компонентом-антропонимом, поскольку имя является хранителем культурной и исторической информации, участвует в создании национальных стереотипов, в появлении ассоциаций, нередко становится прецедентным. По данным О.П. Альдингер, словарь «Пословицы русского народа» В.И. Даля включает 812 антропонимов (Альдингер 2006: 14), что позволяет судить о русском именнике, сложившемся к XIX в. Наиболее распространенным в русских, украинских и русинских паремиях является антропоним *Иван*.

Такие антропонимы, например, как *Грицько, Митрий* и *Иван*, представленные в материале, отражают несомненную близость русинского именослова с украинским и русским: *Говори, Грицю, Богородицю, а я буду Віруву; Чекай, Митре, доки ся на хвилю вутре; Иван не Иван, лем ош писати не знає; Носить ги дурний Иван двірі; Што мож паноуи, тото не мож Иванови*. Показательно в то же время, что и эти традиционные восточнославянские имена могут чередоваться со специфично русинскими. Так, женское имя *Гафа*, представленное в паремиях (ср. *Гафа* была *Гафа*, а пан был пан) может синкретично сосуществовать в одной поговорке *Захотіла Гафа пана тай утратила Ивана*. Разные корни имеют другие имена, отраженные русинскими паремиями, напр., *бити, ги Гамана*. К особой категории антропонимов можно отнести исторические имена, маркированные влиянием Австро-Венгерской империи (*Такі розумняки были ищи за Марії Турійзії*) или созданные искусственно, путем словесного обыгрывания, напр. *Мусай* – *великий пан*, где *Мусай* образовано от глагола *мусити* ‘долженствовать’, а сама поговорка является калькой со словацкого или чешского (ср. чеш. *Musil je velký pán*).

Наряду с официальным именником продуктивной при образовании паремий в рассматриваемых языках является народная форма имени, что отражает эпоху расслоения именника на официальный и неофициальный: русин. *Гафа была Гафа, а пан был пан* (*Гафа* ← *Гафя*), рус. *Ведают о Ерёме в большой хороме; Фома не без ума, Ерёма не без промысла; Указчик Ерёма, указывай дома; По Ерёме шапка, по Сеньке колпак; Ерёма в воду, Фома ко дну: оба упрямы – со дна не бывали; Наш Ерёма не сказался дома; Ерёма! Сиди дома – погода худа; Сиди, Ерёма, дома, считай веретёна; Сидел бы ты, Ерёма, дома, да точил веретёна; Ерёма, Ерёма, сидел бы ты дома, точил веретёна* (*Ерёма* ← *Еремей*).

Как показывают наблюдения, женских имен в пословицах намного меньше, чем мужских. Это закономерно: поскольку женщина в обществе играла второстепенную роль, её жизнь чаще всего ограничивалась домом и семьей. Исследователи (М.А.Алексеев, В.М.Мокиенко, Е.В.Ничипорчик, В.Н.Телия) неоднократно отмечали гендерную асимметрию при оценке женщин во фразеологии и паремиологии, что объясняли экстралингвистической причиной – наличием следов патриархата.

2. С хрононимами – названиями праздников: русин. *Дав Бог Юря – не замерзне куря; На Пётра ледва душа тепла*; укр. *Юрійв день – курчаткам радість; Сюди тень, туди тень та й минув Івану день; У петрівку день – рік*; рус. *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день; Дорого яичко ко Христову дню; Нынче – Саввы, завтра – Варвары,*

а послезавтра – Симоны-гулимоны лентяя преподобного; Не все коту масленица, будет и Великий пост.

Связь со славянской паремиологией и – шире – народными традициями обнаруживают русинские паремии с компонентами – названиями праздников: *Дав Бог Юря – не замерзне куря; На Пётра ледва душа тепла.* Традиционно у славянских народов Юрьев день был переходом от осени к зиме: *Після Юря восени буде каша і в дурня.* А пословица *У нас два Юрія: один голодний, другий холодний* указывает на то, что Юрьев (Егориев, День памяти великомученика Георгия Победоносца) отмечался 23 апреля (6 мая), 26 ноября (9 декабря), т. е. весной припасы кончались, было голодно, и в конце осени, когда было холодно.

3. С зоонимами – кличками животных: рус. *Укачали Бурку крутые горки; Савраска да Каурка – на два века;* укр. *Люблю Сивка за звичай: хоч кречче, та везе; Чуе Сірко, де кабана смалять; Позичив у Сірка очей та й дивиться; Не один пес Гривко.*

4. Стопонимом – наименованием географических объектов: русин. *Говорять ги троє на Уклині; Родом из Мукачева, а ходом з Ужгорода;* рус. *Дядя едет из Серпухова, бороду гладит, а денег нет;* укр. *Язык до Київа доведе;* водные объекты; село – *Кому село Любятово, кому горе лютое,* дериватами от топонимов – этниконимами – названиями жителей (*Смоляне пехтерём солнце ловили; Не учи астраханца рыбу ловить*), макротопонимами (*Прилетел гусь на Русь – погостит да улетит; У нас на Руси силу за пазухой носи; Русь святая белу свету голова*).

5. С этнонимами – названиями народов и племен: русин. *Два жида – токма, два русины з Колочавы – битка; Русины до спўванок звыкавуть з пеленок; Русины мавуть такий сохташ: пувіч правду, та голову тти провалить;* рус. *Цыган от дождя под бороной спасался; Незваный гость хуже татарина;* укр. *Два євреї – торг, два русини – бійка.*

По понятным причинам национально и регионально маркированы компоненты-топонимы, входящие в русинские паремии: *Родом из Мукачева, а ходом з Ужгорода; Говорять ги троє на Уклині.* И столь же естественна такая маркировка в этнонимах, где на первое место выходит самоназвание **русин: Русин по вашару мудрий; По ярмарці русин мудрий; Русины до спўванок звыкацють з пеленок; Русины мавуть такий сохташ: пувіч правду, та голову тти провалять; У русина слово є слово; За пінязі – мельтѡвшагош, а без гроши – русин; Де русинова сліда, там усяды біда; Твердий русин; Мудрий лях по шкоді, а русин по часі; Посунься, пане-ляше, хай русин сяде! Русина лях бє та й сам гвалт кричит; Породила вівця німця, а пана кобила, а русина молодого дівка чорнобрива.**

В русинской фразеологии богато представлен и материал, отражающий *couleur locale*, т. е. различные реалии жизни и быта Закарпатья. Разумеется, он не весь «чисто» русинский, но дает яркое представление о народной культуре этого региона: *А пропав бысь, як сўль у окропі; Бочкўр до бочкора, а чобўт до чобота; Не хвалися бочкорами, бо дїдо знає, чиї они; Дай грайцарь; Не заслужив и поламаного грайцаря; Верне тти дōвг, як найде на цуравўм мōсті; Голова ги дыня; Дыня не варить; Гандры-на-мандры; Гўрка їх брынза; Заварити каламыйку; Чичку товды рвуть, коли цєите.* Компоненты таких паремий достаточно легко транспонируются на более широкое славянское пространство, ибо являются вариантными. Так, оборот *заварити каламыйку* генетически, несомненно, связан с общеизвестным укр. *заварити кашу*, рус. *заварить кашу* и под., имеющим широкий ареал и интенсивную вариантность: блр. *заварыць кашу*, укр. *заварити кашу (пиво, халепу), заварити круту кашу, наварити каші (пива), наварити юшки*; чеш. *být v pěkne kaši, dostat koho do pěkne kaše, dostat (vytáhnout) koho z kaše, nechat koho v kaši, navařit (zavařit) komu pěknoi kaši*; в.-луж. *wusmuž nawarić*; слвц. *navariť si kaše*; болг. *забъркам / забърквам каша*; х.-с. *skuhati (zapržiti, osoliti, zapapriti) čorbu, variti / svariti (kuhati / skuhati, mutiti / zamutiti) kaši* и т. п. (Даниленко 2000: 77–78).

Немало национально и регионально специфического отражено и в русинских паремиях, сохраняющих мифологические реминисценции. При это нетрудно заметить в них сильное западнославянское (особенно словацкое и частично чешское) языковое и культурологическое влияние – ср. *Гута бы тя забила; Гута го знає; Мара бы тя побила; Мара го знає; Мара тти до нього* и под. Особо здесь активно частотное наименование чѣрта в словацком языке – *fras*: *Фрас го знає; Де тя фрас носить? Єден тото фрас; Замашений ги фрас; Заплатить ти фрас; Мудрый ги фрас; Скупий ги фрас; Ни чорт ни фрас; Студено ги фрас; Якогось фраса пришдōв?; Якогось фраса вже удумов; До фраса; До фрасовой каріки.* Характерно, что этот словакизм может вступать в вариантные отношения с другими мифологизмами: ср. *Кий фрас го принўс? – Кий вїхор (грўм, мара) го принўс?*

Влияние словацкого и чешского языков на русинскую паремиологию и фразеологию с не меньшей интенсивностью проявляется и во многих других ее группах. Вот лишь небольшой перечень явных словакизмов и богемизмов, которые стали неотъемлемой составляющей русинского языкового пространства: *Гаром-натроє (зуй-руп – та готово); Гуня до гуні, а сірак до сірака; Густи мало хотіти, треба ищи й знати; Не тото файное, што файно, а што кому ся любить; Покуто ти моя; Доста и єдного гриба в полўву; Жебракови ищи й*

сонце не так світить; Осінь – богачка, а ярь – жєбращка; *Играйте, чїжмы мої, бо суть у ня трїї, тай сесе не мїї; Из свого пєца и дым не чадить; И красно, и файно; Коруна бы їўє з головы не спала; Красу на танїр не покладеш; Пысок му фурт ходить; Такий ги верба – фурт росте; У пьаницї фурт мясници; У доброго мужа жона як ружа; Што у шпайзу не лежить, най тис я и не бажить.* За каждой такой единицей лежит история языкового и культурного взаимодействия русинов со словаками и чехами. Немало здесь и прозрачных фразеологических и паремиологических калек: *З ничого нич* – слвц. *z ničoho nič* – чеш. *z ničeho nic*; *Кажда лишка свїї хвїст хвалить* – слвц. *Každá liška svoj chvost chválí* – чеш. *Každá liška svůj ocas chválí*; *Качка бы тя копнула* – слвц. *Kačka by ťa kopla* – чеш. *Kačka by tě kopnula*; *На сяті нигда* – слвц. *na svätého Nikdy* – чеш. *na svatého Nikdy*. При этом, калькируя ту или иную паремию из западнославянских языков, русины нередко добавляют собственный вариант – ср. *Де горить, там гаси, а де свербить, там шкребчи* при наличии слвц. *Со ťa перáлі, nehas* и чеш. *Со tě перáлі, nehas*.

Таким образом, русинская паремиология и фразеология дают немало материала для наблюдений о межславянском языковом взаимодействии. Находясь на границе восточнославянского и западнославянского мира, русины сохраняют свою генетическую приверженность к Восточной Славии, но в то же время открыты к взаимодействию с западнославянским пространством.

Выявление национально специфического на фоне общего поможет более объективно и нюансировано раскрыть познавательный потенциал как русинской паремиологии, так и сопоставляемых (и сопоставимых) с нею близкородственных украинской и русской.

Патриарх нашей филологии профессор Б.А. Ларин, раскрывая широкие перспективы исследований в области украинской народной фразеологии на X Республиканском диалектологическом совещании в Киеве, начал свой доклад эпиграфом: «*Якби у мене було пшоно та сіль, то я б зварив кашу, – та жаль, що нема сала*» (Ларин 1959). Тогда, в далеком мае 1959 г., действительно у фразеологов Украины еще не было ни пшена, ни сала, ни даже соли, т. е. «материальной субстанции» для серьезного погружения в мир украинской народной фразеологии. С тех пор она ушла далеко вперед. И русинская фразеология от нее тоже не отстает. Хотя бы и потому, что близкая поговорка уже зафиксирована в словаре Д. Попа: *Є вода – не є муки, є мука – неє солєє* (Поп 2011: 122). Значит, и у исследователей русинской фразеологии будут и вода, и мука, и соль. Разумеется, соль фразеологии и паремиологии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- блр. – белорусский язык
болг. – болгарский язык
в.-луж. – верхнелужицкий язык
рус. – русский язык
русин. – русинский язык
слвц. – словацкий язык
укр. – украинский язык
х.-с. – хорватско-сербский язык
чеш. – чешский язык

ЛИТЕРАТУРА

Альдингер 2006 - *Альдингер О.П.* Фразеономастическая картина мира в «Пословицах русского народа В.И.Даля»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2006. 24 с.

Горбаневский 1988 - *Горбаневский М.В.* Ономастика в художественной литературе: филологические этюды. М.: Изд-во УДН, 1988. 88 с.

Даниленко 2000 - *Даниленко Л.І.* Національно-культурна семантика чеської фразеології. Київ – Коломия: МББФ «Берег», 2000. 176 с.

Ларин 1959 - *Ларин Б.А.* Про народну фразеологію // Українська мова в школі. 1959. № 20. С. 135–143.

Ломакина 2016 - *Ломакина О.В.* Фразеология в языке Л.Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2016. 390 с.

Мокиенко 2010 - *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

Поп 2011 - *Поп Д.* Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари. Ужгород [б/и], 2011. 241 с.

Українські 1993 - *Українські приказки, прислів'я і таке інше / уклад. М. Номис; упоряд., прим. та вступна ст. М.М. Пазяка.* Київ: Либідь, 1993. 768 с.

Українські 2001 - *Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток / упоряд. М.М. Пазяк.* Київ: Наукова думка, 2001. 392 с.

REFERENCES

Aldinger, O.P. (2006) *Frazeonomasticheskaya kartina mira v "Poslovitsakh russkogo naroda V.I. Dalya"* [The Phraseonomastic picture of the world in V.I. Dal's "Proverbs of the Russian people"]. Abstract of Philology Cand. Diss. Smolensk.

Gorbanevskiy, M.V. (1988) *Onomastika v khudozhestvennoy literature: filologicheskie etudy* [Onomastics in the belles-lettres: Philological essays]. Moscow: UDN.

Danilenko, L.I. (2000) *Natsional'no-kul'turna semantika ches'koi frazeologii* [National-cultural semantics of Czech phraseology]. Kiiv – Kolomiya: MBBF Bereg.

Larin, B.A. (1959) Pro narodnu frazeologiyu [On popular phraseology]. *Ukrains'ka mova v shkoli*. 20. pp. 135-143.

Lomakina, O.V. (2016) *Frazeologiya vyazyke L.N. Tolstogo: lingvisticheskiy komentariy i leksikograficheskoe opisanie* [Phraseology in L. Tolstoy's language: Linguistic commentary and lexicographical description]. Philology Doc. Diss.

Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010) *Bol'shoy slovar' russkikh poslovits* [The Great Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.

Pop, D. (2011) *Rusins'ko-ukrayins'ko-rus'kiy i russko-ukrainsko-rusins'kiy slovar'* [The Rusyn-Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian-Rusyn Dictionary]. Uzhhorod: [s.n.].

Ломакина Ольга Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Православного Свято-Тихоновский гуманитарного университета (Россия).

Lomakina Olga – St. Tikhon's Orthodox University (Russia).

E-mail: rusoturisto07@mail.ru

Мокиенко Валерий Михайлович – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Mokienko Valerij – Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: mokienko40@mail.ru

УДК 811.112.28:811.16

UDC

DOI: 10.17223/18572685/45/10

СЛАВЯНСКИЙ АДСТРАТ В ГИБРИДНОЙ ГЛАГОЛЬНО-ПРЕФИКСАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ИДИША

К.А. Шишигин

Кемеровский государственный университет

Россия, 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6

E-mail: schischigin-ka@rambler.ru

Авторское резюме

Цель статьи – показать гибридизирующее адстратное влияние славянских языков на идиш и, в частности, присутствие адстратно-славянских элементов в идишской системе префиксов (префиксы-омонимы и префиксы с гибридной полисемией) и префиксальных глаголов. Генезис гибридного идиша имеет адстратный характер взаимодействия языков-доноров с языком-основой, так как носители идиша не были ассимилированы немцами как носителями исходного языка и славянами как носителями языков-доноров. Гибридизация идишской глагольно-префиксальной системы произошла при системном влиянии адстратных языков-доноров на язык-основу, когда славянские и, в меньшей мере, семитские словообразовательные модели и содержание переносились на немецкие формы, причем идишская глагольно-префиксальная система в значительной мере славянизировалась.

Ключевые слова: идиш, славянские языки, гибридизация, гибридный язык, адстрат, глагольно-префиксальная система.

THE SLAVIC ADSTRATUM IN THE HYBRID YIDDISH PREFIXED VERB SYSTEM

K.A. Shishigin

Kemerovo State University, 6 Krasnaya Street, Kemerovo, 650043, Russia

E-mail: schischigin-ka@rambler.ru

Abstract

This article aims to show the hybridising adstratum influence of the Slavic languages on Yiddish and, in particular, the presence of Slavic adstratum elements in Yiddish prefix

system (homonymous and hybrid polysemous prefixes) and prefixed verbs. The hybrid Yiddish language arose through an adstratum-based interaction between its basis and donor languages, because the Yiddish-speaking Ashkenazim were not assimilated by the Germans as the source language speakers and the Slavs as the donor language speakers. The hybridisation of the Yiddish prefixed verb system took place under a systemic influence of the donor languages on its basis language, when the Slavic and Semitic word-formation models and contents transferred to the German forms, and the Yiddish prefixed verb system was largely slavified.

Keywords: Yiddish, Slavic languages, hybridisation, hybrid language, adstratum, prefixed verb system.

Цель настоящей статьи – показать гибридизирующее адстратное влияние славянских языков на язык идиш и, в частности, присутствие адстратно-славянских элементов в идишской системе префиксальных глаголов.

Вопросы взаимодействия немецкого языка ашкеназских евреев, который стал основой идиша, с контактными семитскими и славянскими языками и произошедшего в результате обособления идиша, в том числе проблемы влияния славянской префиксации на особенности функционирования префиксальных глаголов в идише, рассматривались преимущественно зарубежными исследователями. Здесь следует отметить прежде всего следующие фундаментальные работы:

1. М. Шехтер рассматривает «способы действия в идише» (Schächter 1951), но ограничивается при этом лишь краткими сравнениями со способами действия, выражаемыми славянскими префиксальными глаголами.

2. П. Векслер достаточно подробно и на конкретных немецко-идишских и славянско-идишских параллелях исследует «славянский элемент грамматических функций <...> идишских глагольных префиксов» *far-*, *on-* и *op-* (Wexler 1951), но рассматривает *far-* и *on-* как единые префиксы (в нашей терминологии это – префиксы-омонимы far_1 и on_1 немецкого языка-основы и адстратно-славянские far_2 и on_2 , а также префикс с гибридной полисемией *op-*). В последнее время П. Векслер защищает свою теорию (не принятую, однако, идишистской научной общественностью) о том, что идиш – это «пятнадцатый славянский язык», который якобы возник в результате «сдвига от еврейско-сорбского языка к немецкому» (Wexler 1991), в чем видится лишь то рациональное зерно, что – в анализируемом нами случае – глагольно-префиксальная система идиша стала в значительной мере славянской в плане содержания.

3. Об особом интересе к глагольно-префиксальной системе идиша свидетельствует и дискуссия, состоявшаяся на страницах американского журнала «Идише шпрах» («Язык идиш») в июле 1955 – марте 1956 г., о семантике конверба (в нашей классификации – отделяемого префикса с гибридной полисемией) *oy-* и о влиянии на него славянских языков (Birnboym et al. 1955; Mark, Vinyetski 1955; Pupko 1956).

4. Ю. Марк в «Грамматике литературного языка идиш» (Mark 1978) дает основные значения префиксов и глагольных конструкций с ними, описывая материал без отсылки к языку-основе и языкам-донорам.

5. П. Аркадьев рассматривает глагольно-префиксальные явления идиша в контексте более широкой проблемы «заимствования превербов и контактных изменений в аспектуальных системах» (Arkadiev) таких языков, как идиш, цыганский, ливский и истрорумынский, не рассматривая характер взаимодействия контактирующих идиомов.

6. Е. Гольд рассматривает аспект, время и словарный состав идиша с точки зрения отражения темпоральных отношений, исследуя в том числе влияние славянских языков на выражение этих отношений (Gold 1999) и указывая – со ссылкой на Й. Бихари (Bihari 1969) – на субстратное взаимодействие идиша со славянскими языками.

7. Э. Геллер описывает «скрытые славянские структуры в современном идише» (Geller 1999), указывая на «фузионную» (в нашей терминологии – гибридную) природу ашканазского идиома.

8. С. Кро доказывает адстратное влияние еврейско-арамейского языка и иврита на формирование идиша, но не говорит о каком-либо характере воздействия языков славянских (Krogh 2001: 15).

Новизна представленного в настоящей статье подхода заключается, таким образом, в следующем: а) показывается результат контакта исходного немецкого языка ашканазских евреев со славянскими языками, приведшего к формированию гибридного идиша; б) характер данного контакта определяется как адстратный; в) гибридизация и гибридность иллюстрируются на примере глагольно-префиксального словообразования, поскольку словообразование соединяет лексический, семантический и грамматический уровни и тем самым отражает состояние языка в целом; г) на уровне гибридных глагольных префиксов показывается возможность разграничения омонимии и полисемии, что обусловлено достаточно четкой различимостью генетического происхождения идишских префиксов из немецкого языка-основы или адстратных славянских языков-доноров.

1. Гибридизация и адстратный характер взаимодействия языка-основы и языков-доноров

Гибридизация генетически немецкого ашкеназского идиома, который сегодня существует под эндолингвонимом «идиш», явила собой процесс такого развития немецкого языка средневерхненемецкого периода, при котором:

а) с X–XI вв. исходный немецкий язык¹ был материнским для ашкеназских евреев – вторичного коллектива его носителей, этнически иного, чем исконные его носители – немцы;

б) исходный немецкий язык функционировал в среде вторичных носителей-ашкеназов и контактировал с семитскими языками (ивритом и еврейско-арамейским), а с XIV в. – и со славянскими (польским, белорусским, украинским), которыми евреи также пользовались в условиях полилингвизма или полиглосии;

в) с течением времени материнский язык начал испытывать определенное влияние, а примерно к 1500 г. системное воздействие со стороны контактных языков, в результате чего

г) примерно к 1750 г. развился гибридный язык идиш, его основа – немецкий язык (язык-основа), с которым на базе адстрата скрестились системные разноуровневые пласты семитских и славянских языков (языков-доноров) (Шишигин 2015: 5; Шишигин, Лебедева 2015: 212; периодизация по: Weinreich 1993: 32).

Так, в результате гибридизации в идише сформировалось несколько так называемых пластов, охватывающих все уровни языка и наиболее четко проявляющихся в грамматике и лексике, в том числе в словообразовании. Соответственно, в генетически германском идише выделяются пласт немецкого языка-основы, пласты семитских и славянских языков-доноров, а также сравнительно незначительный романский пласт.

Наиболее соответствующим истории генезиса гибридного идиша представляется **адстратный** характер взаимодействия языков-доноров с языком-основой, так как носители идиша – как этнически, так и в языковом плане – не ассимилировались (с) немцами как носителями исходного языка и славянами как носителями языков-доноров.

Адстратное влияние на исходный немецкий язык евреев начали оказывать в первую очередь иврит и еврейско-арамейский язык в среднеидишскую эпоху (1500 – около 1700–1750 гг.), за счет чего в ашкеназском идиоме, по мнению М. Вайнрайха, произошли «<...> отрыв от немецкого <...> проникновение в него ивритских компонентов <...>» (Weinreich 1993: 32). Так, Э. Тимм в своем фундаментальном исследовании «Историческая семантика идиша» (Timm 2005) доказы-

вает, что этот отрыв был обусловлен калькированием при переводе древнееврейской библии на древний идиш, которое и инициировало дальнейшие интралингвистические тенденции, отличные от тех, которые имели место в языке средневерхненемецком.

Наиболее сильное системное влияние идиш испытал, однако, со стороны славянских языков: польского, белорусского, украинского и (примерно с начала XX в.) русского, которые стали для него адстратными. Славянское влияние коснулось только восточной группы диалектов идиша, которые сохранились до сих пор и в разной степени легли в основу литературного языка, в то время как так называемый западный идиш потерял функцию средства общения ашкеназских евреев еще в XIX в.

Славянское адстратное влияние распространилось на все уровни идиша (кроме графики), но в решающей мере – на систему глагольных префиксов и префиксальных глаголов. Это выразилось применительно к последним в следующем: с одной стороны, все идишские префиксы развились из соответствующих префиксов исходного немецкого языка, с другой же стороны:

– часть префиксов сохранила свои немецкие характеристики как в плане выражения, так и в плане содержания;

– некоторые префиксы, также сохранившие немецкую форму и частично содержание, приобрели в основном славянские значения, а глаголы с данными префиксами стали образовываться путем копирования соответствующих славянских префиксальных глаголов, и системное копирование превратилось в продуктивный способ идишского глагольно-префиксального словообразования.

Под **системными копиями** (ср.: Gołąb 1956: 7) при этом следует понимать те многочисленные черты структуры и системы славянских языков-доноров, которые были адаптированы идишем, результатом чего стало то, что «идиш – язык немецкий (германский) с лингвистической точки зрения, семитский <...> с точки зрения культурной и с XIII века <...> в значительной мере подвергавшийся славянизации и в конечном счете большей частью славянизировавшийся <...>» (Kerler).

Что касается глагольно-префиксальной системы идиша, то адстратная гибридизация прошла у различных префиксов с разной степенью, что позволяет подразделить их на гибридные и негибридные, более детальная классификация которых выглядит следующим образом.

1. Гибридные префиксы:

1. Гибридные префиксы-омонимы.
2. Префиксы с гибридной полисемией.
3. Малогибридные префиксы.

II. Негибридные компоненты:

4. Негибридные префиксы.

5. Негибридные первые связанные компоненты сложных глаголов.

Ниже – соответственно цели настоящей статьи – рассматриваются только гибридные префиксы.

2. Гибридные префиксы

Гибридные префиксы-омонимы испытали значительные словообразовательные, семантические и морфосинтаксические инновации на базе славянского адстрата, первичным проявлением чего были калькирование, а затем скрещивание славянского глубинного содержания с немецкой формой префиксов. Так, ряд префиксов получил новые значения и функции, не связанные с их генетической семантикой.

Относительно случаев совпадения формы префиксов существует три точки зрения:

а) М.А. Кронгауз трактует проблему полисемии-омонимии русских префиксов (в лексикографии) следующим образом: «Традиционно в рамках одной словарной статьи о приставке объединяются никак не связанные между собой значения. Строго говоря, в этом явлении следовало бы усмотреть омонимию <...> но это противоречит интуиции носителей языка и самих лингвистов, ощущающих приставку как единую морфему» (Кронгауз 1994: 37);

б) Г.А. Волохина и З.Д. Попова считают явление, при котором одна приставка развивается из другой или если две приставки содержат разные дифференциальные семы, омонимией префиксов (Волохина, Попова 1993: 51, 63, 96);

в) Л. Талми именуется характерное для идиша явление, при котором старая форма префикса наряду со старым содержанием приобретает новое, «гибридной полисемией» (Talmy 1982: 239).

Исходя из того, что мы полагаем первичной генетически обусловленную семантику префикса, то, соответственно, выделяем и префиксы-омонимы, и префиксы с гибридной полисемией.

2.1. Префиксы-омонимы

Под **префиксами-омонимами** понимаются следующие взаимосвязанные случаи их формального и семантического проявления:

– значения формально одинаковых префиксов германской и славянской семантики не сводимы или трудно сводимы друг к другу, но

легко выводятся из значений соответствующих немецких и славянских префиксов;

– славянские значения не являются производными от немецких значений такого же по форме префикса.

Здесь мы придерживаемся, во-первых, того, что языковые единицы, заимствованные в данный язык из различных источников, принято считать омонимами (Шмелёв 1990: 345), а во-вторых, концепции В.В. Виноградова, согласно которой «два или больше <...> значения могут совмещаться в одном слове (в нашем случае – в обладающем значением префиксе. – *К.Ш.*) лишь <...> если одно или два из них являются производными от основного <...>», если же «<...> такой связи между значениями нет, то мы имеем дело уже с двумя омонимами» (Виноградов).

К омонимам в идише следует отнести восемь префиксов²:

– четыре неотделяемых: *der-₁*, *der-₂*, *far-₁*, *far-₂* и

– четыре отделяемых: *on-₁*, *on-₂*, *unter-₁*, *unter-₂*.

При этом генетически немецкие префиксы *der-₁*, *far-₁*, *on-₁* и *unter-₁* формально и семантически в целом повторяют, соответственно, немецкие *er*, *ver*, *an-* и *unter-* (Шишигин 2014).

Префиксы славянского происхождения (с индексом 2) обладают наибольшей степенью гибридности, которая проявляется, в частности, на формально-словообразовательном и семантическом уровнях. Так, *der-₂* и *on-₂* развились на основе их фонетического сходства со славянскими префиксами *do-/да-/до-* и *na-/на-*, соответственно, префикс *far-₂* – путем скрещивания содержания славянского *za-/за-* с немецкой формой *far-*, а префикс *unter-₂* – в результате глубинной абстракции немецкого компонента значения <низ> под влиянием славянского *pod-/над-/нид-/нод-*, например глаголы с адстратно-славянскими префиксами:

(1) ид. *dershraybn* ‘дописать’, *farinteresirn (zikh)* ‘заинтересовать(ся)’, *ongeyn zikh* ‘находиться (вволю, до усталости)’, *unterzogn* ‘подсказ(ыв)ать’, где идишские глаголы, формально состоя из немецких морфем, копируют формально-словообразовательные модели и семантику глаголов славянских, ср.:

(2) польск. *dopisać*, *zainteresować (się)*, *nachodzić się*, укр. *нид-каз(ув)ати* (с теми же значениями, соответственно), при этом глаголы **erschreiben*, **(sich) verinteressieren* и **sich angehen* в немецком отсутствуют, а *untersagen* имеет иное значение – ‘запрещать’.

Возможна и омонимия глаголов, в которой отчетливо проявляется гибридность идиша. Так, например идишские глаголы с префиксом *far-₂* типа:

(3) *fargeyn* ‘заходить (за ориентир: дом и т. п.)’, *farreykern* ‘закуривать’, *farfirn* ‘заводить (начинать что-либо)’ по форме полностью соответствуют немецким:

(4) *vergehen* ‘проходить (исчезать)’, *verrauchen* ‘прокуривать’, *verführen* ‘соблазнять’, но имеют (что видно по русскому переводу) абсолютно иные – адстратные славянские – значения. При этом по форме те же глаголы, но уже с префиксом *far-*₁ имеют значения их немецких эквивалентов, и это в очередной раз подтверждает правильность предложенной нами концепции омонимии префиксов.

Глаголы с генетически германскими префиксами (с индексом 1) также не остались без влияния славянского адстрата. Это влияние выразилось прежде всего в приобретении некоторыми из них славянского предложного управления при сохранении немецких формы и семантики, например:

(5) ид. *onshparn zikh (af)* ‘*прислониться, облокотиться (на)*’ (букв. ‘*прислониться*’): *der meylekh zetst zikh anider un shpart zikh on af dem hese-bet (Sholem-Aleykhem)*. ‘Царь садится и облокачивается на широкий стул с подушками’, где идишский предлог *af* ‘на’ является полным семантическим эквивалентом славянского предлога *на/на*; ср.:

(6) рус. *облокотиться на* стул.

Тот же глагол, однако, используется и с немецким управлением:

(7) ид. *onshparn zikh (on)* ‘*прислониться (к)*’: *onshparn zikh on der tir (Vaunraykh 1977: 744)*, ‘прислониться к двери’, где идишский предлог *on* ‘рядом’ является формальным и полным семантическим эквивалентом немецкого предлога *an* ‘рядом’; ср.:

(8) нем. *sich anlehnen (an)* ‘прислониться (к)’: *sich an die Tür anlehnen*, прислониться к двери.

2.2. Префиксы с гибридной полисемией (на примере *tse-*)

К префиксам с гибридной полисемией мы относим восемь:

– отделяемый *tse-* и

– семь неотделяемых: *ariber-*, *avek-*, *funander-*, *iber-*, *op-*, *oys-* и *tsu-*.

Причисление их к данному типу определяется двумя основаниями:

а) как немецкая, так и славянская компоненты каждого из названных префиксов сводимы к единой или близким семам; это позволяет сделать вывод, что в данном случае мы имеем дело не с омонимией, а именно с гибридной полисемией, когда к немецкой форме и немецкому содержанию адстратно присовокупилось очень близкое славянское содержание;

б) в результате префиксы сохранили черты разных уровней, характерные для эквивалентных префиксов исходного немецкого языка,

в той или иной мере модифицировав свой словообразовательный, семантический и морфосинтаксический потенциал – в первую очередь, под влиянием адстратных славянских языков.

Например, неотделяемый *tse-* развился из средневерхненемецкого префикса *zer-/ze-*, имевшего значение ‘надвое; взрозь’ (см.: Lexner 1992: 332; Duden 2001: 943), или шире – ‘разделение; разрушение’, и родственен тем самым современному немецкому неотделяемому глагольному префиксу *zer-*. Следует, однако, особо подчеркнуть, что у префиксов с гибридной полисемией четкое разграничение явлений разных уровней по признаку их отнесенности к немецкому языку-основе или к адстратным славянским языкам-донорам – задача достаточно сложная. Эта сложность определяется, в первую очередь, очевидным совпадением способа глагольно-префиксального обозначения соответствующих ситуаций в средневерхненемецком, современных немецком и славянских языках и идише. Так, в случае с префиксом *tse-* прослеживаются достаточно регулярные корреляции:

– глагол «свн. с *ze-/zer-* – нем. с *zer-* – слав. с *roz-/paz-/poz-* – ид. с *tse-*»;

– глагол «свн. с *ze-/zer-* – слав. с *roz-/paz-/poz-* – ид. с *tse-*».

Например, ситуации передвижения-удаления двух или более субъектов в разные стороны, а также ситуации, абстрактно сводимые к таковым, описываются глаголами передвижения с префиксом *tse-*, рефлексивизированными по славянскому образцу; при этом средневерхненемецкие глаголы с *ze-/zer-* подобные ситуации описывали, но без рефлексива, а глаголы с *zer-* современного немецкого языка такую способность утратили; ср.:

(9) ид. *tseloyfn zikh* (букв.: ‘пазбега^ться’) и свн. *ze[r]loufen* (букв.: ‘*пазбега^ть’), польск. *rozbiegać się* (букв.: ‘пазбега^ться’) (во всех языках со значением ‘разбежаться (в разные стороны)’);

(10) ид. *tsegeyn [zikh]* (букв.: ‘пазойти[сь]’) и свн. *ze[r]gên* (букв.: ‘*пазыйти’), укр. *pozhoditися* (букв.: ‘расходиться’) (во всех языках со значением ‘расходиться (в разные стороны)’).

Данные и им подобные глаголы, с одной стороны, имеют немецкую или гибридную немецко-славянскую форму, причем гибриды включают в себя внешне немецкий префиксальный глагол плюс адстратно-славянский рефлексив *zikh* ‘себя, себе, -ся’, добавление которого вызвало в идише, таким образом, словообразовательную инновацию: местоименный по своему происхождению рефлексив *zikh* утратил лексический характер (свойственный немецкому рефлексиву *sich*) и превратится в отдельно стоящий приглагольный рефлексивный постфикс (подобно польскому *się*).

В связи с такой общностью обозначения одних и тех же ситуаций однозначное определение генетического происхождения характеристик плана выражения и плана содержания не всегда возможно и в случае совпадения формы и содержания в идише, немецком / средневерхненемецком языке-основе и адстратных славянских языках не тресуется.

3. Словообразовательно-семантический потенциал идишских префиксальных глаголов (на примере *on-*₂ и *avek-*)

Сопоставление возможностей описания одной и той же ситуации разными языками (идишем, немецким и русским) позволяет выявить их словообразовательно-семантический потенциал.

В этой связи интересны замечания, высказанные в наших устных беседах профессором Университета имени Бар-Илана Б. Котлерманом и профессором Еврейского университета в Иерусалиме М. Таубе (Израиль). По их мнению, с которым мы согласны, переводы произведений с идиша на немецкий и английский языки оказываются по сравнению с переводами на русский язык ущербными, так как немецкий и английский не обладают, в частности, всеми теми возможностями описания нюансов ситуаций, которыми располагают гибридный идиш и языки славянские. И в первую очередь это относится к потенциалу идишских и славянских префиксальных глаголов.

Проиллюстрируем данные выводы на примере глаголов с адстратно-славянским префиксом *on-*₂ и с префиксом с гибридной полисемией *avek-* (табл. 1 и 2), обратив особое внимание на «превосходство» идиша над современным немецким языком в плане возможности глагольно-префиксального выражения различных ситуаций.

Таблица 1

Глаголы с отделяемым префиксом-омонимом *on-*₂ в сравнении со славянскими и немецкими эквивалентами

Номер примера	Префиксальный глагол, 'значение' (буквальное значение)	Славянский эквивалент, 'значение' (буквальное значение)	Немецкий эквивалент, 'значение' (буквальное значение)
(11)	<i>ontseykhenen</i> 'нарисовать' (нарисовать)	польск. <i>narysować</i> 'нарисовать' (нарисовать)	<i>[fertig] zeichnen</i> 'рисовать' (*[до готовности] рисовать)
(12)	<i>onshmirn</i> 'намазать' (намазать)	укр. <i>намазати</i> 'намазать' (намазать)	<i>schmieren</i> (мазать)

Окончание табл. 1

Номер примера	Префиксальный глагол, 'значение' (буквальное значение)	Славянский эквивалент, 'значение' (буквальное значение)	Немецкий эквивалент, 'значение' (буквальное значение)
(13)	<i>onkharп</i> 'наловить' (нахватать)	блр. <i>нахапаць</i> 'наловить' (нахватать)	<i>[in Menge] fangen</i> 'наловить' (ловить [в большом количестве])
(14)	<i>onzitsn zikh</i> 'насидеться' (насидеть себя)	рус. <i>насидеться</i>	<i>zu lange sitzen</i> 'насидеться' (слишком долго сидеть)

Как видно из табл. 1, идишским глаголам с префиксом *on-*, выполняющим перфективирующую функцию (примеры (11) и (12)) и использующимся для описания аккумуляции действия, процесса и состояния (примеры (13) и (14)):

– в славянских языках всегда соответствуют глаголы с *na-/на-* с той же семантикой, что и в идише, которая послужила последнему адстратной;

– в немецком языке перфективация либо (чаще) никак не обозначается (пример (12)), либо выражается при помощи наречий (пример (11)), а аккумуляция описывается (иногда факультативно) только посредством наречной лексики (примеры (12) и (14)).

Таблица 2

Глаголы с отделяемым префиксом с гибридной полисемией *avek-* в сравнении со славянскими и немецкими эквивалентами

Номер примера	Префиксальный глагол, 'значение' (буквальное значение)	Славянский эквивалент, 'значение' (буквальное значение)	Немецкий эквивалент, 'значение' (буквальное значение)
(15)	<i>avekgeyn</i> 'уходить' (идти прочь)	рус. <i>уходить</i>	<i>weggehen</i> 'уходить' (идти прочь)
(16)	<i>avektrinken</i> 'запить (начать пьянствовать); пропьянствовать' (**пить прочь)	польск. <i>zapić</i> 'запить' (запить); <i>przepić się</i> 'пропьянствовать' (пропить себя)	<i>zu trinken beginnen</i> 'запить' (начать пить); <i>lange trinken</i> 'пропьянствовать' (долго пить)
(17)	<i>aveklign</i> 'пролежать (долго) (**лежать прочь)	блр. <i>праляжаць</i> 'пролежать' (пролежать)	<i>lange liegen bleiben</i> 'пролежать' (долго оставаться лежать)

Окончание табл. 2

Номер примера	Префиксальный глагол, 'значение' (буквальное значение)	Славянский эквивалент, 'значение' (буквальное значение)	Немецкий эквивалент, 'значение' (буквальное значение)
(18)	<i>avekfidlen</i> 'пробренчать (плохо сыграть на музыкальном инструменте)' (*'скрипачить прочь')	укр. <i>пробриньчати</i> 'пробренчать'	<i>fideln</i> 'бренчать' (*'скрипачить')

Как видно из табл. 2, идишским глаголам с префиксом *avek-*, описывающим удаление субъекта (пример (15)), эксцессивное действие, процесс или состояние (примеры (16) и (17)) и дефективное действие (пример (18)):

– в славянских языках соответствуют глаголы с *prze-/npa-/npo-* и *za-/за-* (примеры (16), (17) и (18));

– немецкий язык использует префиксальный глагол только для описания ситуации удаления (пример (15)), а остальные ситуации посредством префиксальных глаголов обозначать не в состоянии и поэтому прибегает исключительно к словосочетаниям беспрефиксных глаголов с глаголами и наречиями (примеры (16) и (17)); в примере (18) идиш описывает ситуацию как дефективную за счет префиксации нейтрального в стилистическом отношении глагола *fidlen* 'играть на скрипке', в то время как немецкий использует для этого беспрефиксный глагол с абсолютно негативной коннотацией.

Приобретая способность к описанию ситуаций по славянскому формально-словообразовательному и семантическому образцу, что стало возможным в результате гибридизации на базе славянского адстрата, глагольно-префиксальная система идиша, таким образом, отделилась и обособилась от немецкой. Префиксальные глаголы стали – также по славянскому образцу – выражать смыслы метафорично там, где в немецком языке наблюдается большая конкретность семантики глагола и связанных с ним префиксальных или лексических элементов. Так, *рисовать до готовности, ловить в большом количестве, слишком долго сидеть, идти прочь, начать пить, оставаться долго лежать* и т. п., как в немецком языке, состоят из лексических и префиксальных элементов, конкретность семантики которых очевидна – в отличие от эквивалентных глаголов идиша и славянских языков, у которых префиксы обнаруживают соответствующие семы лишь на глубинном уровне.

Заключительные замечания

Анализ показал, что в среднем 78 % идишских глагольно-префиксальных лексем не выполняют условие «взаимной понятности» для носителей немецкого языка, т. е. без специального знакомства с идишем не могут быть ими поняты и часто не могут быть переведены на немецкий язык без утери оттенков смысла, а на славянские – могут.

Гибридизация идишской глагольно-префиксальной системы произошла при системном влиянии адстратных языков-доноров на языковую основу, когда славянские и в меньшей мере семитские словообразовательные модели и содержание переносились на немецкие формы.

Примечания

1. Термин «немецкий язык» следует понимать как метаязыковую условность, т. е. не современный немецкий литературный язык, но «<...> средневерхненемецкий во всей его многоплановости» (Krogh 2001: 6), из которого произошли оба западногерманских языка – нововерхненемецкий и идиш (см.: Beider 2013: 77–121).

2. Здесь и далее идишские примеры подаются в соответствии с практической латинизированной транскрипцией Идишского научного института (Yiddish Alef-Beys).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

блр.	– белорусский язык
ид.	– идиш
нем.	– немецкий язык
польск.	– польский язык
рус.	– русский язык
слав.	– славянский язык
свн.	– средневерхненемецкий язык
укр.	– украинский язык

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов - *Виноградов В.В.* Основные типы лексических значений слова. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-77a.htm> (дата обращения: 10.06.2016).

Волохина, Попова 1993 - *Волохина Г.А., Попова З.Д.* Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. 196 с.

Кронгауз 1994 - *Кронгауз М.А.* Приставки и глаголы: грамматика сочетаемости // Семиотика и информатика. М., 1994. Вып. 34. С. 32–57.

Шишигин 2014 - *Шишигин К.А.* Генезис глагольно-префиксальной системы языка идиш: экстралингвистические факторы и интралингвистические тенденции // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 3 (29). С. 74–91.

Шишигин 2015 - *Шишигин К.А.* Словообразовательная система гибридного языка: формирование, развитие и функционирование (на материале префиксальных глаголов идиша): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2015. 56 с.

Шишигин, Лебедева 2015 - *Шишигин К.А., Лебедева Н.Б.* Славянские языки как фактор гибридизации идиша // Русин. Международный исторический журнал. 2015. № 3 (41). С. 210–225. DOI 10.17223/18572685/41/15

Шмелёв 1990 - *Шмелёв Д.Н.* Омонимия // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 344–345.

Arkadiev - *Arkadiev P.* Borrowed preverbs and the limits of contact-induced change in aspectual systems. URL: <https://www.academia.edu/25110197> (дата обращения: 10.06.2016).

Beider 2013 - *Beider A.* Reapplying the language tree model to the history of Yiddish // Journal of Jewish Languages. 2013. № 1. P. 77–121.

Bihari 1969 - *Bihari J.* Zur Erforschung des Slawischen Bestandteils des Jiddischen // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1969. Vol. 19. P. 157–199.

Birnboym et al. 1955 - *Birnboym Y., Golomb A., Mark Y.* A korespondents vegn batayt fun konverb, oys' // Yidishe sprach. New York: YIVO, 1955. Bd XV, 3. P. 85–89.

Duden 2001 - Duden. Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Mannheim u.a.: Dudenverlag, 2001. 960 s.

Geller 1999 - *Geller E.* Hidden Slavic structure in modern Yiddish // Röhl W., Neuberg S. (Hrsg.). Jiddische Philologie: Festschrift für Erika Timm. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1999. P. 65–89.

Goląb 1956 - *Goląb Z.* The conception of 'isogrammatism' // Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego. 1956. T. XV.

Gold 1999 - *Gold E.* Aspect, tense and the lexicon: Expression of time in Yiddish. Toronto: University of Toronto, 1999. 246 p.

Kerler - *Kerler D.-B.* On the role of Yiddish as the language of Jewish national identity. URL: <https://www.academia.edu/14573391> (дата обращения: 10.06.2016).

Krogh 2001 - *Krogh S.* Das Ostjiddische im Sprachkontakt: Deutsch im Spannungsfeld zwischen Semitisch und Slavisch. Tübingen: Niemeyer, 2001. 78 p.

Lexer 1992 - *Lexer M.* Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Stuttgart: Hirzel, 1992. 516 p.

Mark 1978 - *Mark Y.* Gramatik fun der yidisher klal-shprakh. New York: Alvetlekh yidisher kultur-kongres, 1978. 407 p.

Mark, Vinyetski 1955 - *Mark M., Vinyetski Y.* Tsum vikuekh vegn di bataytn fun konverb 'oys' // *Yidishe sprakh*. New York: YIVO, 1955. Bd XV, 4. P. 118–120.

Pupko 1956 - *Pupko B.* A vort in vikuekh vegn konverb 'oys' // *Yidishe sprakh*. New York: YIVO, 1956. Bd XVI, 1. P. 28–31.

Schächter 1951 - *Schächter M.* Aktionen im Jiddischen: Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades. Wien: Universität Wien, 1951. 190 p.

Sholem-Aleykhem - *Sholem-Aleykhem.* Mayses far yidishe kinder. URL: <http://www.uni-trier.de/index.php?id=31288> (дата обращения: 10.06.2016).

Talmy 1982 - *Talmy L.* Borrowing semantic space: Yiddish verb prefixes between Germanic and Slavic // M. Macaulay et al. (eds.). *Proceedings of the Eighth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, 1982. P. 231–250.

Timm 2005 - *Timm E.* Historische jiddische Semantik: Die Bibelübersetzungssprache als Faktor der Auseinanderentwicklung des jiddischen und des deutschen Wortschatzes / u. Mitarbeit v. G.A. Beckmann. Tübingen: Niemeyer, 2005. 744 p.

Vaynraykh 1977 - *Vaynraykh U.* Modern english-yidish, yidish-english verterbukh. New York: YIVO; Shoken, 1977. 833 p.

Weinreich 1993 - *Weinreich M.* Geschichte der jiddischen Sprachforschung. University of South Florida, 1993. 351 p.

Wexler 1951 - *Wexler P.* Slavic contributions to the grammatical functions of three yiddish verbal prefixes: Thesis for the degree of Master of Arts. New York: Columbia University, 1951. 55 p.

Wexler 1991 - *Wexler P.* Yiddish – the fifteenth Slavic language. A study of partial language shift from Judeo-Sorbian to German // *International Journal of the Sociology of Language*. 1991. Iss. 91. P. 9–150.

Yiddish Alef-Beys - *Yiddish Alef-Beys (Alphabet)*. URL: <https://yivo.org/Yiddish-Alphabet> (дата обращения: 10.06.2016).

REFERENCES

Vinogradov, V.V. (1977) *Osnovnye tipy leksicheskikh znacheniy slova* [The main word meaning types]. [Online]. Available from: <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-77a.htm> (Accessed: 10th June 2016).

Volokhina, G.A. & Popova, Z.D. (1993) *Russkie glagol'nye pristavki: semanticheskoe ustroystvo, sistemnye otnosheniya* [Russian verb prefixes: semantic structure, systemic relations]. Voronezh: Voronezh State University.

Krongauz, M.A. (1994) *Pristavki i glagoly: grammatika sochetaemosti* [Prefixes

and verbs: Grammar compatibility]. In: Uspensky, V.A. (ed.) *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics]. Vol. 34. Moscow: Russkie slovari. pp. 32-57.

Shishigin, K.A. (2014) The prefixed verb system genesis in Yiddish: Extralinguistic factors and intralinguistic tendencies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3(29). pp. 74-91 (In Russian).

Shishigin, K.A. (2015) *Slovoobrazovatel'naya sistema gibridnogo yazyka: formirovanie, razvitiye i funkcionirovanie (na materiale prefiksalykh glagolov idisha)* [The derivation system of the hybrid language: Formation, development, and functioning]. Abstract of Philology Doc. Diss. Kemerovo.

Shishigin, K.A. & Lebedeva, N.B. (2015) The Slavic languages as a factor of Yiddish hybridization. *Rusin*. 3(41). pp. 210-225 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/15.

Shmelev, D.N. (1990) Omonimiya [Homonymy]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [The Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 344-345.

Arkadiev, P. (n.d.) *Borrowed preverbs and the limits of contact-induced change in aspectual systems*. [Online]. Available from: <https://www.academia.edu/25110197> (Accessed: 10th June 2016).

Beider, A. (2013) Reapplying the language tree model to the history of Yiddish. *Journal of Jewish Languages*. 1. pp. 77-121. DOI: 10.1163/22134638-12340003.

Bihari, J. (1969). Zur Erforschung des Slawischen Bestandteils des Jiddischen [On the Slavic component of Yiddish]. In: Nemeth, J. (ed.) *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 19. Budapest: AKADÉMIAI KIADÓ. pp. 157-199.

Birnboym, Y., Golomb, A. & Mark, Y. (1955) A korespondents vegn batayt fun konverb 'oys'. *Yidishe sprakh – The Yiddish Language*. 15(3). pp. 85-89.

Duden. (2001) *Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache* [The Origin Dictionary. The Etymology of the German language]. Mannheim: Dudenverlag.

Geller, E. (1999) Hidden Slavic structure in modern Yiddish. In: Röhl, W. & Neuberg, S. (eds.) *Jiddische Philologie: Festschrift für Erika Timm* [Yiddish Philology: In the memory of Erika Timm]. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. pp. 65-89.

Golaḅ, Z. (1956) The conception of "isogrammatism". *Biuletyn Polskiego towarzystwa jezykoznawczego*. 15.

Gold, E. (1999) *Aspect, tense and the lexicon: Expression of time in Yiddish*. Toronto: University of Toronto.

Kerler, D.-B. (n.d.) *On the role of Yiddish as the language of Jewish national identity*. [Online]. Available from: <https://www.academia.edu/14573391> (Accessed: 10th June 2016).

Krogh, S. (2001) *Das Ostjiddische im Sprachkontakt: Deutsch im Spannungsfeld*

zwischen Semitisch und Slavisch [The Ostjiddische language contact: German in the field of tension between Semitic and Slavic]. Tübingen: Niemeyer.

Lexner, M. (1992) *Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch* [The Middle High German Pocket Dictionary]. Stuttgart: Hirzel. 516 pp.

Mark, Y. (1978) *Gramatik fun der yidisher klal-shprakh*. New York: Alvetlekh yidisher kultur-kongres.

Mark, M. & Vinyetski, Y. (1955) Tsum vikuekh vegn di bataytn fun konverb 'oys'. *Yidische sprakh – The Yiddish Language*. 15(4). pp. 118-120.

Pupko, B. (1956) A vort in vikuekh vegn konverb 'oys'. *Yidische sprakh – The Yiddish Language*. 16(1). pp. 28-31.

Schächter, M. (1951) *Aktionen im Jiddischen* [Actions in Yiddish]. Doc. Diss. Vienna: University of Vienna.

Sholem-Aleykhem. (n.d.) *Mayses far yidische kinder*. [Online]. Available from: <http://www.uni-trier.de/index.php?id=31288> (Accessed: 10th June 2016).

Talmy, L. (1982) Borrowing semantic space: Yiddish verb prefixes between Germanic and Slavic. In: Macaulay, M. et al. (eds). *Proceedings of the Eighth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley: Berkeley Linguistics Society. pp. 231-250.

Timm, E. (2005) *Historische jiddische Semantik: Die Bibelübersetzungssprache als Faktor der Auseinanderentwicklung des jiddischen und des deutschen Wortschatzes* [The Historic Yiddish Semantics. The language of the Bible translation as a factor of Yiddish and German vocabulary divergence]. Tübingen: Niemeyer.

Vaynraykh, U. (1977) *Modern English-Yidish, Yidish-English Verterbukh* [The Modern English-Yiddish, Yiddish-English Dictionary]. New York: YIVO; Shoken.

Weinreich, M. (1993) *Geschichte der jiddischen Sprachforschung* [History of the Yiddish language research]. University of South Florida.

Wexler, P. (1951) *Slavic contributions to the grammatical functions of three Yiddish verbal prefixes*. Thesis for the degree of Master of Arts. New York: Columbia University.

Wexler, P. (1991) Yiddish – the fifteenth Slavic language. A study of partial language shift from Judeo-Sorbian to German. *International Journal of the Sociology of Language*. 91. pp. 9-150. DOI: 10.1515/ijsl.1991.91.9

YIVO Institute for Jewish Research. (n.d.) *Yiddish Alef-Beys* [The Yiddish Alphabet]. [Online]. Available from: <https://yivo.org/Yiddish-Alphabet> (Accessed: 10th June 2016).

Шишигин Кирилл Александрович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой немецкой филологии Кемеровского государственного университета (Россия).

Shishigin Kirill – Kemerovo State University (Russia).

E-mail: schischigin-ka@rambler.ru

УДК 811.161+81'373

UDC

DOI: 10.17223/18572685/45/11

НАЗВАНИЯ РУСИНСКИХ ПРАЗДНИКОВ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ЯЗЫКОВОЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИЧНОСТИ НАРОДА*

Г.Н. Старикова

Томский государственный университет

Россия, 634055, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: gstarikova@yandex.ru

Авторское резюме

В статье дан анализ русинских названий праздников – мирских (*гуля'тика, заба'ва*) и церковных (*Водо'щі, сячанкы*). Первые связаны с рождением (*уроди'ны*), крещением (*крест*), свадьбой (*гускы, сва'льба, сващи'ны*), поминками (*кома'шня, сорокови'на*), трудовой деятельностью человека (*дожинкы, ми'шаня, пря'хы*), вторые – с ознаменованием событий Священной истории (*Вели'кдень, Здви'гы*). Данная лексика рассматривается как яркие, культурно маркированные знаки, отражающие ценности этноса, тесно связанные с историей его развития, формированием мировосприятия и верований его представителей. Названия праздников у русинов характеризуются развитой синонимией, которая сформирована во многом под влиянием экстралингвистических факторов. Важнейший из них – условия проживания народа: так, естественная территориальная изолированность карпатских русинов способствовала сохранению архаичных праздничных обрядов и / или их названий (*лопаткы, о'тпуст, Кере'чун*), пополнению списка последних областными лексическими единицами (*Грумни'ці, хаба'тня*). В свою очередь, поликультурное окружение, усиленное широким расселением народа по ряду стран, прерывание традиций православия для части русинства обеспечили приток в язык заимствований из родственных (*Руздово*) и неродственных языков (*А'двент*). Наиболее заметный след оставили венгерский (*діномда'ном, богрейдо'ваня*) и немецкий языки (*фаши'нгы*), что свидетельствует о былом вхождении русинских земель в состав Австро-Венгрии.

Ключевые слова: этнолингвистика, русинистика, названия праздников.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043: «Культура русского народа в диалектном языке и тексте: константы и трансформация»).

THE NAMES OF RUSIN HOLIDAYS AS THE EVIDENCE OF LINGUISTIC AND ETHNO- CULTURAL SPECIFICITY OF THE NATION*

G.N. Starikova

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: gstarikova@yandex.ru

Abstract

The article analyses the names of Rusin holidays – secular (*gulya'tika, zaba'va*) and religious (*Vodo'shchi, syachanky*); the former are connected with the birth (*urodi'ny*), christening (*krest*), wedding (*gusky, sva'l'ba, svashchi'ny*), funeral (*koma'shnaya, sorokovi'na*) and labour activities of the person (*dozhinky, mi'shanya, pryahy*), the latter – with the events of the Sacred history (*Veli'kden, Zdvi'gy*). These words are considered bright culturally marked signs reflecting the values of the ethnos and are closely connected with the history of its development and formation of worldview and beliefs. The Rusin holiday names demonstrate the well-developed synonymy formed largely under the influence of the extra-linguistic factors, the most important of which was the living conditions of the people. Thus, the natural territorial isolation of the Carpathian Rusins contributed to the preservation of archaic festive rituals and/or their names (*lopatky, o'tpust, Kere'chun*), with the latter including regional lexical units (*Grumni'tsi, haba'tnya*). In its turn, the multicultural environment enhanced by a wide dispersal of people in a number of countries and the interruption of Orthodox tradition for the part of the Rusin ethnic group ensured the inflow of borrowings from related (*Ruzdvo*) and unrelated languages (A'dvent). The most overt trace was left by Hungarian (*dinomda'nom, bogrejdo'vanya*) and German (*fashi'ngy*), which indicates that in the past the Rusin territories were part of the Austro-Hungarian Empire.

Keywords: ethno linguistics, Rusin studies, the names of holidays.

Постановка проблемы. Праздники представляют собой особый вид «точек» социального времени, одну из начальных форм человеческой культуры, что подчеркивается, по сути, всеми авторами, серьезно занимавшимися или занимающимися данной проблемой.

* The research was supported by Russian Science Foundation (RSF) Grant Nr 16-18-02043: "The Culture of the Russian people in the dialectal language and text: Constants and transformation".

В частности, Я.Г. Шемякин, говоря об интегрирующей и стабилизирующей функциях праздника, указывает, что «он является важнейшим элементом механизма традиции, играет огромную роль в деле сохранения и передачи от поколения к поколению социально значимой информации относительно главных ценностных ориентаций и норм поведения. В силу этого праздник всегда выступает как чрезвычайно важный фактор социализации: именно через участие в праздничных церемониях и обрядах во всех культурах происходит первичное приобщение к принятым в том или ином обществе нормам и ценностям» (Шемякин).

Данное обстоятельство определяет такие характеристики празднеств, как сакральность, ритуальность, статусность (Топоров 1982: 329), коллективный характер действий, наличие ценностных составляющих, регулярную повторяемость во времени, сценарный характер (Чеснокова 2011: 47). Его противопоставленность будням отражается толковыми словарями, где *праздник* обычно определяется через свой антоним. Чередование будней и праздников и образует круг и ритм жизни народа (*празднички – ватажнички, а будни – одиночки* (*праздник придет – гостей приведет*); *хорош праздник после трудов праведных; в день свят суеты спят*).

Высокая значимость праздников в жизни любой культуры, их яркая специфичность в рамках отдельных этнических сообществ¹ обуславливают стабильный исследовательский интерес к данному феномену со стороны философов, историков культуры, социологов, фольклористов. Исключительная этнонагруженность словесных знаков праздничной культуры делает их привлекательным объектом изучения и для лингвистов (Топоров 1982; Плотникова 2004; Толстая 2009), в том числе в сравнительно-сопоставительном плане (Чеснокова 2011; Терентьева 2012). О разнообразии аспектов научных исследований данного феномена может свидетельствовать литература темы в собственно этнографических (Шангина 2003: 547–552) и этнолингвистических работах (Плотникова 2004: 722–746; РНК 2015: 535–540).

Настоящая статья посвящена названиям праздников у русинов, служащим свидетельством языковой и этнокультурной специфичности народа. Материалом для нее послужили ряд словарей русинского, украинского, русского языков, этнографическая литература². Рабочая гипотеза исследования: культурное своеобразие этнической общности «русины», сложившейся «в результате перекрестных разнохронологических взаимодействий родственных и неродственных языков и диалектов» (Гиндин, Калужская 1991: 187), находит отражение как в содержательном наборе праздников, так и в их номинации.

Общая характеристика объекта исследования. Идея 'праздник, празднование' передается в славянских языках преимущественно словами с корнями *porz(ъ)*n*- (рус., укр., серб., хорв.), *svęty (укр., блр., польск., слвц., чеш.), *god- (серб., словен., польск.), *slav- (словен., чеш.), что определяет его суть как свободное (от работ), удобное, осененное сакральностью время. Древнейшую сопряженность этих характеристик праздничного времени показывают материалы Словаря русского языка XI–XVII вв.: ПРАЗДНЕНИЕ, ПРАЗДНЕ(Н)СТВО, ПРАЗДНИКЪ (1. Торжество, дни торжества, праздник; 2. Веселье, ликование; 3. Радостное событие, радость; 4. Пир, угощение; 5. Свободное время, досуг; 6. Изображение на иконе события священной истории) (СРЯ 18: 128). Он не только отражает полисемичность данных слов, но и отмечает постепенное «прирастание» у них семантики 'религиозный праздник', а у слов СВЯТО, СВЯТОКЪ – 'праздник вообще', не только церковный. Об этом свидетельствует время фиксации значений в лексикографическом труде у названных лексических единиц, а также у их кодериватов: СВЯТИТИ – 'соблюдать, почитать (праздники)', СВЯЩЕНИЕ – 'праздник, празднование, прославление' (СРЯ 23: 210–220), ПРАЗДНОЛЮБЕЦЪ, ПРАЗДНОЛЮБНЫЙ – 'тот, кто чит церковные праздники' (СРЯ 18: 128–130). Отсюда понятна многозначность устойчивых словосочетаний: СВЯТОЙ ДЕНЬ – 'праздничный день (в память о событии из религиозной истории или в память святого)'; 'воскресенье', СВЯТАЯ НЕДѢЛЯ – 'воскресенье'; 'пасхальная неделя' (СРЯ 23: 212).

В русинском 'праздник' – это *ся'то, ся'ток*, мн. *ся'ткы*, как редкое – *праздник* (*праздну'ны* – 'каникулы', как в чеш.: *prázdniny*). Соответственно: 'справлять праздник, праздновать' – *сяткова'ти / посяткова'ти* (обл.), *сяти'ти*, 'празднование' – *сятко'ваня, сято'чность* – 'торжество, торжественность', *сячанкы'* – 'праздник освящения церкви', *сячени'на* – 'освященная пища'.

При использовании русинами одного из самых распространенных в славянских языках корня для обозначения данного феномена обращает на себя внимание факт отсутствия в нем губного, ср.: укр. *свято*, бел. *свята* (*сьвята*), польск. *święto*, слвц. *sviatok*, чеш. *svátek* и др. Форма без [в'] представлена и в словаре гуцульских говоров: *сетки', ситки'* – *religiјni свята*, причем значение 'небольшой религиозный праздник' выражается вариантными формами *світце'* и *сицце'* (ГГ: 169). Явление это лексикализованное, о чем свидетельствует сохранение [в' / в] аналогичного происхождения из и.е. *u (или *ũ) в словах типа *свир'ный, сви'нити* 'свинячить', *пруйди'світ* 'проходимец', *своя'к, своя'чка* 'свояченица', *сво'рка* 'свора, компания'. Подобное отсутствие губного согласного восстанавливается, по мнению

П.Я. Черных, в *особа, собственный*, родственных словам *свой, свобода* (Черных 1999: 148).

Черты своеобразия несут и названия конкретных праздников у русинов, представленные двумя тематическими группами: мирские праздники и религиозные, хотя в целом ряде случаев это деление во многом условно, как, например, при обозначении приема гостей или вечеринок с танцами в особые дни церковных недель.

Лексика бытовых праздников. В эту группу вошли названия званых обедов и / или гуляний по поводу различных событий частного-бытового характера: 1) рождения, крещения, поминок; 2) праздников, связанных с работой, трудовой деятельностью; 3) сватовства, свадьбы и некоторых других. Среди общих именовании званых празднеств (в том числе с танцами) (*весел(н)и'ця, весї'ля, гайно'ваня, гости'на, го'стьба, гу'ля, гу'лянка, гуля'тика, дїномда'ном, за'бава, коломый'кы, пияти'ка, тра'кта*), воскресных масленичных молодежных вечеринок (*мясниці, фаши'нгы*) и весенних хороводов с гуляньями (*гаювки', гоя-дю'ндя*) выделяются этнографизмы и заимствованные лексемы.

Так, слово *коломыйка*, обозначающее песенную форму особого размера в 2–4–6 строк, а также народный парный танец, подается в справочной литературе с обязательным указанием на различные русинские ареалы как *галицко-русское, угорскорусское, карпатоукраинское*: «Коломыйка <...> удачно сохраняет и передает драгоценнейшие элементы народной поэзии. В то же время она краткими чертами обрисовывает национальное самосознание галицко-русского крестьянина» (ЭСБЭ 30: 733). Согласно словарю И. Керчи, в русинском *коломыйка* еще имеет значение 'гулянка, попойка' (Керча 2007 1: 442). Аналогично: укр. *гаї'вка* (весенняя хороводная песня) соответствует русин. *гаювки'* – 'обрядовые троицкие песни; весенние хороводы; забавы, гулянья' с более широким значением и специфической огласовкой, не совпадающей ни с одним западноукраинским произносительным вариантом: *гаї'лка, гагї'лка, ягї'лка (ягї'лонька), ягї'вка* (Жайворонок 2006: 126). Синонимичное ему *гоя-дю'ндя* – 'песня-хоровод, посвященная богине любви Ладе уряда славянских народов, включая словаков и галичан' (Касторский 1841: 126–127), 'весенний хоровод, гулянье' (Керча 2007 1: 179) – вообще отсутствует в современных словарях литературного украинского языка.

Неизвестны титульному языку Украины также слова *дїномда'ном* и *фаши'нгы, тра'кта*, являющиеся отражением вхождения русинских земель в состав Австро-Венгрии. Венг. *dinomdánom* – 'пиршество, пирушка, кутеж; пир горой', нем. *Fasching* – букв. 'канун поста' (в Германии этим словом именуется «пятое время года» – карнавальная неделя в Масленицу перед Великим постом). У русинов они оба

обозначают молодежные вечеринки, а *динодда'ном* может также служить междометием, выражающим чувство веселья. Третье есть в венгерском как *trakta'* – 'угощение', восходящее, вероятно, к нем. *traktieren* – 'принимать; проявлять уважение, гостеприимство', в русинском *тра'кта* – 'угощение, пирушка, пиршество; званый вечер / обед; застолье'.

Из названий памятных событий по случаю рождения (*уроди'ны*, *родный день*, *ру'здво*), крещения (*крест*, *крестины*), похорон (*по'груб*, *удпро'вод*, *про'воды*, *по'хорон*, гуцульское – *по'хоронок*) в языковом отношении наиболее интересны последние, обряды которых живописно представлены Ю. Жатковичем в сочинении «Замітки етнографічні з Угорської Русі» и составителем церковного календаря на 1908 г. о. Эмилием А. Кубеком (НПК 1908: 50–55). Как указывал первый из них, «русин любить довгий і парадний опровід», отмечая 3, 7 и 40-й день смерти (Жаткович 1896: 25). Исследователь описал обряд похоронных игр русинов у гроба покойного, выражаемый языковой формулой *бити лопатки*: «При мерци тільки буває тих забав, що з них можна цілу книгу списати» (Жаткович 1896: 24). О. Эмилий Кубек называет эту игру *лопатка* и *чопта* (опечатка?) (НПК 1908: 52). В настоящее время обычай утрачен, *лопатки'* – 'бодрствование у гроба', но гуцулам 'гра при покійникові' известна как *діди'* (ГГ: 60).

Поминки называются *кома'шня*, *хаба'тня* (обл.), *параста'з*, *трети'нка* (ист.), *сорокови'на*. Внутренняя форма славянских слов понятна, как очевиден и областной характер этих единиц: например, в гуцульских говорах поминки не только *кома'шня*, но еще и *посві'тини* (ГГ: 100), *пра'зник* (ГГ: 156), поминки в рубежные дни – *сороко'вини*, *трети'ни*, причем последнее слово дается без помет (ГГ: 187). Греч. *парастас* в православии обозначает 'заупокойное храмовое богослужение накануне родительских суббот', служитя пять раз в году, в русинском это 'поминальная служба на дому с угощением священника и присутствующих'. Согласно приоритетной версии происхождения, *комашня* свидетельствует об освоении восточными славянами венгерского слова, восходящего к лат. *commater* (русин. *кум*, *кмотер*; *кума*, *кмотра*), по второй и третьей соотносимо с рум. *coteseaîn* 'сотрапезник' или тюрк. *comşu* 'сосед' (ЭСУЯ 2: 532). Еще больше загадок задает *хабатня*, которое, как и *комашня*, отсутствует в списке лексем Южной Славии с данной семантикой (Плотникова 2004: 584–597). В украинском удалось обнаружить лишь жаргонное *хоботня'* в значении 'суета, заботы, хлопоты'. У В.И. Даля встретилось *хобачить* 'хоронить, погребать' (твр.) и *хо(а)птуры*, *холтуры* 'погребень, похороны и поминки' с юго-западным ареалом (Даль 4: 555), в связи с чем напрашивается параллель с *халтура*: от лат.

chartularium, *chartula* 'поминальный список, перечень умерших' к более поздним значениям 'плата, дары священнику за поминовение', 'даровое угощение на похоронах или поминках' и к современной семантике через сближение с глаголом *хара́ть* – 'подработка; побочный заработок (преимущественно легкий); работа, выполняемая помимо или за счет основной'.

На специфику русинской свадьбы вообще и небольшие различия в свадебных обрядах в разных районах Угорской Руси (дни бракосочетания, одежда молодых и др.) указывал в своем обзоре украинский этнограф (Жаткович 1896: 11–21). В частности, он подробно описал ход свадебного *весі́ля*, особенно песенную составляющую свадебных ритуалов (*ладканий*), отметив их особый причитальный характер: «На свадьбі не сьпівають, а латкають. Латканя у тім розходить ся від простого сьпіваня, що латкань сьпівають тихим і смутним тоном» (Жаткович 1896: 13). На основе данного источника и словарей И. Керчи восстанавливается весьма представительная по количеству лексем подгруппа, обозначающая этапы свадебного праздника (*вінчанкы*, *вінчаня* 'венчание', *сва́льба*, *свальбо́ваня*, *жени́тва*, *же́ньба*, *уже́нення*, *побраня*; *пропо́ї* – 'угощение водкой при вручении подарков молодоженам в конце свадьбы', *о́шинкы* – 'прием гостей молодой хозяйкой в завершение свадьбы'); предсвадебные (*сва́таня*, *засва́таня*, *сватанкы*, *то́кма*, (*и*)*спроси́ны* – 'смотрины, когда староста при народе спрашивает невесту о согласии выйти замуж'; *убру́ченя*, *о́гласкы* (*о́голоскы*, *о́глашка*, *о́глашкы*); *до́кладкы* – 'соглашение о приданом'; *мі́нянкы* – 'обмен кольцами', *ді́вичник*, (*в*)*у́куп* (*в*)*у́купеня*); *вінкоплеты* – (этно.) 'обряд плетения свадебных венков', *бо́грейдо́ваня* – 'прикрепление жениху бутоньерки (богрейды)', *гускы* – 'гулянье с музыкой и танцами вечером накануне свадьбы') и послесвадебные действия (*при́ймы* – 'приход молодожена в дом тестя, тещи'; *по́правкы* – 'угощение гостей после свадьбы'; *сващи́ны* – 'обряд разбирания свадебного жезла через неделю после свадьбы сватьями').

В данной группе преобладает славянская лексика, при этом ни у одного из названных выше слов нет абсолютного совпадения с лексикой украинского литературного языка – ближайшие по форме и семантике единицы: *вінча́ння*, *ді́вич-ве́чір*, *ла́дкання*, *сва́тання*, *ити в при́йми*. Нет в украинском и слова *бо́грейдо́ваня*, восходящего к венг. (разг.) *bokrétá* 'букет, пучок цветов', продолжающего «австро-венгерскую» тему. Последняя поддерживается также именами главных участников свадебного обряда: *фра́йр* 'жених' (нем. Freier), *га́зда* 'муж, хозяин', *газды́ня* 'жена, хозяйка' (венг. *gazda*), *шовго́рни́ня*; *шовгри́на* (обл.) 'жена брата' (венг. *sógornő*), вероятно, *а́ндя* 'молодая жена'.

Отдельную подгруппу образуют названия праздников, связанных с трудовой деятельностью, что в целом характерно для славянского общинного мира. В словарях И. Керчи выявлены такие единицы: *переносины* 'переезд на новую квартиру', *дожинкы*, *дожинко'ві осла'вы* 'праздник урожая', *ми'шаня* 'составление сводного стада' (*То такы'й пра'здник, што ёго' сятку'ють всем село'м*). К ним примыкают названия посиделок (*поси'женя, посі'дки, вечур'ки* и *вечуркы'*), сопровождаемые выполнением какого-либо вида работ: (*в*)*ушивачкы'* – с вышиванием, *луцанкы'* – с лущением кукурузы, *пря'дки, пря'хы* – с прядением, *піроску'бы, скубанкы'* – с ощипыванием перьев домашней птицы, а также с ворожкой – *ворожкы'*. Основная словообразовательная модель таких слов широко представлена и в русских говорах: *зажинки, пожинки, посиденки, супрядки, ссыпки* и др.

Названия церковных праздников. Использованные источники позволили также выявить вторую номинативную группу – названия церковных христианских праздников (геортонимы, зортонимы). Среди них праздник праздников – *Вели'кдень* (Пасха), праздники-воспоминания: (*В*)*о**веде'ніє* (21.11 (4.12); *Ма'ря / Друга Ся'та / Мала Богоро'диця / Рудзво' Богоро'диці* – Рождество Богородицы (8 (21).09); *Ма'ря / Перва Ся'та / Велика Богоро'диця* – Успенье Богородицы (15(28).08), *Покровы, Покров* – день Покрова Св. Богородицы (1 (14).10); *Стріте'ніє / Грумни'ці* – Сретенье (2(15).02); *Воздвиже'ніє / (И)Здви'гы* – Воздвижение честного Животворящего Креста Господня (14 (27).09); *Вознесе'ніє / Возне'сеня / (В)Озн'есія* – Вознесенье (четверг, 40-й день по Пасхе); праздники-памяти: *Варва'ра* (обл. *Борба'ла*) – день великомученицы Варвары (4(17).12), *Главос'ікы* – Усекновение главы Иоанна Предтечи (29.08 (11.09)), *Мику'ла* (мн. *Мику'лы*) / *Нико'ла / Николая Чудотворця* – день памяти чудотворца Николая (6 (19).12); этапных для церковного календаря периодов и событий (*руздвяны'й за'спулник* – неделя после Рождества; Святки, *Сві'тлый ты'ждень* – неделя после Пасхи, *мясни'ці, фаши'нгы*, (обл.) *фарша'нгы* – масленица, мясоед, всего – около 100 номинем.

Состав русинских геортонимов демонстрирует развитую синонимию, что можно подтвердить следующими, дополнительными к названным выше примерами: *Пе'тра рl / Пе'трув день / Петра-Павла* – день первоверховных апостолов Петра и Павла (29.06 (12.07)), *Богоро'дичні / Маріа'нські ся'та, Цвь'іто / Цвітна' неді'ля / Шутко'ва неді'ля* – Вербное воскресенье; Вербная неделя (*шутка* (*багні'тка*) – ветка вербы с цветом) и др. Как представляется, формирование синонимичных рядов обусловлено двумя важнейшими факторами. Во-первых, синонимия явилась следствием образования народных параллелей к церковным названиям – за счет областных слов (*На*

святю Стрпте'ніє в народї щи кажут Грумниці (Керча 2007 1: 183)), ономастической редукции официального геортонима (*Успение пр. Д. Марии – Успение* (ПК 1896: 48), его последующей плюрализацией (*Здвигы, Миколы, Микиты, Покровы*), регулярной персонификацией (ср.: *На Иля дополудне літо, а пополудню уже осень / Иля начи'нат жни'во и ко'нчат лі'то* (Керча 2007 1: 379)). Особенно часто сокращение полного названия праздника сопровождается заменой официального имени святого на интимно-бытовое: так, день памяти святой мученицы Евдокии (русин. *Євдокія*) (1 (14).03) обозначается как *Дотя (Дотё) (Кедь на Дотю дождь паде, мокрый буде рук, а кедь сніг паде – много будет садовины)*, а преподобной Феодоры (11(24).09) – *Федя (Конец літа на Федю)* (Жаткович 1896: 5). Словари И. Керчи отражают также: *Ми'тер, Ми'тра* 'день памяти Дмитрия Солунского (26.10 (8.11))' (*митро'вка, Ми'трова ружа 'хризантема'*), *Я'куб*, (нар.) *Я'цько, Я'цька* 'день апостола Якова (9(22).10)' и многие др. «Свойскость» проявляется даже в имени Иисуса Христа: на Святки – *на Исуска* (Керча 2012 2: 351).

Регулярный характер образования подобных вариантов названий, активное участие последних в коммуникации доказываются их параллельным употреблением к официальным геортонимам в церковных календарях, адресованных русинам. Например, в календаре на 1897 г. встретилось: *Суббота усопших (Задушниця), Сошествие Святого Духа (Русалья), Рождество Иоанна Крестителя (Иван-день), Воздвижение ч. Креста – Воздвижение* (ПК 1896: 44–45), а в месяцеслове на 1908 г. – *Вилія (Навечерие) Богоявления, пост Успенья (Маккавейский, или Спасовка), Усекновение главы св. Иоанна Крестителя (Главосеки), Воздвижение ч. Креста (Здвига), Филипповка (пост Рождественский), Вольницы, т. е. згальны седмицы, в которых мясо в середу и в пятницу ести дозволяется* (НПК 1908: V).

Вторым фактором, обеспечивающим широкую синонимию названий церковных праздников у русинов, служит их вероисповедание: в русинской среде есть православные и грекокатолики (униаты, подчиняющиеся Ватикану, но сохраняющие обычаи православных)³, а также самое бытование народа в окружении многих этносов. Не случайно во всех календарях русский и римский варианты месяцесловов приводятся параллельными текстами, а, например, информация о сроках предстоящих в году больших торгов (ярмарок) уточняется следующим образом: «Дале *русск. Успения и Михаила*»; «во вторн. седмиць *латинск. Благовещ., Пасхи, Бож. Тела*»; «по черной нед. *русской*» (НПК 1908: 118–119).

Как известно, католический и православный календари церковных праздников различаются как в части их списка, статуса, так и датах

празднования. В частности, событие, связанное с крещением Иисуса Христа в водах Иордана Иоанном Предтечей, отмечается католиками 6 января как торжество Богоявления (День Трех Царей), а православными 19 января – как двенадесятый праздник, более известный под названием Крещение Господне (Крещенье, Кщение). По данным словарей И. Керчи, русины называют его *Водо'щі, Три Кра'лі (Трикра'лі), Богоявле'ніє, Водосвя'тіє*. Соответственно, крещенский – это *трикралёвый*; крещенские морозы – *морозы на Водо'щі*; крещенский сочельник (Навечерие Богоявления) – *Ба'бин / Трикралёвый Ве'чур; Трикралёва Велі'я* (Керча 2012 1: 425). Или: Пепельной среде – дню начала католического Великого поста, отмечаемого за 46 дней до Пасхи, – соответствует православный Чистый понедельник – первый день Федоровой недели, начинающий сорокадневный пост (пост Св. Четырешдцатици). В лексикографических трудах И. Керчи указана *По'пільна (Попіля'на) Середя', а Чистый понеділок* трактуется как *день мертвы'х* (у православных дни поминовения усопших, так называемые родительские, приходятся на 2, 3 и 4-ю субботы Великого поста) (Керча 2012 2: 174).

Отмечая высокую степень религиозности русинов, Ю. Жаткович замечает: «Які погляди мають русини на сусідні віри, вказує отся приповідка:

Руські мости,
Папські пости,
Калвінське набоженство:

Ото вшистка блазенство»⁴ (Жаткович 1896: 35).

Судя же по привлеченным к исследованию материалам, русины живут в парадигме своих и чужих праздников и могут перенимать как их названия, так и праздничные традиции, ритуалы, о чем свидетельствуют контексты: *Вуто'рок Руса'льный не є с'я'то, єдна'кож на по'лю лю'де не смі'ють роби'ти, и так на 9. четве'рьк по Вели'кодню, коли па'піші (католики) пра'зднуют Бо'жоє Ті'ло* (Керча 2007 2: 421). Справедливость данного утверждения доказывает и синонимия в этом классе онимов: *Рождество / Руздво' / Кере'чун (Кара'чун, Кра'чун); Ба'бин Ве'чур / Трикралёва Велі'я* – Навечерие Богоявления); *Передве'чур / Вігілія / Велі'я* – канун церковного праздника, сочельник; *Пилипо'вець / Філіпо'вка / А'двент* – 6-недельный рождественский пост; *Дев'ятий Четве'рьк (Четверток) / Бо'жоє Ті'ло / С'я'ток Бо'жого Тіла / Руса'льный четве'рь* – праздник тела Господня. Особенно ярко она проявляется в антропонимах – сугубо этнонагруженных знаках: *Ива'ндень / Йвандень / Я'на / Ива'нув (Я'нув) день / Купало* – рождество Иоанна Предтечи (26.06 (7.07)); *То'маш / Фо'маш* – день апостола Фомы (29.12 (12.01)), *Мига'ль / Михаил / Мигай (у мадярув)* – Собор архистратига Михаила (8 (21).11) и др.

Праздничный синкретизм нашел отражение в названиях месяцев, производных от геортонимов. Появление подобных имен С.М. Толстая характеризует как славянскую народную традицию и указывает на наличие подобных названий практически во всех языках этой группы (Толстая 2004: 237–241). Например, в говорах русского языка январь называется Васильевым, сентябрь – Семеновским месяцем, февраль – Сретеньем. Именно след славянского влияния в бытовании такого типа наименований в новогреческом народном календаре (март – Благовестник, апрель – Святой Георгий, июнь – Святоивановский, декабрь – Рождественский и др.) отмечает О.В. Чёха (Чёха 2015: 299–300). Известна эта традиция и русинам: *фeбруар – первый місяць говіня, апріль – Юрюв, децембер – Руздва* и др. Большинство из подобных названий могут быть соотнесены с датами как православных (по старому стилю), так и католических праздников (*юній – Иванув (Янув) місяць, новембер – Адрюів місяць*), но названия января (*місяць Пресятої Богородиці*), мая (*Маріин місяць*), июля (*Якубув місяць*), октября (*місяць Всіх Сятых*) соответствуют календарю католиков и их культу Девы Марии, в то время как август (*Иляшний місяць*) – календарю православных, причем по новому стилю (2 августа) – католики празднуют его 16 февраля. Ср.: укр. *ильовиць, Илевий м.* – это июль или август, болг. *Илински, илиевски* и серб. *илијнски, светоилински, илинштак (илијштак)* – июль, слов. июль – *mesiac apoštolsky, m. Cyrillo-Methosky*, август – *m. svatoštetfanský*; слвн. июль – *jakobešček*, август – *gospojnik* (Толстая 2004: 238–240).

Выводы. Яркая культурная маркированность данной лексики, ее способность отражать ценности этноса, тесно связанные с историей его развития, формированием мировосприятия и верований его представителей, делают ее привлекательным объектом исследований для специалистов разных отраслей гуманитарного знания.

Проведенный анализ показал, что в русинском языке сложилась весьма своеобразная система праздничных наименований. Ее специфику составляют уникальные по форме и / или семантике названия (*ся'то, ся'ток, гаювки, (у)спроси'ны*). Например, пасхальные понедельник, вторник русины обозначают как *поливальный понеділёк, уторок*, что отражает обычай обливать в эти дни водой людей (преимущественно молодежь, чаще девушек), распространенный, кроме Западной Украины (*обливаний понеділок, полеваний понеділок, уливанка, волочильний понеділок, Богородици*), в Польше (*Śmigus-dyngus, polewanką, lejkiem*), Чехии (*Červené pondělí*), Словакии (*oblévačka*), Венгрии (*locsolkodás*), причем русинские варианты названия не соответствуют полностью ни одному из языков (Керча 2012 2: 93).

Эта лексическая группа характеризуется развитой синонимией, которая сформирована во многом под влиянием экстралингвистических факторов. Важнейший из них – условия проживания народа: так, естественная территориальная изоляция карпатских русинов способствовала сохранению архаичных праздничных обрядов и / или их названий (*лопатки*, *о'тпуст*, *Кере'чун*), пополнению списка последних областными лексическими единицами (*Грумни'ці*, *хаба'тня*). В свою очередь, поликультурное окружение, широкое расселение народа по ряду стран, прерывание традиций православия для части русинства обеспечили приток в язык заимствований из родственных (*Руздво*) и неродственных языков (*А'двент*). Наиболее заметный след из них оставили венгерский (*діномда'ном*, *бог'рейд'ованя*) и немецкий языки (*фаши'нгы*), что свидетельствует о былом вхождении русинских земель в состав Австро-Венгрии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Известный историк, этнограф, переводчик Ю. Жаткович писал по этому поводу: «Думки і гадки кожного народу найліпше можна пізнати при його родинних обходах, в котрих так відбиваєсь дух, звичаї і погляди його» (Жаткович 1896: 11).

2. Автор выражает искреннюю признательность кандидату исторических наук, редактору журнала «Русин» С.Г. Суляку, любезно указавшему на ценные источники – народные календари и месяцесловы Подкарпатья за ряд лет.

3. Ужгородская уния была заключена в 1646 г. По данным Межрегиональной общественной организации «Объединение русинов», в Закарпатье среди представителей этого народа 35 % греко-католиков.

4. Русские мосты, католические посты, кальвинистская обрядность – вот такое сумасбродство.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

блр.	– белорусское
болг.	– болгарское
венг.	– венгерское
греч.	– греческое
и.-е.	– индоевропейское
ист.	– историзм
лат.	– латинское

мн.	– множественное число
нар.	– народное
нем.	– немецкое
обл.	– областное
польск.	– польское
разг.	– разговорное
рум.	– румынское
рус.	– русское
русин.	– русинское
серб.	– сербское
словен.	– словенское
слвц.	– словацкое
твр.	– тверское
тюрк.	– тюркское
укр.	– украинское
хорв.	– хорватское
чеш.	– чешское
этн.	– этнографизм
pl	– множественное число

ЛИТЕРАТУРА

ГГ - Гуцульські говірки. Короткий словник / Від. ред. Я. Закревська. Львів, 1997. 232 с.

Гиндин, Калужская 1991 - *Гиндин Л.А., Калужская И.А.* Славистические аспекты карпатского языкознания // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1991. С. 187–188.

Даль 4 - *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 4. 683 с.

Жайворонок 2006 - *Жайворонок В.В.* Знаки української етнокультури: Словник-довідник. Київ: Довіра, 2006.

Касторский 1841 - *Касторский М.* Начертание славянской мифологии. СПб., 1841. 183 с.

Керча 2007 1 - *Керча И.* Русинско-русский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 1. 608 с.

Керча 2007 2 - *Керча И.* Русинско-русский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 2. 608 с.

Керча 2012 1 - *Керча И.* Русско-русинский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. Т. 1. 580 с.

Керча 2012 2 - *Керча И.* Русско-русинский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. Т. 2. 596 с.

НПК 1908 - Народный подкарпатский календарь на 1908 г.: В пользу и употребление греко-кат.[олического] русского народа / Сост. о. Эмилий А. Кубек. Унгвар, 1907. 198 с.

Плотникова 2004 - *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. 768 с.

ПК 1896 - Подкарпатский календарь с типиком на год 1897. В пользу и употребление подкарпатского греко-кат.[олического] угро-русского народа / Сост. В. Ieger. Унгвар, 1896. 166 с.

РНК 2015 - *Моргунова О.В., Кривошапова Ю.А., Осипова К.В.* Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / Науч. ред. Е.Л. Березович. М.: Аст-Пресс Книга, 2015. 544 с.

СРЯ 18 - Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1992. Вып. 18. 290 с.

СРЯ 23 - Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1996. Вып. 23. 253 с.

Терентьева 2012 - *Терентьева Е.Ю.* Народные названия церковных праздников в русской и болгарской православной традиции. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 22 с.

Толстая 2004 - *Толстая С.М.* Месяцы // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 236–241.

Толстая 2009 - *Толстая С.М.* Праздник // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 237–240.

Топоров 1982 - *Топоров В.Н.* Праздник // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1982. Т. 2. С. 329–331.

Черных 1999 - *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Рус. яз., 1999. Т. 2. 560 с.

Чеснокова 2011 - *Чеснокова П.* Геортонимы: тенденции развития, сферы влияния // Известия ВГПУ. 2011. Вып. № 2, т. 56. С. 46–50.

Чёха 2015 - *Чёха О.В.* Названия месяцев в новогреческом народном календаре // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы III Междунар. науч. конф. : Екатеринбург, 7–11 сентября 2015. Екатеринбург: УрГУ, 2015. С. 298–300.

Шангина 2003 - *Шангина И.И.* Русский народ. Будни и праздники: Энциклопедия. СПб.: Азбука-классика, 2003. 560 с.

Шемякин - *Шемякин Я.Г.* Праздник как историко-культурный феномен: мир идеала и реальность власти. URL: https://mipt.ru/education/chair/liberal_arts/courses/history/shemyakin_new.php (дата обращения: 3.09.2015).

ЭСБЭ 30 - Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: типолитография И.А. Ефрона, 1895. Т. 30. С. 479–960.

ЭСУЯ 2 - Этимологічний словник української мови. Київ: Наукова думка, 1996. Т. 2. 570 с.

REFERENCES

Zakrevska, Ya. (ed.) (1997) *Gucul'ski govirki. Korotkiy slovnik* [The Huzul regional Dialects. The Concise Dictionary]. Lviv: Institute of Ukrainian Studies.

Gindin, L.A. & Kaluzhskaya, I.A. (1991) Slavisticheskie aspekty karpatskogo yazykoznanija [Slavic Aspects of Carpathian Linguistics]. In: Bulatova, R.V., Zamyatina, G.I. & Nikolaev, S.L. (eds) *Slavistika. Indoeuropeistika. Nostratika* [Slavistics. Indo-European Studies. Nostratics]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies. pp. 187-188.

Dal, V.I. (1955) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.

Zhayvoronok, V.V. (2006) *Znaki ukrainskoy etnokul'turi: Slovnik-dovidnik* [The signs of Ukrainian ethno-culture. The Dictionary-Guide]. Kiev: Dovira.

Kastorskiy, M. (1841) *Nachertanie slavyanskoy miphologii* [The outline of Slavic mythology]. St. Petersburg: E. Fischer.

Kercha, I. (2007a) *Rusinsko-russkiy slovar'* [The Rusinian-Russian Dictionary]. Vol. 1. Uzhgorod: PolyPrint.

Kercha, I. (2007b) *Rusinsko-russkiy slovar'* [The Rusinian-Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhgorod: PolyPrint.

Kercha, I. (2012) *Russko-rusinskiy slovar'* [The Russian-Rusinian Dictionary]. Vol. 1. Uzhgorod: PolyPrint.

Kercha, I. (2012) *Russko-rusinskiy slovar'* [The Russian-Rusinian Dictionary]. Vol. 2. Uzhgorod: PolyPrint.

Emiliy A. Kubek, E. (1907) *Narodnyy podkarpatskiy kalendar' na 1908 g.* [The SubCarpathian Folk Calendar for 1908]. Ungvar.

Plotnikova, A.A. (2004) *Etnolingvisticheskaya geographiya Yuzhnoy Slavii* [The ethno-linguistic geography of South Slavia]. Moscow: Indrik.

Leger, V. (1896) *Podkarpatskiy kalendar' s tipikom na god 1897* [The Subcarpathian Folk Calendar with Typicon for 1897]. Ungvar.

Morgunova, O.V., Krivoshchapova, Yu.A. & Osipova K.V. (2015) *Russkiy narodnyy kalendar'. Etnolingvisticheskiy slovar'* [The Russian Folk Calendar. The Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.

Bogatova, G.A. (ed.) (1992) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian Language on the 11th–17th centuries]. Vol. 18. Moscow: Nauka.

Bogatova, G.A. (ed.) (1996) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian Language on the 11th–17th centuries]. Vol. 23. Moscow: Nauka.

Terentieva, E.Yu. (2012) *Narodnye nazvaniya tserkovnykh prazdnikov v russkoy i bolgarskoy pravoslavnoy traditsii* [The folk names of religious holidays in Russian and Bulgarian Orthodox tradition]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

Tolstaya, S.M. (2004) Mesyacy [Months]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities. The Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 236-241.

Tolstaya, S.M. (2009) Prazdnik [The holiday]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities. The Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 237-240.

Toporov, V.N. (1982) Prazdnik [The holiday]. In: Tokorev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira: Entsiklopediya* [Myths of the World: An Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya. pp. 329-331.

Chernykh, P.Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [The Historical-Etymological Dictionary of Modern Russian]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.

Chesnokova, P. (2011) Geortonomiy: tendentsii razvitiya, sphony vliyaniya [The names of the religious holidays: The trends and spheres of influence]. *Izvestiya VGPU – Izvestia of Voronezh State Pedagogical University*. 56(2). pp.46-50.

Chyokha, O.V. (2015) [The names of the months in the modern Greek folk calendar]. *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology]. Proc. of the 3rd International Research Conference. Ekaterinburg, 7–11 September 2015. Ekaterinburg: Urals State University. pp. 298-300 (In Russian).

Shangina, I.I. (2003) *Russkiy narod. Budni i prazdniki: Entsiklopediya* [The Russian people. Weekdays and holidays: An Encyclopedia] St. Petersburg: Azbuka-klassika.

Shemyakin, Ya.G. (n.d.) *Prazdnik kak istoriko-kul'turnyy fenomen: mir ideala i real'nost' vlasti* [The holiday as a historical and cultural phenomenon: The ideal world and the reality of power]. [Online]. Available from: http://mipt.ru/education/chair/liberal_arts/courses/history/shemyakin_new.php (Accessed: 3rd September 2015).

Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. (1895) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [The Encyclopedic Dictionary]. Vol. 30. St. Petersburg: I.A. Efron.

Melnichuk, O.S. (1996) *Etimologichniy slovník ukraïnskoï movi* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 2. Kiev: Naukova dumka.

Старикова Галина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Томского государственного университета (Россия).

Starikova Galina – Tomsk State University (Russia).

E-mail: gstarikova@yandex.ru

УДК 81'112

UDC

DOI: 10.17223/18572685/45/12

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ *КАРТАВЫЙ* В РУСИНСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

С.А. Толстик

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: stolstik@mail.ru

Авторское резюме

В работе исследуются история и происхождение русинского прилагательного *картавый*, которое характеризует низкорослого человека со слабым здоровьем. Помимо русинского адъектив *картавый* представлен только в восточнославянском ареале – в русском и белорусском языках – со значением дефекта речи. В результате проведенного сравнительно-исторического анализа было выявлено, что производящей основой для восточнославянского прилагательного **kьrtavъ* является глагол **kьrtati* / **kьrtěti* / **kьrtiti*, широко представленный в разных группах славянских языков, в основном с деструктивной и речевой семантикой. Возникновение данных межъязыковых соответствий омонимичного характера ('низкорослый' и 'имеющий дефекты речи') в русинском и в других восточнославянских языках является результатом расхождения семантики слов с изначально общим этимоном.

Ключевые слова: диахрония, историческая лексикология, этимология, мотивация, славянское языкознание, сравнительно-историческое языкознание, межъязыковая омонимия.

THE ADJECTIVE *KARTAVYY* IN THE RUSIN LANGUAGE AS A CHARACTERISTIC OF HUMAN APPEARANCE

S.A. Tolstik

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: stolstik@mail.ru

Abstract

The article dwells on the history and origin of the Rusyn adjective *kartavyy* that characterizes an undersized person with poor health. Besides the Rusyn language, the word *kartavyy* is found only in the East Slavic area – in the Russian and Belarusian languages – with the meaning of speech defect. The comparative historical analysis shows that the derivational stem for the East Slavic adjective **kьrtavь* is the verb **kьrtati / *kьrtěti / *kьrtiti*, widely represented in different groups of Slavic languages primarily with destructive and verbal semantics. The interlingual homonymic correspondences ('undersized' and 'having speech defects') in the Rusyn and other East Slavic languages result from the divergence in the semantics of the words with the common etymon.

Keywords: diachrony, historical lexicology, etymology, motivation, Slavic linguistics, comparative historical linguistics, interlingual homonymy.

Значительный интерес для изучения лексики славянских языков представляют межъязыковые омонимы, которые можно характеризовать как «слова обоих языков, сходные по степени отождествления, по звуковой (или графической) форме, но имеющие разные значения» (Акуленко 1969: 371–372).

Проблемы русинско-русских межъязыковых омонимов подробно были освещены в статье В.Г. Наумова «Русинско-русские межъязыковые формально-семантические соответствия в лексикографическом представлении: принципы создания учебного словаря», где впервые лексикографической обработке подвергся русинско-русский материал такого рода (Наумов 2014).

В данной работе мы обращаемся к русинскому прилагательному *картавий*, имеющему совершенно другое значение, чем формально такое же русское прилагательное.

В русинском языке прилагательное *картавий* используется как характеристика внешности, обозначая низкорослого человека со слабым здоровьем – 'чахлый, хилый; малорослый; квелый, слабый, болезненный, вялый' (Керча 2007 1: 401; Керча 2012 1: 464).

Производные лексемы в русинском языке тоже отражают семантику слабости, болезненности и небольшого роста человека: существительное *картавость* 'слабость, вялость, болезненность; чахлость, хилость, измельчание' и глагол *картавіти* 'чахнуть, хилеть, который также имеет значение, связанное с ухудшением состояния чего-либо, – 'вырождаться; пропадать; приходиться в упадок' (Керча 2007 1: 401; Керча 2012 1: 464).

Поскольку данные истории русинского языка для нас недоступны, обратимся к материалу других славянских языков с целью выяснить

истоки возникновения семантики внешности у исследуемого прилагательного, истоки межъязыковой омонимии.

В восточнославянских языках, а именно в русском и белорусском, адъектив *картавый* в первую очередь характеризует дефекты произношения.

В русском литературном языке XIX–XXI вв. лексема *картавый* имеет значения ‘неправильно, нечисто произносящий *р* или *л*’, субстантивированное разговорное ‘тот, кто неправильно, нечисто произносит *р* или *л*’, а также ‘грассирующий’ (Ефремова 1: 650; СлРЯ 2: 35; Сл. ц-сл. 2: 164). Однокорневые образования тоже отражают семантику дефекта произношения: в литературном языке существительное *картавость* ‘свойство картавого’, наречие *картаво* ‘неясно, с картавостью’, глагол *картавить* ‘произносить неправильно, нечисто звуки *р* или *л*’ и некоторые другие (Ефремова 1: 650; СлРЯ 2: 35; Сл. ц-сл. 2: 164).

В русских народных говорах прилагательное *картавый* также может характеризовать человека и особенности его речи, не обязательно связанные с произношением звуков *р* и *л*. Так, в русских говорах Карелии слово *картавый* отмечено в значении ‘косноязычный, нескладный, неясный’: *Да тут байте, надо говорить на своем картавом языке* (СГ Карел. 2: 329).

Производные слова в диалектах в основном также имеют семантику дефекта речи: прилагательное *картавитый* ‘немного картавящий’ (перм.): *Сороку взять – щекотлива, ворону взять – картавита*, существительные *картавеха*: *Во картавеха, не по-русски говорит, картавешка* (смол.), *картавень* (неодобр., бранное) ‘картавый человек’ (куйбыш.): *Эх, ты, картавень... говорить не умеешь, картавина* ‘картавость (в произношении)’ (ряз.), ‘дефект’ (смол.) в выражении *с картавиной* ‘с некоторым дефектом речи, картавостью, невнятностью’ (Сл. смол. 5: 17; СРНГ 13: 99; ССРНГ: 218). Глагол же *картавить* в русских говорах наряду с семантикой дефекта речи (пск., твер.) имеет и значения, отрицательно характеризующие неискренние действия человека – ‘фальшивить, кривить; делать дело лениво, для вида’: *Служить, так не картавить, а картавить, так не служить* (Даль 2: 232). *Докартавишься до чего-нибудь. Накартавил, да и ушел. Покартавил немного. Не подкартавливай, не перекартавливай никого*. Глагол *картавить* в говорах также представлен в значении ‘лгать’: *скартавил, солгал* (Даль 2: 232). Дефект речи человека в псковских и тверских говорах также характеризует глагол *картать* (без суффикса *-ав-*) ‘картавить’ (СРНГ 13: 99).

В северных русских диалектах отмечается внешне похожий, возможно, родственный глагол *картить*, имеющий значение ‘чесать, бить

(шерсть)' (КАССР, Мурман.) (СРНГ 13: 100). В этом же значении и как 'бранить, ругать' отмечен и уже указанный глагол *картатъ* (зап., южн.) (СРНГ 13: 99).

Обращает на себя внимание зафиксированное в вятских говорах, возможно, однокорневое прилагательное со значением внешности человека *картланыи* 'низкорослый' (СРНГ 13: 100), что семантически совпадает с русинским прилагательным *картавыи*. В «Областном словаре вятских говоров» приводится другая форма – *картланыи* 'низкорослый' (Областной словарь 5: 28). В таком случае в «Словаре русских народных говоров», по всей видимости, представлена ошибочная форма. На основании приведенного материала пока нельзя однозначно сказать, имеет ли отношение это вятское прилагательное к анализируемому адъективу *картавыи*.

Белорусская лексема *картавы* имеет значение, характеризующее речевые особенности – 'человек с невыразительной речью' (ЭБ 4: 279–280). Производными являются, как и в русском языке, глагол *картавиць* 'говорить картаво' (ЭБ 4: 280), существительное *картаवेशка* (диал.) 'человек с невыразительной речью' (ЭБ 4: 279).

В исторических словарях русского и белорусского языков наряду с гласным *а* в корне – *картавыи* отмечается форма с гласным *о* – *кортавыи* с тем же значением дефекта речи: рус. *А жена ево Федоска ростом велика, носата, рожием бела, очи серы, кортава, волосы черны. XVII в., блр... плыл в ковчегу для того был гугнив кортавь* (ИстБ 14: 291; СРЯ XI–XVII 7: 345). В этих же языках прилагательное *картавыи* (*кортавыи*) встречается как имя собственное, как прозвище: рус. *Явил воронежец Евсеи Кортаваи осмнатцать лисиць. XVII в., блр. Сукна купили отъ Ивана Картавого... XVII в.* (ИстБ 14: 291; СРЯ XI–XVII 7: 345).

В русском языке XVII в. зафиксирован, по всей видимости, производящий глагол для анализируемого прилагательного *кортати* как характеристика дефекта речи человека, но не его внешности – 'картавить': *Ростом Васюк высок, языком кортает, волосом рус.* Новг. каб. кн. (СРЯ XI–XVII 7: 345). Авторы «Этимологического словаря белорусского языка» предполагают, что белорусское и русское прилагательные являются полонизмами по происхождению, хотя польская соответствующая лексема не зафиксирована (ЭБ 4: 280).

В других славянских языках прилагательное *картавыи* не отмечено.

На основании приведенного славянского материала по прилагательному *картавыи* / *кортавыи* реконструируется праформа с редуцированным заднего ряда в корне **kьrtavъ* (Фасмер 2: 203), что в свою очередь восходит к глаголам **kьrtati* / **kьrtěti* / **kьrtiti*, широко представленным в славянских языках (ЕСУМ 2: 396; ЕСУМ 3: 44; ЭССЯ 13: 241–242; Miklosich 1886: 157).

Рассмотрим рефлексы праславянских **kьrtati* / **kьrtěti* / **kьrtiti* в разных группах славянских языков (ЕСУМ 2: 396; ЕСУМ 3: 44; Керча 2007 1: 436; Преображенский 1: 300; Рудницкий 2: 626; Фасмер 2: 203; ЭБ 4: 283; ЭССЯ 13: 241–242; Hnat 2003: 62; Miklosich 1886: 157; Karłowicz 2: 318; SS 3–6 (19): 244).

В восточнославянских языках отмечаются глаголы с семантикой желания: русин. *корміти*, *кортеми* ‘хотеться, не терпеться’ (а также однокорневые образования *кортяный* ‘желанный, вожделенный, кортячка ‘охота’), рус. диал. *кортетъ*, *кортить* ‘испытывать неопределенное желание’, укр. *корміти* ‘хотеться, не терпеться’, блр. *карціць* ‘сильно хочется (безличное)’, диал. *карцець* ‘сильно хотеться, беспокоиться’, с семантикой слабости здоровья: руск. *кортетъ*, *кортить* ‘болеть, чувствовать боль’ (пск., влад., смол., твер., ворон., брян.), *куртатъ* ‘хворать, недомогать’ (нижегор.), с речевой семантикой разного характера: рус. диал. *картатъ*, *картить* ‘картавить’ (пск., твер.), ‘бранить’ (зап., южн.), укр. *картати* ‘порицать, упрекать, корить’, а также с деструктивной семантикой: рус. диал. *картить* ‘чесать, бить (шерсть)’ (КАССР, мурман.). В староукраинском зафиксирован глагол *кортати* в значении ‘наказывать’, что семантически производно от ‘порицать, упрекать, корить’.

В западнославянском ареале представлены следующие родственные глагольные лексемы с речевой семантикой: польск. *karcić* (*się*) ‘ругаться, порицать, срамить, бранить’, польск. диал. *kartać* ‘уговаривать’, ‘подстрекать’, чеш. диал. *kartit* ‘бранить’, с деструктивной семантикой: в.-луж. *korcić* ‘долбить, рыть’, чеш. диал. *kartit* ‘портить’. Частные воплощения деструктивной семантики различны в западнославянских языках: это и указанные значения физического воздействия, и семантика эмоциональной сферы (польск. *korcić* ‘беспокоить, мучить’, старопольск. ‘противиться, ссориться’).

В южнославянских языках однокорневыми являются глаголы в основном с деструктивной семантикой как физического характера: болг. *къртя* ‘ломать’, макед. *крти* ‘ломать, разрушать’, с.-хорв. стар. редк. *krtiti* ‘мучить; ломать, крушить, крошить’, словен. *krtati* ‘царапать, зазубривать’, так и эмоционального: с.-хорв. *кртем* ‘затаить ненависть’, а также со значением желания – болг. *къртя* ‘сильно хотеть’ и как характеристика медлительности действия человека, сомнения – с.-хорв. диал. *кртими* ‘колебаться, медлить, мешкать’.

Таким образом, в семантической структуре славянских рефлексов **kьrtati* / **kьrtěti* / **kьrtiti* нет значения внешности, ее параметрической характеристики ‘небольшого роста, малорослый’, но представлены в основном деструктивные значения разного характера (физического и эмоционального воздействия) и речевые (‘картавить’, ‘бранить, по-

рицать). Деструктивные значения 'портить, ломать' и т. п. могут быть производящими для речевой семантики, ср., напр., рус. *ломать* – *уламывать* 'уговаривать, убеждать' (ЭССЯ 13: 242). В семантической структуре глаголов **kьrtati* / **kьrtěti* / **kьrtiti* выбивается представленное преимущественно в восточнославянском ареале значение 'хотеть(ся), беспокоить', но оно, возможно, также производно от деструктивной семантики > 'беспокоить' > 'не терпеть, (сильно) хотеть'.

Авторы ряда этимологических словарей (БЕР 3: 221; ЭССЯ 13: 242) говорят о дальнейшей производности **kьrtati* / **kьrtěti* / **kьrtiti* от и.-е. **(s)krto-*, страдательного причастия прошедшего времени от **(s)ker-* / **s(kr)-* 'резать', ср. лит. *kirstu* 'рубить', латыш. *cirst* 'стегать; удалять; рубить' (ЭБ 4: 283).

В семантике русинского прилагательного *картавий*, таким образом, мы наблюдаем развитие семантики от 'отрезанный, отрубленный' к 'маленький, низкорослый', ср. этимологически родственное рус. *короток*, *короткий*, которое тоже используется как характеристика небольшого роста человека. Исходное индоевропейское значение 'резать, рубить' в славянских языках подтверждается, например, наличием в белорусском языке существительного *картак* 'мужчина без рук' > 'с отрезанными руками' (ЭБ: 280). Связь интересующего нас значения 'небольшого роста, малорослый' и 'отрезанный, отбитый, отрубленный' типологически прослеживается и на таких примерах, как рус. диал. *дробный* 'малорослый, слабый, тщедушный, худой' – от *дробить*, однокорневое блр. *здрабнелы* 'небольшой, похудевший' (Толстик 2004: 92–95), рус. диал. костромское *осколок*, рус. *осколковатый* 'худой, изможденный человек' (XVII в.) < 'маленький' (СРНГ 24: 13; Словарь XI–XVII 13: 95).

В этимологической литературе встречались и другие этимологические решения относительно *картавий* или *картать*. Так, существует предположение о связи прилагательного *картавий* со ст.-сл. *крѣтъние* *γρουλλισμός* 'grunnitus, визг, хрюканье', которое далее сближают с др.-инд. *kart-* (*kīrtáyati*) 'говорить' (Преображенский 1: 300; Фасмер 2: 203; ЭУкр. 2: 396; Miklosich 1886: 157). Другие гипотезы: сближение анализируемого прилагательного с тоже звукоподражательным греч. *κρότος* 'хлопанье, шум, гул' (А. Маценауэр); сравнение с греч. *κέρτιος* «серый дятел», арм. *կՈրտՁմոյի* 'роптать, жаловаться, бранить'; Н.В. Горяев связывает с *гортань* (Горяев 1896: 135). В.И. Даль под вопросом сопоставляет *картать* с *карать* или *корить* (Даль 2: 232). Но эти этимологические решения в основном характеризуются этимологами как маловероятные (ЭССЯ 13: 242).

В русинском и других восточнославянских языках от исходной деструктивной семантики развитие значений, таким образом, пошло

в разных направлениях: в русском и белорусском как характеристика «поломанной, испорченной» речи (или же ‘говорящий скороговоркой, сокращенно?’), в русинском языке как характеристика низкого роста человека и слабого здоровья.

Указанное выше русское вятское прилагательное *картланый* с той же семантикой внешности (параметрическая характеристика), что и в русинском языке, вероятно, не имеет отношения к анализируемому прилагательному *картавий*. Возможно, вятское *картланый* является заимствованием из языков местного населения, ср. в чувашском *картлан* ‘морщиться’, ‘зазубриваться’ и др. (Скворцов, Скворцова). В таком случае возможным развитием семантики чувашского слова могло быть: ‘сморщенный’ > ‘усохший’ > ‘низкорослый’. Если же верной была форма *картлапый*, то исходной могла быть семантика ‘с короткими лапами’ > ‘низкорослый’.

Подводя итоги, отметим, что возникновение представленных межъязыковых соответствий омонимичного характера (‘низкорослый’ и ‘имеющий дефекты речи’), с одной стороны, в русинском, с другой стороны – в остальных восточнославянских языках является результатом расхождения семантики слов с изначально общим этимологом.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

арм.	– армянский язык
бел.	– белорусский язык
блр.	– болгарский язык
в.-луж.	– верхнелужицкий язык
греч.	– греческий язык
диал.	– диалектное
др.-инд.	– древнеиндийское
и.-е.	– индоевропейское
латыш.	– латышский язык
лит.	– литовский язык
макед.	– македонский язык
польск.	– польский язык
рус.	– русский язык
русин.	– русинский язык
с.-хорв.	– сербохорватский язык
словен.	– словенский язык
ст.-сл.	– старославянский язык
старопольск.	– старопольский язык
укр.	– украинский язык

чеш.	– чешский язык
брян.	– брянское
влад.	– владимирское
ворон.	– воронежское
зап.	– западное
куйбыш.	– куйбышевское
мурман.	– мурманское
нижегор.	– нижегородское
перм.	– пермское
пск.	– псковское
ряз.	– рязанское
смол.	– смоленское
твер.	– тверское
южн.	– южное

ЛИТЕРАТУРА

Акуленко 1969 - *Акуленко В.В.* Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». М.: Сов. энциклопедия, 1969. 384 с.

БЕР 3 - Български етимологичен речник. Съставили Вл. Георгиев, Ив. Гльбъв и др. В 3 т. Т. 3: Кресс–Минго. София: Изд-во на Българската Академие на науките, 1986. 800, [5] с.

Горяев 1896 - *Горяев Н.В.* Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896. 558 с.

Даль 2 - *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд., испр. и доп. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртене: В 4 ч. Ч. 2: И–О. СПб.; М.: Изд-во М.О. Вольфа, 1912. 2030 стб.

ЕСУМ 2 - Етимологічний словник української мови = Этимологический словарь украинского языка. Акад. наук Украинской ССР, Ин-т языковедения им. А. А. Потебни / Сост. Р.В. Болдырев и др.: В 7 т. Т. 2: Д – Коцці. Киев: Наукова думка, 1985. 569, [1] с.

ЕСУМ 3 - Етимологічний словник української мови = Этимологический словарь украинского языка. Акад. наук Украинской ССР, Ин-т языковедения им. А. А. Потебни / Сост. Р.В. Болдырев и др.: В 7 т. Т. 3: Кора–М. Киев: Наукова думка, 1989. 548, [3] с.

Ефремова 1 - *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. Т. 1: А–О. Свыше 136 000 словарных статей, около 250 000 семантических единиц. М.: Рус. яз., 2000. 1210, [1] с.

ІстБ 14 - Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Ін-т мовы літаратуры НАН Беларусі / Гал. рэд. А.І. Жураўскі, рэд. Выпуска А.М. Булька. Склад Т.І. Блізнюк

і інш: В 30 вып. Вып. 14: Игде – Катуючий. Мінск: Навука і тэхніка, 1996. 301 с.

Керча 2007 1 - *Керча И.* Русинсько-російський словник. Понад 58 000 слів = Русинско-русский словарь. Свыше 58 000 слов: В 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 1. 608 с.

Керча 2012 1 - *Керча И.* Російсько-русинський словник – 65 000 слів = Русско-русинский словарь – 65 000 слов: В 2 т. Т. 1: А–Н. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. 580 с.

Наумов 2014 - *Наумов В.Г.* Русинско-русские межъязыковые формально-семантические соответствия в лексикографическом представлении: принципы создания учебного словаря // Русин. 2014. № 4 (38). С. 189–207.

Областной словарь 5 - Областной словарь вятских говоров / Под ред. З.В. Сметаниной: В 8 вып. Вып. 5: К–Л. Киров: Радуга – ПРЕСС, 2008. 230 с.

Преображенский 1 - *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка: В 2 т. Т 1. М.: ГИС, 1959. Т. 1–2.

Рудницький 2 - *Рудницький Я.Б.* Етимологічний словник української мови = An etymological dictionary of the Ukrainian language. 2-е изд.: В 10 т. Т. 2. Вінніпег: УВАН, 1962–1972. Т. 1–10.

СГ Карел. 2 - Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд, отв. ред. О.А. Черепанова: В 5 вып. Вып 2: Дрожжевик–Косачок. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1995. 448 с.

Скворцов, Скворцова - *Скворцов М.И., Скворцова А.В.* Чувашско-русский и русско-чувашский словарь. URL: // <http://ru.samah.chv.su/s/1/%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%BB%D0%B0%D0%BD> (дата обращения: 21.05.2016).

Сл. смол. 5 - Словарь смоленских говоров / Под. ред. А.И. Ивановой: В 11 вып. Вып. 5: К. Смоленск: Смол. пед. ин-т им. Карла Маркса, 1988. 147 с.

Сл. ц-сл. 2 - Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный 2-м отделением Имп. АН: В 4 т. Т. 2: А–Н. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1847. 471 с.

Словарь XI–XVII 7 - Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Г.А. Богатова: В 28 вып. Вып. 7: К–Краягурь. М.: Наука, 1980. 403 с.

СлРЯ 2 - Словарь русского языка в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. Т. 2: К–О. М.: Рус. яз., 1986. 736 с.

СРНГ 13 - Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Ф.П. Сороколетов: В 46 вып. Вып. 3: Калун–Кобза. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1977. 358 с.

ССРНГ - Словарь современного русского народного говора (д. Деулино) / Сост. Г.А. Барина, Т.С. Коготкова, Е.А. Некрасова и др.; Под ред. И.А. Оссоветского. М.: Наука, 1969. 612 с.

Толстик 2004 - *Толстик С.А.* Семантическое поле ‘худой’ в русском языке: эволюция концепта: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 230 с.

Фасмер 2 - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., стереотип. / Пер. с нем. и доп. чл.-кор. О.Н. Трубачёва; Под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина: В 4 т. Т. 2: Е–Муж. М.: Прогресс, 1986. 671 [1] с.

ЭБ 4 - *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы.* В.Д. Лабко [і інш.]; рэд. В.У. Мартынаў: В 13 вып. Вып. 4: К–Каята. Мінск: Навука і тэхніка, 1988. 327 с.

ЭССЯ 13 - *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд /* Подгот. О.Н. Трубачев, В.А. Меркулова, Ж.Ж. Варбот и др.; Под ред. О.Н. Трубачева: В 39 вып. М.: Наука, 1987. Вып. 13. 285 с.

Hnat 2003 – *Hnat A.* *Kratký Rusinský slovník.* Trebisov, 2003. 132 s.

Karłowicz 2 - *Karłowicz J.* *Słownik gwar polskich.* W 6 t. T. 2: F–K. Kraków: Nakładem Akademji Umiejętności, drukarnia C.K. Uniwersytetu Jagiellockiego, 1901. 552 s.

Miklosich 1886 - *Miklosich F.* *Etymologisches wörterbuch der slavischen sprachen.* Wien: Wilhelm Braumüller, 1886. 289 s.

SS 3–6 (19) - *Słownik staropolski.* Redaktor naczelny, kierownik S. Urbańczyk: W 11 t. T. 3. Z. 6 (19): Królewski–Kwitować. Wrocław – Warszawa – Kraków: Polska Akademia Nauk, 1962. 484 s.

REFERENCES

Akulenko, V.V. (1969) *Anglo-russkiy i russko-angliyskiy slovar' "lozhnykh druzey perevodchika"* [The English-Russian and Russian-English Dictionary of Misleading Words]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

Georgiev, Iv. et al. (eds) (1986) *B'lgarski etimologichen rechnik* [The Bulgarian Etymological Dictionary]. Vol. 3. Sofia: Bulgarian Academy of Science.

Goryaev, N.V. (1896) *Sravnitel'nyy etimologicheskiiy slovar' russkogo yazyka* [The Comparative Etymological Dictionary of the Russian language]. Tiflis: The Main Chief Office in the Caucasus.

Dal, V.I. (1912) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 4th ed. Vol. 2. St. Petersburg: M.O. Wolf.

Boldyrev, R.V. et al. (eds) (1985) *Etimologichniy slovník ukraïn'skoï movi* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 2. Kiev: Naukova dumka.

Boldyrev, R.V. et al. (eds) (1989) *Etimologichniy slovník ukraïn'skoï movi* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 3. Kiev: Naukova dumka.

Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy. V 2 t.* [The New Dictionary of the Russian Language. Etymology and Word-building. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.

Zhuraŭski, A.I. & Bułyka, A.M. (eds) (1996) *Gistarychny sloŭnik belaruskay movy*

- [The Historical Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 14. Minsk: Navuka i tekhnika.
- Kercha, I. (2007) *Rusins'ko-rosiys'kiy slovnik* [The Rusinian-Russian Dictionary]. Vol. 1. Uzhgorod: PoliPrint.
- Kercha, I. (2012) *Rusins'ko-rosiys'kiy slovnik* [The Rusyn-Russian Dictionary]. Vol. 1. Uzhgorod: PoliPrint.
- Naumov, V.G. (2014) The Ruthenian-Russian interlingual formal-semantic similarity in lexicographical representation. *Rusin*. 4 (38). pp. 189-207 (In Russian).
- Smetanina, Z.V. (2008) *Oblastnoy slovar' vyatskikh govorov* [The Regional Dictionary of Vyatka dialects]. Vol. 5. Kirov: Raduga – PRESS.
- Preobrazhenskiy, A.G. (1959) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: GLS.
- Rudnitskiy, Ya.B. (1962–1972) *Etimologichnyi slovnik ukrain'skoy movi* [The etymological dictionary of the Ukrainian language]. 2nd ed. Vol. 2. Vinnipeg: UVAN.
- Gerd, A.S. & Cherepanova, O.A. (eds) (1995) *Slovar' russkikh govorov Karelii i soprodel'nykh oblastey* [The Dictionary of Russian Dialects in Karelia and Adjacent Areas] Vol. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
- Skvortsov, M.I. & Skvortsova, A.V. (n.d.) *Chuvashsko-russkiy i russko-chuvashskiy slovar'* [The Chuvash-Russian and Russian-Chuvash Dictionary]. [Online]. Available from: <http://ru.samah.chv.su/s/1/%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%BB%D0%B0%D0%BD> (Accessed: 21st May 2016).
- Ivanova, A.I. (ed.) (1988) *Slovar' smolenskikh govorov* [The dictionary of Smolensk dialects]. Vol. 5. Smolensk: Smolensk Pedagogical Institute.
- Imperial Academy of Sciences. (1847) *Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka* [The Dictionary of Church Slavonic and Russian Language]. Vol. 2. ST. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
- Filin, F.P. & Bogatova, G.A. (eds) (1980) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian Language on the 11th–17th centuries]. Vol. 7. Moscow: Nauka.
- Evgenieva, A.P. (ed.) (1986) *Slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [The Dictionary of the Russian language in 4 vols]. 3rd ed. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
- Filin, F.P. (ed.) (1977) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 13. Leningrad: Nauka.
- Ossovet'skiy, I.A. (ed.) (1969) *Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino)* [The Dictionary of the Contemporary Russian Folk Dialect (d Deulino)]. Moscow: Nauka.
- Tolstik, S.A. (2004) *Semanticheskoe pole 'khudoy' v russkom yazyke: evolyutsiya kontsepta* [The semantic field 'khudoy' in Russian: The evolution of the concept]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
- Fasmer, M. (1986) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymologi-

cal Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Translated from German by O.N. Trubachev. Vol. 2. Moscow: Progress.

Martynaŭ, V.U. (ed.) (1988) *Etymalogichny sloŭnik belaruskay movy* [The Etymological Dictionary of Belarusian Language]. Vol. 4. Minsk: Navuka i tekhnika.

Trubachev, O.N. (ed.) (1987) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic languages: The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 13. Moscow: Nauka.

Hnat, A. (2003) *Kratký Rusinský slovník* [The Short Ruthenian Dictionary]. Trebisov.

Karłowicz, J. (1901) *Słownik gwar polskich. W 6 t.* [The Dictionary of Polish dialects. In 6 vols]. Vol. 2. Kraków: Jagiellonian University.

Miklosich, F. (1886) *Etymologisches wörterbuch der slavischen sprachen* [The Etymological Dictionary of Slavic languages]. Wien: Wilhelm Braumüller.

Urbańczyk, S. (ed.) (1962) *Słownik staropolski* [The Old Polish Dictionary]. Vol. 3. Wrocław – Warsaw – Kraków: Polish Academy of Science.

Толстик Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Tolstik Svetlana – Tomsk State University (Russia).

E-mail: stolstik@mail.ru

УДК 81'272

UDC

DOI: 10.17223/18572685/45/13

РАВНОПРАВИЕ ЭТНОСОВ И ЯЗЫКОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ФЕДЕРАТИВНОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ЮГОСЛАВИЯ (1946–1963 гг.) КАК ОДИН ИЗ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ ПРИНЦИПОВ СОЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВА*

Д.А. Катунин

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Авторское резюме

Рассматриваются особенности федеративного устройства Югославии как основной принцип решения этнических проблем в государстве после Второй мировой войны. В качестве материала используются статистические данные переписей населения Югославии 1948 и 1953 гг., разного рода законы (основной, конституционный, регламенты скупщины) послевоенной Югославии и законы и договоры различных государств, регламентировавшие использование языков на этой территории в предшествовавшие периоды. Показывается антитеза между языковым законодательством межвоенной, «первой» Югославии с его жестко унитарным уклоном как одним из элементов, отражающих причины кризиса этого государства, и принципиально иным устройством «второй», социалистической Югославии. В новом государстве признавалось равноправие всех народов и их языков вплоть до официального «создания» нового языка – македонского, который в королевской Югославии признавался лишь диалектом сербского (точнее – сербско-хорватско-словенского). Заявленное равенство народов требовало особого внимания к регулированию использования языков, что и нашло свое отражение в законах Югославской Федерации самого разного уровня вплоть до Конституции Федеративной Народной Республики Югославия.

* Работа выполнена в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Ключевые слова: Югославия, национальная политика, национальные меньшинства, языковая политика, официальный язык.

THE EQUALITY OF ETHNIC GROUPS AND LANGUAGES IN THE LAWS OF THE FEDERAL PEOPLE'S REPUBLIC OF YUGOSLAVIA (1946–1963) AS A FUNDAMENTAL PRINCIPLE OF THE STATE FORMATION*

D.A. Katunin

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Abstract

The article focuses on the federal structure of Yugoslavia as the basic principle of solving ethnic problems in the country after WWII. The research is based on the statistics of the Yugoslavian population censuses of 1948 and 1953, various laws (basic, constitutional, Skupština regulations) of the post-war Yugoslavia and the laws and treaties of other states that regulated the use of languages in the area before. The author shows the antithesis between the language laws of the interwar “first” Yugoslavia, with its unitary character that reflected the causes of the crisis in this state, and of the fundamentally different “second” socialist Yugoslavia. The new state recognized the equality of all peoples and their languages; it even officially “created” a new language – Macedonian, which the royal Yugoslavia had recognized only as a dialect of Serbian (or, more precisely, Serbian-Croatian-Slovene). The claimed equality of the peoples required special focus on the languages use regulation, which is reflected in various laws of the Yugoslav Federation, up to the Constitution of the Federal People's Republic of Yugoslavia.

Keywords: Yugoslavia, national policy, national minorities, language policy, official language.

---

* This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

Введение

Федеративная Республика Югославия (иногда неофициально называемая «Второй Югославией») была провозглашена в 1946 г. и существовала до 1991 г. под двумя названиями: изначально как Федеративная Народная Республика Югославия (ФНРЮ), а с 1963 г. – Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ). Опыт Югославской Федерации интересен тем, что посредством такого устройства была предпринята (во многом довольно успешная) повторная попытка создания многонационального государства, народы которого уже имели недавний и крайне негативный опыт совместного проживания в Югославии «первой». Соответственно, изучение югославского языкового законодательства рассматриваемого периода позволяет увидеть не только решение актуальных для того времени проблем, но и их исторический контекст: ретроспективный (решение межнациональных вопросов, доставшихся в наследство от королевской, «первой» Югославии) и перспективный (обострение межэтнических конфликтов, результатом которых явился распад страны в 1991 г.).

В данной статье не ставится цель рассмотреть законодательство, регулировавшее межнациональные отношения во всей их полноте, а предполагается осветить только аспекты, регламентировавшие права народов Югославии на использование своих языков и алфавитов. В целом именно язык является одним из основных объединяющих признаков нации и тем, что отделяет её от других народов, но в Югославии всё было несколько иначе. Для подавляющего большинства населения – сербов, хорватов, «мусульман», черногорцев – языковые различия были минимальны (с лингвистической точки зрения они были не более чем диалектного уровня), а доминировали культурно-исторические и конфессиональные противоречия, которые, в свою очередь, требовали и языкового обособления путём педалирования имеющихся в этих диалектах отличий. Забегая вперёд, следует отметить, что на базе ещё недавно единого сербско-хорватского языка к настоящему времени законодательно постулированы уже четыре языка: сербский, хорватский, бошняцкий / боснийский и черногорский.

Исторический контекст

Анализ языковой политики в федеративной Югославии невозможен без рассмотрения предшествующей ситуации, поскольку многие векторы были заданы ранее, преимущественно в первой половине XX в. Первое югославянское государство было провозглашено в 1918 г. по итогам Первой мировой войны под названием Королевство Сер-

бов, Хорватов и Словенцев (КСХС). Оно было образовано посредством объединения Королевства Сербия, Королевства Черногория, Государства Словенцев, Хорватов и Сербов (ГСХС), а также присоединения к нему части нескольких областей довоенного Венгерского королевства: Баната, Бачки и Барани. Кроме того, были аннексированы небольшие территории у побеждённой Болгарии (подробнее см., напр.: Писарев 1992).

ГСХС было провозглашено в конце 1918 г. на территориях распадающейся Австро-Венгрии, населённых преимущественно южными славянами (на что прямо указывалось в его названии), и просуществовало чуть более месяца. Данные территории имели различный статус во времена Австро-Венгрии и входили как в состав Австрийской империи (Цислейтании), так и Венгерского королевства – точнее Земель короны св. Стефана (Транслейтании), часть границы между которыми проходила по реке Лейте. Кроме того, обе части делились на целый ряд административных единиц в границах исторических областей – королевств, герцогств, княжеств и т.д. В их числе находилось и квазигосударственное образование под названием Троединое королевство Далмация, Хорватия и Славония, де-факто разделённое между двумя вышеуказанными частями дунайской монархии. В 1868 г. его статус был закреплён «Венгерско-хорватским соглашением», подписанным императором Францем Иосифом, в котором особо отмечался официальный статус хорватского языка на территориях указанных королевств как в законодательной области, так и в судебной и административной деятельности. Отметим, что для Королевства Далмация, входившего в Австрийскую империю, декларировалась более узкая сфера использования хорватского языка по сравнению с Королевствами Хорватия и Славония, объединёнными на правах автономии с Венгрией:

čl. 56. U svemkolikom obsegu kraljevinah Hrvatske i Slavonije službeni je jezik hrvatski toli u zakonarstvu koli u sudstvu i upravi.

čl. 57. Za organe zajedničke vlade ustanovljuje se također hrvatski jezik službenim jezikom unutar granicah kraljevinah Dalmacije Hrvatske i Slavonije.

čl. 58. Predloge i spise u hrvatskom jeziku sastavljene, pa iz kraljevinah Hrvatske i Slavonije na zajedničko ministarstvo podnešene imade to ministarstvo primati i riešitbe svoje na istom jeziku izdavati.

čl. 59. Obzirom na to, da su kraljevine Hrvatska i Slavonija politički narod imajući posebni svoj teritorij i u pogledu unutarnjih svojih poslova vlastito zakonarstvo i autonomnu vladu, ustanovljuje se nadalje, da se zastupnici istih karaljevinah tako na zajedničkom saboru, kao i u delegaciji mogu služiti i jezikom hrvatskim.

čl. 60. Na zajedničkom saboru stvoreni i podpisom Nj: ces: kr: apoštolskog Veličanstva provideni zakoni izdavat će se za kraljevine Dalmaciju Hrvatsku i Slavoniju u izvorniku hrvatskom, i odaslati Saboru tih kraljevina (цит. по: Šarinić 1972).

Кроме того, в Австро-Венгрии в 1908 г. была образована ещё одна административная единица, не входившая ни в Цислейтанию, ни в Транслейтанию, – Босния и Герцеговина, которая была частью Османской империи, оккупированной в 1878 г. австро-венгерскими войсками по итогам русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Через 30 лет небольшая территория оккупированных земель (Новопазарский санджак) была возвращена Турции, а остальная аннексирована Австро-Венгрией. Заметим, что факт аннексии вызвал жёсткое неприятие среди сербов и стал причиной заговора, в результате которого в 1914 г. был убит наследник австрийского престола эрцгерцог Франц Фердинанд, а это, в свою очередь, явилось непосредственным поводом к началу Первой мировой войны.

В 1910 г. жителям Боснии и Герцеговины императором Францем Иосифом был «дарован» в качестве основного закона региональный устав, которым им гарантировалось сохранение своего языка:

§ 11. *Allen Landesangehörigen ist die Wahrung der nationalen Eigenart und Sprache gewährleistet* (Landesstatut 1910).

Королевство Сербия как ядерная часть нового государства («югославский Пьемонт») в течение своей короткой истории имело три Конституции, но ни в одной из них язык не упоминался, такие положения присутствовали только в самой первой (из трех) Конституции Княжества Сербия 1835 г. («Сретенски устав»):

127) *Sva дѣла судейска и свију осталы властїи и заведенїя Србскїи одправляюсе Србскимъ езикомъ* (Уставъ 1835).

В Конституции Княжества Черногория 1905 г. (с 1910 г. – Королевство Черногория) упоминаний о языке зафиксировано не было.

Отметим, что для восстановленного во время Второй мировой войны в качестве итальянского протектората Королевства Черногория оккупационными властями был подготовлен проект конституции (на итальянском языке), где указывались официальные языки. Одним из них объявлялся итальянский, а название второго выбиралось из двух вариантов – черногорский и йекавица, главным же было то, чтобы никак не упоминался сербский язык. Это было необходимо для обоснования особого по отношению к Сербии статуса Черногории и, соответственно, притязаний Италии на управление Черногорией:

Čl. 3. *Službeni jezici Države su crnogorski i italijanski* (цит. по: Burzanovic 2010).

Как уже было сказано, в 1918 г. было создано Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев и в 1921 г. принята Конституция первого югославянского государства, в которой официальным языком был объявлен сербско-хорватско-словенский язык, на котором и опубликован текст основного закона:

Чл. 3. Службени језик Краљевине је српско-хрватски-словеначки (Устав 1921).

При переименовании государства в 1929 г. в Королевство Югославия эти положения были полностью сохранены:

Чл. 3. Службени језик Краљевине је српско-хрватско-словеначки (Устав 1931).

Здесь следует отметить два момента. Во-первых, политики (разумеется, учитывая и доминирующие настроения в обществе) нередко волюнтаристски обращаются с языками. Выше приводилась информация о том, что сегодня единый с лингвистической точки зрения сербско-хорватский континуум разделён на четыре официально признанных языка, поскольку в политике преобладают центробежные тенденции. Ну а в начале XX в. на той же самой территории устремления были прямо противоположными, соответственно, к сербско-хорватскому был «добавлен» и словенский язык в рамках официальной идеологии того времени, что создаваемое государство является державой одного народа, разделённого на три племени.

Во-вторых, представляется возможным говорить о некоей универсальности законодательного закрепления славянского лингвистического тождества в славянских государствах, образованных после распада Австро-Венгрии. Так, в это же время из части австрийских (Чехия и Моравия) и венгерских (Словакия) территорий было создано новое государство – Чехословацкая Республика. И несмотря на то что языки народов Чехословакии – чешский и словацкий – являются пусть и близкородственными, но всё-таки различными, в качестве государственного и официального языка республики был указан законодательно созданный «чехословацкий» (фактически – чешский):

§ 1. Jazyk československý jest státním, oficielním jazykem republiky (Zákon 1920).

Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия), созданное по итогам Первой мировой войны на территории проживания большей части южных славян (за исключением Болгарии и некоторых областей в соседних неславянских странах), просуществовало немногим более 20 лет и характеризовалось в своем становлении и развитии непрерывными кризисами, обусловленными в первую очередь глубинными межнациональными противоречиями. Эйфория от освобождения от иноязычной власти немцев

и венгров сменилась системными конфликтами между славянскими народами и прежде всего между двумя основными нациями нового государства – сербами и хорватами, каждая из которых претендовала на первенство во всех областях жизни: политической, экономической и т.д. И хотя «первая» Югославия прекратила свое существование в результате краткосрочной войны с Германией и ее союзниками в апреле 1941 г., распад государства был предопределен в первую очередь именно межнациональными противоречиями.

Национальный состав ФНРЮ

В послевоенные годы в Югославии были проведены две переписи населения: в 1948 и 1953 гг., опросные листы каждой из которых содержали пункт о национальности.

Отметим, что при подготовке к переписи 1948 г. предписывалось агитационные материалы подготавливать и на языках шести национальных меньшинств, в том числе на русинском:

Propagandni materijal štampan je i na jezicima nacionalnih manjina (šiptarskom, madjarskom, rumunskom, slovačkom, italijanskom, rusinskom) (Uputstva 1948).

Результаты переписей населения Югославии 1948 и 1953 гг. по национальному составу в абсолютном и относительном выражениях представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Перепись 1948 г. (Конечни резултати 1955)

Национальность	Количество	%
Сербы	6,547,117	41,51
Хорваты	3,784,353	23,99
Словенцы	1,415,432	8,97
Македонцы	810,126	5,14
Мусульмане (неопределенные)	808,921	5,13
Албанцы	750,431	4,76
Венгры	496,492	3,15
Черногорцы	425,703	2,70
Влахи	102,953	0,65
Турки	97,954	0,62
Словаки	83,626	0,53
Итальянцы	79,575	0,51
Цыгане	72,736	0,46
Румыны	64,095	0,41
Болгары	61,140	0,39

Окончание табл. 1

Национальность	Количество	%
Немцы	55,337	0,35
Чехи	39,015	0,25
Русины / Украинцы	37,140	0,24
Русские	20,069	0,13
Прочие	19,883	0,13
Всего	15,772,098	100

Таблица 2

Перепись 1953 г. (Попис становништва 1959)

Национальность	Количество	%
Сербы	7,065,923↑	41,72↑
Хорваты	3,975,550↑	23,47↓
Словенцы	1,487,100↑	8,78↓
Македонцы	893,247↑	5,27↑
Албанцы	754,245↑	4,45↓
Черногорцы	466,093↑	2,75↑
Турки	259,535↑	1,53↑
Болгары	61,708↑	0,36↓
Влахи	36,728↓	0,22↓
Югославы (неопределенные)	998,698	5,90
Прочие славяне	174,284	1,03
Прочие неславяне	763,462	4,51
Всего	16,936,573	100

Прокомментируем такие национальности, как «неопределенные мусульмане» (1948 г.) и «неопределенные югославы» (1953 г.).

Следует отметить, что термин «мусульмане» в югославской этнополитике социалистического периода характеризовал не столько конфессиональную принадлежность, сколько этническую. Данная группа населения Югославии сформировалась еще во времена турецкого владычества и состояла преимущественно из потомков исламизированных славян (подробнее см.: Романенко 2001).

В инструкциях к опросному листу переписи 1948 г. говорилось, что каждый опрашиваемый должен указывать свою национальность. Если человек обозначал себя как «мусульманин», то требовалось уточнить – серб-мусульманин, хорват-мусульманин и т.д. При подведении итогов переписи «определенные» мусульмане учитывались совокупно с соответствующим народом (сербам, хорватам, македонцам и т.д.), а «неопределившиеся» указывались отдельно:

Свако лице уписаће које је народности на пр. Србин, Хрват, Словенац, Македонац, Црногорац, Мађар, Шинтар, Румун итд. Муслимани ће

ставити Србин-муслиман, Хрват-муслиман, неопређен-муслиман (Uputstva 1948).

В 1953 г. итоги переписи по национальному составу были представлены несколько иначе, и вместо «неопределенных мусульман» появились «неопределенные югославы», к которым относились все опрашиваемые лица югославского происхождения, не указавшие свою национальность (самоопределение «мусульманин» на тот момент перестало считаться национальностью):

Свако лице уписује које је народности на пр. Србин, Хрват, Словенац, Македонац, Црногорац, Мађар, Шиптар, Немац, Италијан, Чех, Словак, Турчин, Циганин итд. Лице југословенског порекла које није ближе национално опредељено лице уписује: југословен-неопређен, а друго национално неопређено лице уписује: национално неопређен (Пописница 1953).

Русины и украинцы в этих переписях объединялись в один народ.

В целом рассмотрение итогов переписей 1948 и 1953 г. позволяет сделать следующие обобщения:

- 1) многонациональный состав населения Югославии;
- 2) отсутствие народа, который составлял бы абсолютное большинство на территории всего государства;
- 3) демографическое доминирование пяти славянских народов: сербов, хорватов, словенцев, македонцев и «мусульман» (в переписи 1953 г. они составили большинство «неопределенных югославов»).

Язык в законах ФНРЮ

Столь сложная национальная ситуация требовала особого подхода при построении нового единого государства. Постаравшись учесть ошибки королевской власти, приведшие к краху «первой» Югославии, еще в 1943 г. Антифашистский совет народного освобождения Югославии на своем втором заседании принял решение о создании новой Югославии на федеративных принципах, которые гарантировали бы полное равноправие всех народов будущей Югославии: сербов, хорватов, словенцев, македонцев и черногорцев, или, соответственно, народов Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории и Боснии и Герцеговины.

Отдельно указывалось, что национальным меньшинствам (т. е. народам, не относящимся к перечисленным выше) гарантируются все национальные права:

2. Да би се остварио принцип суверености народа Југославије, да би Југославије претстављала истинску домовину свих својих народа и да никад више не би постала домен било које хегемонистичке клике,

Југославија се изграђује и изградиће се на федеративном принципу, који ће обезбедити пуну равноправност Срба, Хрвата, Словенаца, Македонаца и Црногораца, односно народа Србије, Хрватске, Словеначке, Македоније, Црне Горе и Босне и Херцеговине.

4. Националним мањинама у Југославији обезбедиће се сва национална права (Одлука 1943).

Принята в 1946 г. Конституција Федеративной Народной Республики Югославия подтверждала декларацию 1943 г. – новое государство было создано как федеративное образование, состоящее из шести равноправных республик: Сербии, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины, Македонии и Черногории. В составе Сербии в свою очередь были выделены Автономный край Воеводина и Автономная Косовско-Метохийская область (представляется возможным отметить, что наиболее близкой моделью такого государственного устройства являлся Советский Союз, на который тогда еще ориентировалось руководство Югославии во главе с И.Б. Тито):

Чл. 2. Федеративну Народну Републику Југославију сачињавају: Народна Република Србија, Народна Република Хрватска, Народна Република Словенија, Народна Република Босна и Херцеговина, Народна Република Македонија и Народна Република Црна Гора.

Народна Република Србија има у свом саставу Аутономну покрајину Војводину и Аутономну косовско-метохијску област (Устав 1946).

Уже в регламенте заседания скупщины (парламента) новой Югославии, на котором должна была выработываться Конституция, особо отмечалось, что каждый депутат может выступать на своём языке, а сам текст Конституции должен быть объявлен на сербском, хорватском, словенском и македонском языках (последний из названных языков официально «появился» лишь в 1945 г. как следствие реализации заявленного равноправия всех народов Югославии – ниже выдержка из регламента именно на македонском языке):

Чл. 12.... Секој посланик има право да зборуе на јазикот на народот кому припаѓа.

Чл. 18. ... Објавуењето на Уставот се врши на денот на неговото прогласуење и тоа на српски, хрватски, словенечки и македонски јазик (Пословник 1945).

Следует отметить, что только народы четырех из шести республик Югославии имели свои законодательно зафиксированные языки: сербы, хорваты, словенцы и македонцы. Язык, распространенный в Черногории, указывался как сербский, а население Боснии и Герцеговины пользовалось или сербским, или хорватским языками. Выделение оккупационными властями отдельных боснийского (австрийцами в начале XX в.) и черногорского (итальянцами во Вторую мировую

войну) языков рассматривалось как искусственное и направленное на раскол единства народов Югославии.

В принятой в 1946 г. Конституции ФНРЮ отсутствовало положение об официальных языках, но указывалось, что все законы государства публикуются на языках республик:

Чл. 65. Закони и други општи прописи Федеративне Народне Републике Југославије објављују се на језицима народних република (Устав 1946).

Судебные же заседания должны проходить, согласно Основному закону, не только на языках республик, но и на языках автономного края и автономной области:

Чл. 120. Поступак пред судовима води се на језицима република, аутономних покрајина и аутономних области где се суд налази. Грађани који не знају језик на коме се води поступак могу се служити својим језиком. Тим грађанима обезбеђује се право да се упознају са целокупним материјалом и да преко преводиоца прате рад суда (Устав 1946).

Необходимость публикации законов союзного уровня на языках всех республик (т. е. сербском, хорватском, словенском и македонском) подтверждалась и в Конституционном законе об основах общественного и политического устройства Югославии 1953 г.:

Чл. 19. Савезни закони доносе се и објављују на језицима свих народних република (Уставни закон 1953).

В регламенте парламента (скупщины) ФНРЮ 1947 г. не содержалось положений о языках, однако в регламентах его обеих палат (Союзного веча и Веча народов) в тождественных формулировках были закреплены положения о том, что каждый депутат имеет право выступать и вносить законопроекты на языке того народа, к которому принадлежит:

Чл. 11. <...> Сваки посланик има право да говори на језику народа коме припада (Пословник Савезног већа 1947).

Чл. 26. <...> Сваки посланик може подносити законске предлоге на језику народа коме припада (Пословник Већа народа 1947).

Отметим, что в 1954 г. между Югославией и Италией произошел раздел созданного в 1947 г. буферного государства Свободная Территория Триест, большая часть которого отошла к Югославии. (О языковых моментах в законодательном сопровождении данного процесса подробнее см.: Катунин 2008.)

В 1963 г. Югославия была объявлена социалистическим государством, в связи с чем были принята новая Конституция и существенно изменена правовая система государства. Соответственно, все вышерассмотренные документы были признаны утратившими свою силу.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что после Второй мировой войны на Балканах возникло государство, которое по своему устройству, несмотря на сохранение названия (Югославия), принципиально отличалось от «предшественника». В составе новой Югославии каждый из шести основных славянских народов получил свое государство (республику) со своей Конституцией, парламентом и т.д. В законах Югославии всячески подчеркивалось и равноправие языков этих народов.

Вопросы национальных меньшинств также были учтены в значительной мере: так, в основных ареалах их проживания были созданы два автономных образования, в которых декларировалось максимально полное соблюдение прав меньшинств, в том числе и на использование своих языков. Все эти меры в значительной степени позволили снять напряжение предшествовавшего периода, когда народы Югославии жестоко воевали друг против друга, а представители целого ряда национальных меньшинств воспринимали оккупацию Югославии как освобождение от сербского владычества и активно сотрудничали с оккупационными властями: албанцы, болгары, венгры, итальянцы, немцы, румыны. И даже происходившее в описываемое время противостояние Югославии с СССР и странами социалистического лагеря, куда входили многие метрополии для национальных меньшинств ФНРЮ (Албания, Болгария, Венгрия, Румыния, Чехословакия), не нарушило в целом общественного консенсуса относительно единого будущего страны (подробнее см.: Селинић 2014).

Принятые в это время в Югославии модели социально-политического устройства, экономического развития и – не в последнюю очередь – решения этнических вопросов на федеративно-автономных началах хотя и претерпели в дальнейшем значительное количество изменений, но позволили просуществовать новому государству (с разной степенью успешности) ровно в два раза больше, нежели предыдущей Югославии – до 1991 г.

Таким образом, автор на материале, регулирующем использование языков народов и народностей Югославии (о терминологии официальной этнополитики Югославии подробнее см.: Мартынова 1998), подтверждает на конкретных примерах разных этапов развития одной страны достаточно тривиальное утверждение о том, что, хотя любое мультиэтническое государство является конструкцией изначально неустойчивой, попытки выстраивания его на основах равенства наций (и в том числе учета их языковых прав) являются более прогрессивным подходом, нежели наоборот.

ЛИТЕРАТУРА

Burzanovic 2010 - *Burzanovic S.* Crnogorski Ustav iz 1941 godine // Matica 44. Cetinje-Podgorica, 2010. Str. 262-278.

Landesstatut 1910 - Landesstatut für Bosnien und die Hercegovina // Gesetz- und Verordnungsblatt für Bosnien und die Hercegovina. 1910. № 2.

Šarinić 1972 - *Šarinić J.* Nagodbena Hrvatska. Nakladni zavod Matice hrvatske. Zagreb, 1972. Str. 288–289.

Uputstva 1948 - Uputstva za izvršenje popisa stanovništva u Federativnoj Narodnoj Republici Jugoslaviji na dan 15 marta 1948 godine (<https://www.stat.si>).

Zákon 1920 - Zákon ze dne 29. února 1920 podle § 129 ústavní listiny, jímž se stanoví zásady jazykového práva v republice Československé.

Катунин 2008 - *Катунин Д.А.* Статус языков в современном законодательстве Словении и словенский язык в законодательных актах сопредельных стран. Статья первая // Язык и культура. 2008. № 3. С. 23–41.

Коначни резултати 1955 - Коначни резултати пописа становништва од 15. марта 1948. године, књ. IX, Становништво по народности. Београд: Савезни завод за статистику ФНРЈ, 1955.

Мартынова 1998 - *Мартынова М.Ю.* Балканский кризис: народы и политика. М., 1998.

Одлука 1943 - Одлука другог заседања антифашистичког већа народног ослобођења Југославије о изградњи Југославијена федеративном принципу (<http://www.arhivyu.gov.rs>).

Писарев 1992 - *Писарев Ю.А.* Создание Югославского государства в 1918 г.: уроки истории // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 25–41.

Попис становништва 1959 - Попис становништва 1953, књ. VIII, Народност и матерњи језик. Београд: Савезни завод за статистику, Београд, 1959.

Пописница 1953 - Пописница (<https://www.stat.si>).

Пословник 1945 - Пословник за заедничките седници на обата дома на Уставотворната скупштина // Службен лист на Федеративната Народна Република Југославија. 1945. № 96.

Пословник Већа народа 1947 - Пословник Већа народа Народне скупштине Федеративне Народне Републике Југославије // Службени лист Социјалистичке Федеративне Републике Југославије. 1947. № 85.

Пословник Савезног већа 1947 - Пословник Савезног већа Народне скупштине Федеративне Народне Републике Југославије // Службени лист Социјалистичке Федеративне Републике Југославије. 1947. № 85.

Романенко 2001 - *Романенко С.* Бошняци // Родина. 2001. № 1–2. С. 206–209.

Селинић 2014 - *Селинић С.* Националне мањине у Србији 1945–1961: политички значај // Историја и географија: сусрети и прожимања: Тематски зборник радова. Београд, 2014. С. 369–394.

Устав 1835 - Устав Княжества Сербие. У Крагуевцу. Издано у Княжеско-Србской Типографии. 1835.

Устав 1921 - Устав Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца // Службене новине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. 1921. № 142а.

Устав 1931 - Устав Краљевине Југославије // Службене новине Краљевине Југославије. 1931. № 200.

Устав 1946 - Устав Федеративне Народне Републике Југославије // Службени лист Федеративне Народне Републике Југославије. 1946. № 10.

Уставни закон 1953 - Уставни закон о основама друштвеног и политичког уређења Федеративне Народне Републике Југославије и савезним органима власти // Службени лист Федеративне Народне Републике Југославије. 1953. № 3.

REFERENCES

Burzanovic, S. (2010) Crnogorski Ustav iz 1941 godine [The Constitution of Montenegro]. *Matica*. 44. pp. 262-278.

Bosnia and Herzegovina. (2010) Landesstatut für Bosnien und die Hercegovina [The State Regulations for Bosnia and Herzegovina]. *Gesetz- und Verordnungsblatt für Bosnien und die Hercegovina*. 2.

Šarinić, J. (1972) *Nagodbena Hrvatska. Postanak i osnove ustavne organizacije* [Croatia. The origin and basis of the constitutional organization]. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske. pp. 288-289.

The Republic of Yugoslavia. (1948) *Uputstva za izvršenje popisa stanovništva u Federativnoj Narodnoj Republici Jugoslaviji na dan 15 marta 1948 godine* [Guidelines for the execution of the census in the Federal People's Republic of Yugoslavia on March 15, 1948]. [Online] Available from: <https://www.stat.si>

The Czechoslovak Republic. (1920) *Zákon ze dne 29. února 1920 podle § 129 ústavní listiny, jímž se stanoví zásady jazykového práva v republice Československé* [Law of 29 February 1920 in accordance with § 129 of the Constitutional Charter, setting out the principles of language rights in the Czechoslovak Republic].

Katunin, D.A. (2008) Status yazykov v sovremennom zakonodatel'stve Slovenii i slovenskiy yazyk v zakonodatel'nykh aktakh sopredel'nykh stran. Stat'ya pervaya [The status of languages in the current legislation of Slovenia and the Slovenian language in the legislation of neighboring countries. Article One]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 3. pp. 23-41.

The Republic of Yugoslavia. (1955) *Konachni rezultati popisa stanovnishtva od 15. marta 1948. godine, књ. IX, Stanovnishtvo po narodnosti* [The final results of the census of March 15, 1948. Vol. IX. Population by nationality]. Belgrade: Federal statistical Office.

Martynova, M.Yu. (1998) *Balkanskiy krizis: narody i politika* [The Balkan Crisis: Peoples and politics]. Moscow: Saryy sad.

The Republic of Yugoslavia. (1943) *Odluka drugog zasedanja antifashistichkog veħa narodnog osloboħeħa Jugoslavije o izgradħi Jugoslavijena federativnom printsipu* [The decision of the second session of the Anti-Fascist Council of National Liberation of Yugoslavia on Yugoslavian federal principles]. [Online] Available from: <http://www.arhivyu.gov.rs>

Pisarev, Yu.A. (1992) *Sozdanie Yugoslavskogo gosudarstva v 1918 g.: uroki istorii* [The formation of the Yugoslav state in 1918: Lessons of history]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Current History Journal*. 1. pp. 25-41.

The Republic of Yugoslavia. (1959) *Popis stanovništva 1953, knj. VIII, Narodnost i materњи jezik* [Census 1953. Vol. VIII. Nationality and mother tongue]. Belgrade: Federal Statistical Office.

The Republic of Yugoslavia. (1953a) *Popisnitsa* [Questionnaire]. [Online] Available from: <https://www.stat.si>

The Republic of Yugoslavia. (1945) *Poslovník za zaednichkite sednitsi na obata doma na Ustavotvornata skupština* [Rules for a Joint Meeting of the Legislative Assembly]. *Sluzhben list na Federativnata Narodna Republika Jugoslavija*. 96.

The Republic of Yugoslavia. (1947a) *Poslovník veħa naroda Narodne skupštine Federativne Narodne Republike Jugoslavije* [Rules of Procedure of the Council of Peoples of the National Assembly of the Federal Republic of Yugoslavia]. *Sluzhbeni list Sotsijalistichke Federativne Republike Jugoslavije*. 85.

The Republic of Yugoslavia. (1947b) *Poslovník Saveznog veħa Narodne skupštine Federativne Narodne Republike Jugoslavije* [Rules of the Federal Council of the National Assembly of the Federal Republic of Yugoslavia]. *Sluzhbeni list Sotsijalistichke Federativne Republike Jugoslavije*. 85.

Romanenko, S. Boshnyatsi [The Bosnians]. *Rodina*. 1–2. pp. 206-209.

Seliniħ, S. (2014) *Natsionalne maħine u Srbiji 1945–1961: politichki znaħaj* [Ethnic minorities in Serbia in 1945–1961: The political significance]. In: Boħiħ, S. (ed.) *Istorija i geografija: susreti i prozhimaħa: Tematski zbornik radova* [istory and Geography: Encounters and Interweaving: Thematic Proceedings]. Belgrade: The Institute for Recent History of Serbia, Geographical Institute “Jovan Cvijic” SASA. pp. 369-394.

Serbia. (1835) *Ustav” Knyazhestva Serbiie* [The Constitution of the Duchy of Serbia]. Kragujevac: Knyazhesko-Srbska Tipografija.

Serbia. (1921) *Ustav Kraħevine Srba, Khrvata i Slovenatsa* [The Constitution of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes]. *Sluzhbene novine Kraħevine Srba, Khrvata i Slovenatsa*. 142a.

Yugoslavia. (1931) *Ustav Kraħevine Jugoslavije* [The Constitution of the Kingdom of Yugoslavia]. *Sluzhbene novine Kraħevine Jugoslavije*. 200.

The Republic of Yugoslavia. (1946) *Ustav Federativne Narodne Republike Jugoslavije* [The Constitution of the Federal Republic of Yugoslavia]. *Sluzhbeni list Federativne Narodne Republike Jugoslavije*. 10.

The Republic of Yugoslavia. (1953b) Ustavni zakon o osnovama drushtvenog i politichkog uređenja Federativne Narodne Republike Jugoslavije i saveznim organima vlasti [The Constitutional Law on the basics of social and political order of the Federal Republic of Yugoslavia and federal authorities]. *Sluzhbeni list Federativne Narodne Republike Jugoslavije*. 3.

Катунин Дмитрий Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Katunin Dmitry – Tomsk State University (Russia).

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

УДК 94(438+47)"1914/1915"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/45/14

ГАЛИЦКАЯ РУСЬ В РОССИЙСКИХ НЕПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

С.Г. Суляк

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Авторское резюме

В годы Великой войны в Российской империи вышло немало публикаций, посвященных истории и современному положению Галичины, Буковины, Угорской Руси и коренному населению этих земель – русинам. Выпуск книг, брошюр, выход статей в газетах и журналах были вызваны усиливавшимся интересом общественности и военных кругов к этим регионам, где велись боевые действия. В свое время эти территории были в составе Древней Руси, и там проживало население, в массе своей считавшее себя русским. Значительная часть публикаций носила пропагандистско-просветительский характер, и их целью было информирование общественности и военных кругов об истории, современном положении и политических движениях в Подъяремной Руси – исконно русских землях, находившихся под владычеством Австро-Венгрии. Речь шла о Восточной Галиции, Буковине и Угорской (Подкарпатской) Руси.

В статье использованы некоторые работы, посвященные Восточной Галиции. Две из них увидели свет в 1914 г., остальные - в 1915 г. В большинстве из них материалы подаются с общерусских позиций, и местное русинское население называется русским либо малорусским. Две работы написаны авторами украинофильской ориентации.

В данных книгах и брошюрах не только содержится немало полезных сведений по истории, культуре, экономики, демографии, национальному составу Восточной

---

* Работа выполнена в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Галичины, но и дается характеристика русского и украинофильского (мазепинского) движений. В некоторых приводятся интересные аналитические выкладки.

Ключевые слова: Галиция, Австро-Венгрия, Россия, русины, русские, малороссы, русское движение, украинофильство, поляки, евреи, немцы, Первая мировая война.

GALICIAN RUS IN RUSSIAN NON-PERIODICALS DURING THE EARLY STAGES OF WWI*

S.G. Sulyak

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

At the beginning of WWI, several works dedicated to Galician Rus appeared in Russia. Most of them were of a propaganda-informative style aimed at providing the society and military circles with the information about the position of Enslaved Rus – the historical Russian lands under the Austro-Hungarian rule: Eastern Galicia, Bukovina and Hungarian (Subcarpathian) Rus. This article analyses nine of these works. Two works were published in 1914, the others in 1915. Seven of them were based on the common Russian position. The local Rusin population was called Russian or Little Russian. Two of the articles were written by Ukrainophiles. The books and brochures contained several useful accounts on history, culture, economics, demography and national status of Eastern Galicia as well as on the Russian and Ukrainophile (Mazepite) movements. They also gave several interesting analytical presentations.

Keywords: Galicia, Austro-Hungary, Russia, Rusins, Russians, Little Russians, Russian Movement, Ukrainophilism, Poles, Jews, Germans, WWI.

Нами было проанализировано содержание ряда неперIODических изданий, вышедших в начальный период Великой войны (1914–1915 гг.), описывающих Восточную Галичину. Выход данных работ был обусловлен началом боевых действий и последующим занятием русской армией Восточной Галиции, что вызвало интерес к данному региону со стороны российской общественности и необходимость

* This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

информирования его, а также офицеров и солдат об истории, населении края и степени его лояльности к России.

В одном из наших материалов была приведена численность населения Австро-Венгрии в разрезе национального состава и вероисповедания (Суляк 2016). В Галиции¹, по данным переписи 1910 г., как указал в своей книге «Галиция накануне Великой войны 1914 года» профессор Н.В. Ястребов, проживало 8 022 126 чел. За 10 лет (1900–1910 гг.) население увеличилось на 709 736 чел. (на 9,7 %). Естественный прирост достиг за десятилетие 1 198 152 чел. (15 %). Однако в этот период по экономическим причинам эмигрировало (в основном в Америку) 448 416 чел. (6,67 %). Причем из Западной (польской) Галиции в США уехало в 1,7 раза больше населения, чем из Восточной (русской) в Америку и Канаду. 80 % населения Галиции проживало в 6 075 сельских общинах (гминах) и 5 390 имениях, 20 % – в 171 городе и местечке (Ястребов 1915: 17). Границей между сплошными поселениями поляков и русинов (Н. Ястребов предпочитал использовать термин *малороссы*². – С.С.) была река Сан (популярное выражение галичан: «Знай, ляше, по Сан – наше») (Ястребов 1915: 21).

Исследователь отмечал сложность определения национального состава Галиции: австрийская статистика не признавала термин «материнский язык» и использовала «обиходный язык» (разговорный язык – Umgangssprache. – С.С.). Кроме того, евреев считали по вероисповеданию, по «обиходному» же языку они записывали себе язык другой национальности. В переписи 1910 г. по разговорному языку было 4 675 612 поляков (58,6 % населения), куда вошли и евреи, которые причислили себя к ним, 3 208 092 малоросса (40,2 %) «вместе с причисляющими к ним немногими евреями», 90 416 немцев (1,1 %) «с включением считающих себя немцами евреев». По сравнению с переписью 1900 г. количество поляков увеличилось на 693 579 чел. (на 17,14 %). В 1900 г. их было 3 982 033 чел. (54,7 % населения). Немцы потеряли 122 011 чел. (их количество уменьшилось на 57,44 %). В 1900 г. их насчитывалось 212 427 чел. (2,9 %). Количество малороссов увеличилось всего на 127 649 чел. (на 4,35 %). В 1900 г. их было 3 080 443 чел. (42,3 %). Н. Ястребов считал, что такое изменение произошло за счет еврейского населения, которое «отпадает» от малороссов и немцев. В 1900 г. из 811 183 евреев поляками записалось 638 183 чел., немцами – 138 тыс. и 35 тыс. – малороссами. Также около 200 тыс. малороссов, в основном католиков, записалось поляками (Ястребов 1915: 18–19).

Н. Ястребов для более объективной картины сравнил данные переписей по обиходному языку и вероисповеданию исходя из того, что большинство поляков были католиками (среди них было

незначительное количество русинов, а также немцев и чехов), русинов – униатами, евреев – иудеями; протестантами были, главным образом, немцы (эти данные мы свели в таблицу). По мнению ученого, «число действительных поляков (без примыкающих к ним евреев и малороссов) не столь превышает число действительных малороссов, сколь можно было бы определить на основании “обиходного языка”». Он также считал, что «процесс ополячивания малороссов, в общем несомненный, не так силен, как можно было бы заключить на основании данных об “обиходном языке”». Отмечено было и то, что численность евреев, которые ополячиваются, растет медленнее численности поляков и малороссов, а «настоящие немцы идут по пути исчезновения из Галиции» (Ястребов 1915: 20).

**Население Галиции по разговорному языку и вероисповеданию
(по результатам переписей 1900 и 1910 гг.)**

Показатель	Результаты переписи населения 1900 г.		Результаты переписи населения 1910 г.		Изменение численности	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
<i>по разговорному языку</i>						
польский	3 982 033	54,7	4 675 612	58,6	693 579	17,14
рутенский	3 080 443	42,3	3 208 092	40,2	127 649	4,35
немецкий	212 427	2,9	90 416	1,1	-122 011	-57,44
<i>по вероисповеданию</i>						
католики	3 350 512	45,7	3 731 569	46,52	381 057	11,64
униаты	3 068 974	42,5	3 338 451	42,8	269 447	8,67
иудеи	811 183	11,1	872 975	10,81	61 792	7,62
протестанты	45 812	0,6	37 219	0,46	-8 593	-18,8

Источник: Ястребов Н.В., проф. Галиция накануне Великой войны 1914 года. С картой Галиции и Буковины с Угорской Русью. Пг.: Типография А.Э. Коллинс, 1915. С. 18–20.

К западу от р. Сан в 1910 г. жило 2 730 342 поляка (составлявшие здесь 94,3 % населения). Так как из них только 2 521 186 были католиками (86,2 %), то к числу поляков относится и 233 486 евреев (7,9 %). Русинов в Западной Галиции насчитывалось 132 624 чел. (4,5 %). Их компактные группы проживают в основном в уездах Новый Сонч, Кросно, Грибов и Горлицы.

В Восточной Галиции поляков было 1 944 270 чел. (38,1 % ее населения), католиков – 1 210 383 (23,7 %). Поляками по языку записалось 638 409 евреев (12,5 %). Здесь находилось более 76 % евреев всей Галиции. Поляки вместе с евреями в основном проживали в городах, местечках и крупных имениях. Русинов (по терминологии Н. Ястре-

бова – малороссов. – С.С.) обитало 3 075 468 чел. (60,4 %). Униатов же было 3 221 167 (61,1 %) (Ястребов 1915: 21). Основными регионами расселения русинов были поветы (уезды), где они составляли свыше 90 %, – Турка, Долина, Богородчаны, Надворна, Печенежин, Косов, Снятын и Яворов (между Перемышлем и Городком), около 75 % – Сокаль, Рава, Жолков (все северная группа), Бобрика, Рогатин, Толмач, Жидачев, Дорогобыч, Калуш (центральная группа), Коломыя, Городенка, Залещики, Боршов (юго-восточная группа), Добромил, Леско, Стрый, Старый Самбор (на так называемом Подгорье), около 60 % в 22 поветах от р. Сана к восточной границе – Львов, Сянок, Теревовля, Перемышль, Скалат, Збращ, Мостика, Городок, Тернополь и т.д.

Считавшие себя поляками в Восточной Галиции (и католики) составляли почти 2/5 населения Восточной Галиции, русины (и униаты) – более 3/5. Н. Ястребов отметил факт роста польского населения. С 1900 по 1910 г. он составил 33,6 %, а католиков – 20 %. Количество же русинов возросло за этот период на 4,3 %, униатов – на 9,2 %. Причинами этого были эмиграция русинов из-за тяжелых экономических условий, переселение польских колонистов из Западной Галиции, присоединение к носителям разговорного польского языка евреев, ополячивание самих русинов посредством браков с католичками, польской школы, католической церкви, польской власти и польского капитала (Ястребов 1915: 21–23).

Касаясь расслоения русинов на «общекультурной почве» на *русофилов*³ (*москвофилов*, *москалефилов* – от пренебрежительно-го польского прозвища русских – *москали*. – С.С.) и *украинофилов*, Н. Ястребов подчеркивает, что вначале оба движения боролись против «польской исключительности». Однако позже часть *народовцев*, руководимых в том числе и *украинцами*, выходцами из России, объявила «угоду» с поляками на сейме 1890 г. («новая эра»). Она продлилась 3–4 года. Поляки за это время пошли на ряд мелких уступок малороссам. В официальных изданиях, служебной переписке и школах было введено малорусское правописание, «внешне отделившее культуру галицких малороссов от культуры России». Под влиянием *старорусов* (*русофилов*) и *радикалов* вскоре союз с поляками был разорван. Касаясь финансирования двух движений, автор отмечает, что *старорусы* слабо поддерживались Россией (только несколькими организациями, в частности Галицко-русским обществом), *народовцы* (*украинцы*) получали значительную материальную и моральную поддержку из *украинских* кругов России. В конце 1890 – начале 1900 г. *народовцы* объединились с частью радикалов и создали Национально-демократическую партию. Ее возглавил Ю. Романчук, парламентским лидером стал К. Левицкий, а теоретиком – М. Грушевский. Своей целью партия провозгласила объединение

всего «украинского» народа в одно государство, отдельное от России. Австрийское центральное правительство и местные органы власти стали поддерживать партию (Ястребов 1915: 129–135).

В 1900 г. *старорусы* создали Русскую народную партию (ее руководящий орган – Русская Рада). В 1909 г. партия разделилась на *старокурсников* и *новокурсников*. У последних были более выражены *общерусизм*, независимость от правительства. *Новокурсники* подвергались политическим преследованиям, особенно в 1912–1914 гг., во время обострения отношений с Россией: «В согласии с желанием центрального правительства, при приветствиях со стороны *украинцев*, местные польские власти закрывали ученические общежития – “бурсы”, воспрещали изучение русского языка, чтение русских классиков, преследовали движение к православию и оскорбляли святыни его (храмы и т. д.), устраивали – при участии *украинцев* – процессы против *старорусов* по обвинению их в государственной измене (дело оправданных присяжными – поляками же и евреями – свящ. Сандовича и Гудимы, гг. Бендасюка и Колдры в 1912–1914 гг.) и т. д.» (Ястребов 1915: 136–137).

В очерке профессора Харьковского университета А.Л. Погодина «Зарубежная Русь» представлены история, статистические, этнографические и экономические сведения о зарубежной Руси (Галиции, Буковины, Угорской Руси), ее культурной жизни и национальном пробуждении, дается обзор русского и украинского движения. А. Погодин писал, что русское население Австро-Венгрии в политическом плане разъединено (Галиция, Буковина - в составе Австрии, ряд комитатов - в составе Венгрии) и «представляет одну географическую полосу, которая непосредственно примыкает на востоке к Холмской, Волынской и Бессарабской губернии (к самой северной части последней» (Погодин 1915: 4). В Галиции, по переписи 1910 г., уточнял автор, жило 3 208 тыс. русских, из которых на Восточную Галицию приходилось 2 994 тыс. В этой области русские составляли около 63 %, поляки – свыше 32,5 %. Исследователь считал, что австро-венгерская статистика не дает точного представления об этих двух основных группах населения, так как «при перечислении официально признанных народностей евреи отдельно не упоминаются. Они распределяются по рубрикам среди говорящих на немецком, польском или русском (русинском, официально – *ruthenisch* (рутенском. – С.С.)) языках» (Погодин 1915: 4). Однако в статистике религий представителей иудейского вероисповедания в Галиции было 10,86 %. Галицийские евреи, как писал А. Погодин, «вынужденные указывать своим родным языком один из признаваемых в империи, обычно признают за таковой польский или немецкий, но не русский,

так что численность русского населения Галиции, определяемая официальной статистикой, не может быть преувеличена сколько-нибудь значительно» (Погодин 1915: 4).

По приводимым данным галицко-русского статистика В. Охромовича, евреев, записавшихся в рубрику поляков, было 450 тыс., а записавшихся в рубрику русских – 39 тыс. Количество русских по уездам в среднем колеблется между 50 и 70 % (максимальный – не выше 86 %). Большинство галицких русских – униаты, «к униатскому вероисповеданию принадлежат и русские Венгрии, численность которых, согласно не всегда достоверным данным венгерской официальной статистики, равнялась в 1910 г. 472 587 чел., тогда как русское население Буковины, присоединенной к Австрии не от Польши, но от Турции, осталось православным, как и румыны. В Буковине русских более 305 тыс. (38,38 %), а румын 273 тыс. (34,38 %)». Ученый выводит численность всей зарубежной Руси в Австрии (Буковине и Галиции) и в Венгрии в 1910 г. в 3 985 780 чел. (Погодин 1915: 5).

Описывая рост национального самосознания населения, А. Погодин указывает, что «тот язык, на котором писали люди старого поколения, стремившегося к литературному единению с Россией, оказывался настолько безобразным, настолько чуждым и русскому языку, и местным народным говорам, что это "язычие" внушало к себе только насмешки». Новое поколение, образовавшееся в начале XX в., «правильно писало и говорило по-русски, поддерживало оживленные связи с Россией и т. д.». Однако «общий путь развития галицко-русской интеллигенции пошел иным путем, мимо России и даже более того: враждебно России, от которой украинцы стремились возможно обособиться». Исследователь считает, что, скорее всего, этот процесс «не имеет того всеобщего характера, какой стремились придать ему главные деятели движения», полагая, что начало войны застало «процесс образования обособленного *украинского* национального самосознания в Восточной Галиции не завершившимся». На это «указывают и неустойчивость литературного украинского языка, и то влияние, какое имеют в движении отдельные лица, собственно главари "кружков", и переходы людей из одного (москалефильского) лагеря в другой (украинский)» (Погодин 1915: 19-20).

Этот печальный факт разрыва общерусского культурного единства, по словам ученого, объясняется как сочувствием австрийской власти такому разрыву, так и стремлениями политических вождей Галицкой Руси обосновать свою борьбу за политические права народа в Австрии связью с народными массами.

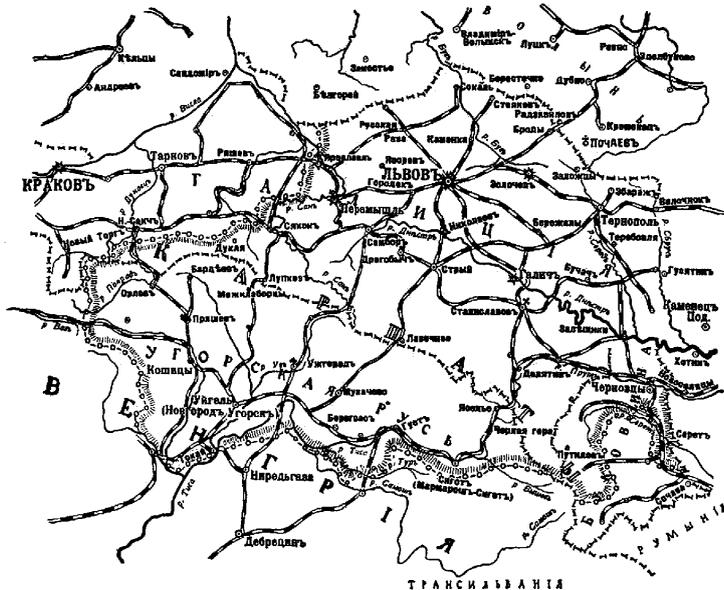
Он упоминает, что украинцы «заставили польское большинство Галицийского сейма принять в 1913 году новый избирательный закон,

обеспечивающий русскому населению страны более справедливое и более широкое представительство», «добились обещания устроить в Галиции отдельный русский университет» (Погодин 1915: 20–21).

В течение последних 15 лет вялая деятельность галицко-русских политических партий (под ними А. Погодин понимает и *украинские*, и *москвофильские* партии. – С.С.) приняла чрезвычайно энергичное и бурное течение. Несколько радикальных украинских борются между собой из-за первенства, со всеми ними в свою очередь – «москалефильство», «сумевшее в лице своих молодых представителей найти путь к достижению своего идеала, литературного, религиозного и политического объединения Галицкой Руси с Россией». Народная масса же в Галицкой Руси осталась почти так же бедна и темна, как и в прошлые годы, и так же эмигрирует в Америку в поисках лучшей доли (Погодин 1915: 22).

В аналитической записке «Современная Галичина. Этнографическое и культурно-политическое состояние ее, в связи с национально-общественными настроениями» (далее *записка*. – С.С.), составленной при Военно-цензурном отделе Управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, приво-

Приложение к „Прикарпатской Руси“ № 1.

Карта русских областей Австро-Венгрии.

(Русь Галицкая, Буковинская и Угорская).

Рис. 1. Карта русских областей Австро-Венгрии (Прикарпатская Русь 1914).

дится немало интересных сведений о национальном, политическом и экономическом положении в крае. Брошюра датируется июлем 1914 г., некоторые помещенные в ней материалы (в частности, информация о созданном 29 июля (11 августа по новому стилю) 1914 г. в Киеве «Карпато-русского освободительном комитете» и выпущенном им воззвании) позволяют сделать вывод о том, что данная записка появилась после начала боевых действий (19 июля (1 августа по новому стилю) 1914 г. Германия объявила войну Российской империи. – С.С.), вероятно, в первых числах августа по старому стилю (по новому – в середине августа. – С.С.). Записка помечена под грифом «Доверительно. Для широкого ознакомления господ офицеров действующей армии».

В первой главе «Национальности в Галичине и их распределение (русский элемент, польский элемент, евреи и немцы)» дан анализ этнического состава Галиции, во второй – распределение «культурной, политической и экономической силы в Галичине».

Русский элемент (под ним подразумевались русины. – С.С.), по сведениям авторов, густо населяет всю восточную часть Галичины (от русской восточной и северо-восточной границы до линии Розвадов – Пржеворек – Дынов и линии, идущей на запад, параллельно Карпатам по Новый Сонч).

Отмечалось, что «русское население (более 3 $\frac{1}{4}$ милл., не считая Буковины) в своей массе крестьянское. Интеллигенцию и полуинтеллигенцию (несколько тысяч) составляют: униатское духовенство (главная масса интеллигенции) и сельские учителя (по деревням); в городах и местечках, кроме духовенства и учителей, интеллигенцию составляют адвокаты, врачи и чиновники. Русских помещиков почти нет».

Вся экономика края (торговля и промышленность) находится «в чужих, преимущественно в еврейских руках. Имеется среди русских крестьянская кооперация, но в слабом, зачаточном развитии. Зато кредитное дело поставлено у русских довольно солидно: его обслуживает густая сеть кредитных кооперативов» (Современная Галичина 1914: 3).

Говоря об ареале расселения русских в Галичине, исследователи отмечали, что в Карпатах и в Подгорской части (отроги Карпат до железнодорожной линии Станиславов (с 1962 г. Ивано-Франковск. – С.С.). – Долина – Стрый – Самбор) русских 90–100 %. На северо-востоке и севере (уезды Броды, Радсков, Каменка, Жолков, Рава Русская, Сокаль, Яворов и др.), до реки Сан, русских 80–90 %. В черноземной полосе – Тарнопольский округ (дистрикт) (уезды Гусятин, Скалат, Бучач, Залещики, Барезжаны, Теревовля, Тарнополь), а также в полосе,

перерезываемой железнодорожной линией Тарнополь (после 1944 г. – Тернополь. – С.С.) – Золочев – Львов – Перемышль – Ярослав, русских 65–90 %. Польский элемент населяет остальную часть края (Западную Галицию), где русских совсем нет⁴ (Современная Галичина 1914: 3–4).

Галицко-русский общественный деятель Д.Н. Вергун в своей брошюре «Что такое Галиция?» указывает западную границу расселения русского племени: от Холмской губернии, по реке Сан, ее притоку Вислоке до истоков Дунайца, затем через Карпатские горы по реке Попрад и водоразделу притока Дуная реки Ваг и западных притоков реки Тисы по реке Шайю (Слана). Южная граница – верховья Тисы до города Токая, восточная – истоки реки Вишеу (Вышевой), притока Тисы.

На этом пространстве от указанных границ до пределов губерний Российской империи – Холмской, Волынской, Подольской и части Бессарабской – живет около 6 млн русского населения. «Несмотря на шестивековое отторжение его от русского корня, оно не утратило своей принадлежности к русскому миру⁵» (Вергун 1915: 13).

В то же время «русский элемент страдает во всех отношениях от культурного и политического засилия поляков, а также от экономического засилия евреев. Благодаря этому, эмансипационная борьба, которую ведут русские, безуспешна» (Современная Галичина 1914: 5).

Само русское население называет себя в Галичине русинами (в записке – русынами – С.С.), руснаками. Женщины говорят

Рис. 2. Карта распределения обиходного русского и польского языков в Галичине. 1914 г. (АВПРИ: 57).

о себе: «Я русска». Свою веру, язык и т. д. они называют русскими. Поляки называют русское население *русины*, *руски* – в отличие от русских в России, которых они называют *росиане*, *москале*, *росийски*, *москевски* (Современная Галичина 1914: 16). Д. Вергун перечисляет «названия наших горных племен»: верховинцы (как он считал, от румынского «гуцулы»), бойки, лемки (от слова «лем» – «лишь»), сотаки (от *со* вместо *шо-то*) и т. д. (Вергун 1915: 57).

Д. Вергун описал «критерии для определения русской национальности в Прикарпатской Руси»: вероисповедание православное (в Буковине и отдельных общинах Галиции и Венгрии) либо восточный обряд греко-католической церкви (Галиция и Угорская Русь), обиходное местное русское наречие среди населения, официально приписанного к римско-католической церкви, осознание своей принадлежности к «старой вере» среди омадьяренного населения Северо-Восточной Венгрии и название *orosz* (русский) (Вергун 1915: 11).

Интеллигенция, как отмечалось в записке, делится на два национальных лагеря: *русский*, который украинцы называют «кацапским», а крестьяне – «твердыми русынами», и *украинский*, который крестьяне называют «мягкими русынами» (Современная Галичина 1914: 16).

Авторы записки указывают, что главной из общественно-политических организаций местного русского населения является «Галицкий народный совет». Он представляет ту часть галицко-русского населения (приводится цитата из газеты «Прикарпатская Русь». 1912. № 771), которая «исповедует исторические русские начала и остается верной русской национальности». Исполнительным органом является Русская Рада, учрежденная в 1848 г.

В состав совета входят 20 членов, избираемых ежегодно на народном съезде во Львове делегатами от уездов, члены правления Русской Рады, представители центральных культурных и экономических учреждений Галицкой Руси, организаций «Народный дом», «Ставропигион»⁶, «Общество Качковского», «Защита земли», а также галицко-русские депутаты галицкого сейма и венского парламента и редакторы газет «Прикарпатская Русь» и «Голос народа». В брошюре перечисляются все члены народного совета на 1914 г. (Современная Галичина 1914: 6–9).

В главе «Настроения в Галичине (Национально-общественные и политические группы)» сообщается, что русский лагерь представляет партия Русская народная организация, которую также называют Русской народной партией. Органы партии – ежедневная газета «Прикарпатская Русь» (1 500 подписчиков), издававшаяся во Львове, и еженедельники: «Голос народа» (8 тыс. подписчиков), выходившая во Львове; «Русская земля» (4 тыс. подписчиков), издававшаяся в

Перемышле; «Русская Рада» (около 2 тыс. подписчиков), выходившая в Коломые (выпуск временно прекращен из-за смерти издателя); «Народная воля» (около 2 тыс. подписчиков), издававшаяся в Черновцах. Также «Просветительское общество имени Михаила Качковского» (12 тыс. членов) выпускало ежемесячно популярные книжки.

Существовали также русские дружины – пожарно-гимнастические организации, объединявшие свыше 20 000 членов по деревням.

Русская народная партия на парламентских выборах, несмотря на противодействие правительства и террористическую агитацию враждебных групп, собрала не менее одной трети всех голосов, отданных русским населением.

Национальные песни Русской народной партии: «Пора, пора за Русь святую», «Мир вам, братья» и другие на тему единства Руси от Карпат до Камчатки. Национальная лента - бело-сине-красная.

Основные сторонники Русской народной партии проживали на северо-востоке (поветы Броды, Скалат, Зборов, Золочев (польск. Злочув), Каменка Струмилова, Радехов, Сокаль, Рава Русская, Жолков), а также в значительной мере в поветах Львов, Городок Ягеллонский и Яворов, в центре края (поветы Перемышляны, Жидачев, Дрогобыч, Добромил, в значительной мере Стрый, Перемышль, Рудки, Ярослав, Станиславов, Толмач и Бучач), в Подкарпатской области и Карпатах (поветы Коломыя, Печенежин, Калуш, Долина, Сколье, Турка, Сянок, Леско, Березов (польск. Бржозов), Ясло, Горлицы, Новый Сонч (крайний запад русской Галичины).

Были отдельные села и в других поветах.

Внешние признаки принадлежности селения к Русской народной организации: существование в нем читальни имени Михаила Качковского, Русской дружины (пожарно-гимнастической организации), наличие подписчиков и читателей газет «Голос народа», «Прикарпатская Русь», «Русская земля» и др. (Современная Галичина 1914: 16–18).

В записке упоминается об образовании русскими галичанами, оказавшимися в России, Карпато-русского освободительного комитета, учредительное собрание которого состоялось 29 июля 1914 г. в Киеве. Его целями были информирование общества и армии об истории и современном положении Галичины, забота о военных беженцах и пленных русских галичанах. В воззвании «Многострада́льный русский народ Галицкой земли!» от 29 июля он призывал местное население «встречать православное русское воинство, которое несет тебе не только широкий простор земли и хлеб для утоления голода телесного, но несет тебе также твое незапятнанное имя Руси; несет тебе православную веру твоих предков, несет тебе волю и свободу русского человека на своей родной Русской земле»,

а тех, кого «жестокая судьба заставила в рядах вражеской армии с оружием в руках выступити против своих братьев, несущих нашему народу искупление, осени себе крестным знамением, благослови ту хвилю, в которой совершается освобождение родной земли. Кидай оружие и отдавайся православному воинству, которое примет тебе не як военного пленника, а як родного брата, вертаючого с неволи под стреху родной хаты. Кидай оружие, щобы в велику хвилю освобождения Галицкой Руси не лилась кровь брата от руки брата» (Современная Галичина 1914: 9–15).

Авторы записки отмечают «своеобразное течение русской национальной жизни в Галичине, известное под названием украинофильства и получившее кличку *мазепинства* (за измену исконным русским началам), возникло в 60-х гг. XIX в.». До 1890-х гг. оно играло положительную роль и работало вместе с русским движением Галичины. Однако из-за политики австро-венгерских властей, которые оценили значение украинства, с 1890-х гг. галицкая украинская партия вступила на путь оппортунизма и в угоду правящему польскому элементу провозгласила на Галицком сейме идею национального обособления малороссов от великороссов. В 1900-х гг. возникла идея самостийной Украины.

Рис. 3. Вероисповедная карта Галичины. 1914 г. (АВПРИ: 58).

Составители считали, что «таким образом, нелепая *интеллигентская* затея и мертворожденная, в сущности, идея искусственно подогревалась польской администрацией, проводившей взгляды Австро-Венгерского правительства, открыто указывавшего на это "пугало" для России». В 1907 г. высказывается мысль о создании Украины под скипетром Габсбургов, для чего Малороссию нужно было отторгнуть от России. Эта идея нашла отклик у Вены и Берлина.

Среди тех, кто подогревал враждебность к России, отмечено уникальное духовенство во главе с митрополитом графом А. Шептицким. Оно усиленно поддерживало ненависть к схизме (православию).

При рассмотрении украинского лагеря с двух точек зрения – политической и народной – делается вывод, что «политическое значение его до войны – дутая ценность, которой курс поддерживали венская печать и венское правительство ради соображений, связанных с наступлением на Россию». Причем антирусская «проповедь» с 1907 г. захватила только часть интеллигенции, главным образом «часть пылкой молодежи». Народные массы она почти не затронула.

Военные организации галицких украинцев – «детская забава», «что подтверждает недавний смотр, состоявшийся во Львове в день убийства эрц-герцога Франца-Фердинанда. Крестьянство приняло в нем участие в виде экскурсии во Львов, издержки которой (путевые и на харчи) уплатили организаторы съезда».

Несмотря на пропаганду, «массы крестьянства, состоящие под влиянием *украинцев*», к России относятся с симпатией, «как к государству, в котором "тверда русская вера" и "мужицкий царь", в котором земли много и налоги меньше». Причем «о присоединении к России мечтает и значительная часть украинской интеллигенции, та часть, которая не развращена еще вконец политикой своих вождей».

При оккупации края, рекомендовали авторы, достаточно закрыть украинские издания⁷ и установить надзор за украинцами во Львове и в таких провинциальных центрах, как Стрый, Перемышль, Тарнополь, Станиславов, Коломыя. По деревням же надзор в большинстве случаев поведет само крестьянство (сельские старосты и сельская полиция).

Считалось, что активно выступать против российской власти украинцы не будут, а их видные деятели уйдут с отступавшими австрийскими войсками. Хотя «возможно, что австрийское правительство во время мобилизации раздало оружие *украинским* организациям в некоторых крупных городах. Возможно также, что оружием снабжены видные представители так называемого *украинского лагеря*». Правда, серьезной силы такие организации не представляют, но «в случае вооружения их придется считаться, как это ни печально для нас, русских» (Современная Галичина 1914: 19–22).

В свою очередь, отмечается в записке, крестьянство, состоявшее в *Русской*, а затем в *Украинской радикальной партии*, не следует слепо за своими вождями, борется с униатством и сочувствует православию. Среди крестьянства были лидеры, которые вели борьбу с «интеллигентными вожаками партии». Крестьянство, находившееся «под опекой Национально-демократической партии», было более деморализовано (Современная Галичина 1914: 22).

Территории, где проживали сторонники Украинской радикальной партии, – южные уезды Восточной Галичины (в Карпатах и на их склонах): Снятин, Куты, Коссов, Солотвина, Надворна, отчасти Коломыя и Печенежин (Современная Галичина 1914: 23).

Песни украинского лагеря: «Ще не вмерла Україна» (в противовес им «русские» пели «Ще не вмерла Русь Святая»), «Не пора, не пора, не пора москалеви й ляхови служити!» (стихотворение И. Франко из цикла «Украина», созданного в 1880 г., стало вторым гимном украинцев. – С.С.). Партийная лента – сине-желтая, взятая с общей национальной галицкой кокарды (Современная Галичина 1914: 23).

Были указаны следующие внешние признаки принадлежности к украинским партиям: в помещениях *украинских* редакций и общественных организаций часто находились портреты Мазепы и других гетманов, боровшихся вместе с поляками против Москвы; в селениях *мазепенской* организации были читальни «Просвіты», пожарно-гимнастические организации «Січ» и «Сокіл». Среди интеллигентов отличить украинофила от русского можно было по библиотеке и выписываемым газетам. Первые читают свои местные издания и выписывают киевский «Літературно-науковий вістник», «написанный на жаргоне, искусственно и уродливо созданном интеллигенцией» (крестьяне «литературного украинского» языка не понимали) (Современная Галичина 1914: 23–24).

Рекомендовалось относиться к украинофилам-крестьянам, «пока нет активных выступлений, снисходительно и даже предупредительно. Они были *грубо обманываемы* своей властолюбивой интеллигенцией и не могли разобраться в этом, так как не знали великорусской и малорусской исторической и бытовой правды». К интеллигенции следовало относиться выжидательно: «Быть может, своим поведением и сознанием настоящего положения вещей она, невзирая на свое властолюбие, заставит нас забыть старое, и нам не придется прибегать к применению суровых законов военного времени» (Современная Галичина 1914: 24).

В Восточной Галичине «польский элемент встречается: в крупных городах (от 25 000 населения) – в значительной мере; в уездных городах и местечках – главным образом среди чиновников; среди

помещиков и крупных землевладельцев (в настоящее время 30 % крупного землевладения – в руках евреев); в черноземной полосе и по железнодорожной линии Львов – Перемышль часто попадаются колонии польских крестьян (мазуров)» (Современная Галичина 1914: 4). Поляки доминировали в органах государственной власти (чиновники), в экономической жизни в качестве землевладельцев (Современная Галичина 1914: 5).

Основная часть польского населения была сосредоточена в крупных городах (Львов, Перемышль, Тарнополь, Станиславов, Самбор), в мелких городах и местечках: поляки – в основном чиновники, учителя и ремесленники (Современная Галичина 1914: 24). Польское сельское население в Восточной Галичине проживало в уездах Галицкой «Подолии»: Бучаче, Гусятине, Тарнополе, Гримолове, Золочеве, Львове и Городке Ягеллонском. Большинство крестьян жило на хуторах, часть – компактно в деревнях, окруженных русским населением (Современная Галичина 1914: 25–26).

Отмечалось, что на настроения польского населения Восточной Галиции влияли два политических направления: народная демократия (всеполяки) и императорско-королевское (неподлеглощвовцы). Первое движение – антинемецкое, и оно искало «примирения с Россией». При вступлении русских войск представители этого движения, скорее всего, повели себя корректно, «даже благожелательно». Эта партия могла бы взять на себя ответственность за польское население в городах и селах Галичины. Второе движение было проникнуто антирусским духом, имело военно-добровольческие дружины, обучавшиеся под руководством австрийских офицеров (Современная Галичина 1914: 25).

Разбросанность поляков ослабляла их организованность. Вооруженное столкновение с ними было проблематичным, считают авторы записки, но можно предполагать наличие у них австрийского оружия (Современная Галичина 1914: 25–26).

Евреи населяли «довольно густо города, местечки, в которых иногда их абсолютное большинство; по деревням можно встретить от 5 до 15 и более семейств» (Современная Галичина 1914: 4). В политической жизни еврейский элемент был лоялен правительству (следовательно, полякам). В области культуры «он усиливает отчасти польские ряды, отчасти предается идее сионизма. Разговорный и печатный язык у евреев Галичины – так называемый жаргон. В экономическом отношении евреи всемогущи» (Современная Галичина 1914: 5).

Касательно политических взглядов еврейского населения было отмечено, что, «примыкая обыкновенно к сильнейшей партии, в данное время к полякам, евреи на самостоятельное активное выступление не

решатся, особенно если почувствуют, что это бьет их по карману». Его беднейшая часть, учитывая, что в России налоги меньше, к переходу в российское подданство относилась положительно (Современная Галичина 1914: 29).

Немецкие колонии времен Иосифа II, указывалось в записке, немногочисленны, а «немцы как национальный фактор в крае никакой роли не играют» (Современная Галичина 1914: 5). Немцы в Галичине ни в культурном, ни в политическом, ни в экономическом отношении силы не имели. Немецкая политика, т. е. политика Австро-Венгрии, «имеет своим проводником польский элемент с евреями, а в последнее время к ним подслуживается т. н. *украинофильствующая* часть населения, которая совершенно определенно дает понять австрийскому правительству, что с помощью *украинофильской* партии может быть отторгнута от России *Украина* для присоединения к Галиции» (Современная Галичина 1914: 5–6).

В заключение авторы записки констатируют, что «победа русского оружия была бы встречена почти всеми общественными кругами Галичины в общем сочувственно, тем более что *враждебные* нам слои населения убеждены в том, что Австрия при столкновении с Россией потерпит поражение». Показателем этого, по мнению аналитиков, служил процесс «о государственной измене» (дело Бендасюка): «вынесенный польскими присяжными заседателями оправдательный вердикт можно считать, до известной степени, показателем некоторой "чуткости" польского общества» в условиях подготовки Австрии к войне с Россией (Современная Галичина 1914: 29–30).

Брошюра «Современная Галиция», к сожалению, сыграла роковую роль в разгроме русского движения Галичины. Первоначально она должна была служить русскому командному составу справочником о политических партиях Галиции и их отношении к России. Однако вскоре она попала в руки австро-венгерской разведки. Как вспоминал М. Ронге, в то время заместитель начальника военной разведки императорского и королевского Генерального штаба Австро-Венгрии, «первый экземпляр этой брошюры 11 октября доставил наш агент из штаба 24-го корпуса. Почти в то же время германский Генштаб добыл другой экземпляр из полевой канцелярии 23-го корпуса; один экземпляр был добыт в районе Сана, два экземпляра доставила армейская группа фон Кэвесса, а три экземпляра – главный разведывательный пункт во Львове, переведенный к тому времени в Мункач. Но уже впервые вторжения русских в Галицию раскрыли нам глаза на положение дела. Русофилы, вплоть до бургомистров городов, скомпрометировали себя изменой и грабежом. Мы очутились перед враждебностью, которая не снилась даже

пессимистам. Пришлось прибегнуть к таким же мероприятиям, как и в Боснии, – брать заложников, главным образом, волостных старост и православных священников (автор не разделяет униатских и православных священников. В Восточной Галичине в основном были униатские священники, на Буковине – православные. – С.С.). О настроениях последних весьма показательны следующие цифры: до начала 1916 г. с отступавшими русскими войсками ушли 71 священник, 125 священников были интернированы, 128 расстреляны и 25 подверглись судебным преследованиям. Таким образом, больше, чем одна седьмая часть всех священников Львовского, Перемышльского и Станиславского округов, были скомпрометированы.

Вышеуказанная брошюра стала роковой для многих русофилов. Она стала также главной уликой против их вождя, члена рейхсрата Маркова, который был арестован 4 августа одним из первых и отправлен в Вену. Другие вожаки еще до мобилизации скрылись в Россию» (Ронге 1939: 75).

Профессор П.Е. Казанский (российский правовед, специалист по международному и государственному праву. – С.С.) в работе «Присоединение Галичины, Буковины и Угорской Руси» пишет о том, что «Галичина около 600 лет, Буковина – 500 лет, а Угорская Русь – 900 лет утратили непосредственную государственную связь с остальными частями русского народа; под австрийским владычеством Галичина и Буковина находятся 140 лет, а Угорская Русь вдвое больше». Однако «сознание национального единства со всей Русью никогда не умирало в этих областях, и культурные, в особенности духовно-религиозные связи постоянно и сознательно поддерживались» (Казанский 1914: 9). Он упоминает, что «особенно в последние годы перед войной из среды червоннорусов выдвинулся целый ряд героев и мучеников русской идеи. Это священники – отцы Кабалюк, Гудима и Сандович, братья Геровские, С.Ю. Бендасюк, Д. Вергун и др., множество студентов и даже малоизвестных крестьян и крестьянок, заплативших годами тяжкого тюремного заключения и даже жизнью за то, что они не могли отказаться от своей народной чести» (Казанский 1914: 12). Он же упоминает о восторге, «который вызвало в червоннороссах занятие нашими доблестными войсками Львова, Галича и пр.». В заключение он написал: «Русские люди, помяните в ваших святых молитвах наших несчастных братьев и сестер из Галичины, Буковины и Угорской Руси. Из щедрых жертв, которые вы все несете на общее русское дело, уделите крупицу и им» (Казанский: 16).

В брошюре В.А. Верещагина (русский библиофил, библиограф, историк искусства. – С.С.) «Старый Львов» дается очерк по истории города, описываются его церкви, костелы, часовни, дворцы,

дома, улицы, музеи и частные собрания. В главе «Очерк истории Галицкой Руси» автор пишет, что с 90-х гг. XIX в. русские галичане разделяются по своим убеждениям на две партии (лагеря). «Первая, русско-народная партия, – поклонники единства Руси, исповедуют, на основании науки, действительной жизни и глубокого убеждения, национальное и культурное единство всего русского народа, признавая своими плоды его тысячелетней культурной работы. Вторая – украинофильская, признавая русский народ в Галиции отдельной славянской народностью, со своим особым, кстати сказать, специально изобретенным с этой целью языком, отличным как от русского, так и от малороссийского, стремится, за исключением незначительного, более умеренного ее меньшинства, к бессмысленной утопии создания независимой Украины от Кавказских гор до Сана». Он отмечал, что эта партия пользовалась «в качестве враждебной России, могучей поддержкой австрийского правительства, а в последнее время и щедрыми подачками Германии» (Верещагин 1915: 21–22).

К. Баладыженко в своей «Иллюстрированной истории Галичины в кратких очерках», описывая население Восточной Галиции, упоминает, что городское население состояло «по преимуществу из поляков и евреев», «главные массы населения принадлежат к южнорусскому племени». Сами же галичане, считал автор, обозначали свою принадлежность как *русун*, *русуны*, затем *украинэць*, *руський* (но не *российский*, не *москаль*, т. е. не *великоросс*). По официальной австро-венгерской терминологии, галичане – *рутены* (*русини*). Население равнины, как отмечал исследователь, почти ничем не отличалось «от наших холмских, волынских и подольских крестьян. Тот же говор, те же одежда, пища, обычаи, постройки, что и у восточных их соседей в России». От равнинных русинов отличались горные, обитатели Карпат – гуцулы, бойки, лемки.

Гуцулы населяли всю площадь так называемой Черногоры (*рус.* Черногора – самый высокий горный хребет в украинских Карпатах, расположен в восточной части Полонинского Бескида. Простирается в длину примерно на 40 км между Чёрной Тисой на западе и Чёрным Черемошем на востоке. – С.С.). По словам К. Баладыженко, это племя почти не знало земледелия, жило скотоводством и лесным промыслом. В условиях «суровой и убогой житейской обстановки оно сохраняет богато одаренную поэтическими и художественными наклонностями натуру». Бойки, «называющие сами себя верховинцами, занимают северо-восточные склоны Карпат. Это менее одаренное, чем гуцулы, племя, живет беднее, грязнее, забитое в массе, оно во многих чертах своего быта поражает архаичностью». Наиболее отдаленное к северо-западу племя – лемки (живущие в Низких Бес-

кидах), западной границей их являлась река Попрад. Занимались земледелием, пребывали в значительно лучших природных условиях, но испытывали недостаток земли. Правда, развившаяся в то время эмиграция в Америку помогла повысить благосостояние вернувшихся с заработков (Баладыженко 1915а: 6, 8).

Однако автор несколько однобоко описывает современную ему политическую ситуацию в Галичине: называет русское движение «партией реакционных твердорусинов», которая «коснела в своем отчуждении от народа», в то же время «народничество крепло и разрасталось». Умудрившись обойти вниманием деятельность многочисленных русских организаций (даже таких просветительских, как «Общество имени М. Качковского», имевшего отделения (филии) по всей Восточной Галиции), гонения центрального и местного правительств в отношении русских организаций и деятелей, поддержку властями украинофилов, их антироссийскую позицию, автор несколько искажает картину политической жизни и национальной самоидентификации русинов. Он пишет о том, как «патриотическая молодежь основывает во Львове просветительное общество "Просвита", насчитывающее перед войной несколько тысяч школ, библиотек и читален, учреждает известное своей ученой деятельностью, превзошедшей все ожидания Львовское "Наукове товариство имени Шевченко", добивается средних учебных заведений с украинским языком преподавания и украинского университета, наконец, устраивает массу экономических организаций и при помощи их организует крестьянство для участия в политической жизни края». Весьма спорен тезис автора о «большой популярности» народовцев среди населения⁸ (Баладыженко 1915а: 98).

Немногом отличается от цитируемой выше книга «Галичина, Буковина, Угорская Русь», выпущенная сотрудниками журнала «Украинская жизнь»⁹: авторы относят русинов к украинцам и подчеркивают их схожесть с «русскими украинцами» и «общеукраинские черты» (Галичина 1915: 11–16). При описании политической жизни Восточной Галиции уделяется внимание польско-украинской борьбе и «галицким украинским партиям», движениям и их деятельности (Галичина 1915: 113–135). Русское движение подвергается критике («галицкие русификаторы», реакционное движение), это группа «в среде украинского населения Галиции», которая провозглашает идею единства русского народа и литературного языка, «отрицающая за украинским народом право на самостоятельное национальное развитие» и утверждающая, что «украинский язык не язык, а жаргон, и что литературным языком украинцев должен быть язык великорусский, отсюда стремление данной группы русифицировать галицкое крестьянство, привить ему

презрение не только к украинскому языку, но и вообще к украинской национальной культуре» (Галичина 1915: 117–118).

Появление в первые годы войны в России материалов, носивших явную украинофильскую направленность¹⁰, видится несколько странным, так как представители украинских партий в Австро-Венгрии еще с довоенного времени занимали явную антироссийскую позицию, которая с началом войны еще больше активизировалась.

Как вспоминал уже цитируемый нами выше М. Ронге, против России работали созданный в Австрии «Союз по освобождению Украины»¹¹ («Союз (Спілка) визволення України», СВУ), которым руководили М. Меленевский и А. Скоропис-Йолтуховский, и группа российских мазепинцев во главе с доктором Н. Зализняком (Ронге 1939: 71). Первоначально его возглавили украинские социалисты А. Скоропис-Йолтуховский, В. Дорошенко, А. Жук, Д. Донцов, Н. Зализняк и М. Меленевский (Енциклопедія українознавства 1976: 2971–2972; Бердник 2014: 18). М. Ронге отмечал стремление многочисленных послов (депутатов) австрийского Государственного совета (рейхсрата) – поляков И. фон Сливинского, И. Дашинского, украинофилов д-ра К. Трилёвского (один из создателей легиона украинских сечевых стрельцов. – С.С.), д-ра К. Левицкого, Н. фон Вассилко – использовать национальное движение в Польше и Малороссии для формирования легионов (Ронге 1939: 71). Кроме «Союза визволення України», 1 августа 1914 г. было создано политическое объединение трех партий (национал-демократов, радикалов и социал-демократов) «Головна Українська Рада» (ГУР), в руководство которой вошли К. Левицкий, М. Павлик и М. Ганкевич (Бердник 2014: 18).

Выпущенные в первые годы войны различные неперіодические издания, посвященные истории, экономике, культуре, демографии, национальному составу с приведенными статистическими данными, политическим движениям Галичины, написанные специалистами, являются ценными пособиями для изучения истории региона и национального самоопределения его основного населения – русинов.

Примечания

1. В Австро-Венгрии Западная и Восточная Галиция называлась «Королевство Галиции и Лодомерии с Великим княжеством Краковским и княжествами Освенцима и Затора». Столицей был Львов. Образовалось после раздела Речи Посполитой в 1772 г. Сегодня это территория Ивано-Франковской, Львовской и большей части

Тернопольской областей Украины, Подкарпатского и большей части Малопольского воеводств Польши.

2. Профессор Н.В. Ястребов считал правильным употреблять по отношению к галицким русинам термин *малороссы*, поясняя: «украицы, русины по новой научно неправильной терминологии галицкой малорусской интеллигенции, рутены – по старой официальной немецкой терминологии, русские – по словоупотреблению широкой народной массы в Галиции, знающей слово *русин* только в единственном числе» (Ястребов 1915: 19). Среди «малорусского населения в Карпатах» он выделял этнографические группы: лемки, бойки, гуцулы (Ястребов 1915: 21).

3. Эта терминология, унаследованная от украинофилов XIX в., широко используется не только современными украинскими учеными, но и их российскими коллегами, что, на мой взгляд, неоправданно. В свое время Н.М. Пашаева обосновала, почему она избегала употреблять термины «Западная Украина» (принятый в исторической литературе термин вместо «Восточная Галиция») и «украинцы» для обозначения национальной принадлежности галичан: «Эти термины появились лишь во второй половине XIX в., когда в национально-освободительном движении края произошел раскол, породивший антагонизм русских галичан и галичан-украинцев. Тогда термин «украинец» носил не этнический, а скорее национально-политический характер... Первоначальное самоназвание населения – русский, руский, руський». Поэтому исследователь использовала в отношении галичан, считавших себя частью единого русского народа, название «русские галичане», а их движение – «русское движение в Галичине». Саму же Восточную Галицию она именовала Галичиной (термин, принятый в исторической литературе и наиболее полно отражающий понятие) (Пашаева 2007: 8–9).

4. Не совсем верное утверждение: на юго-востоке Польши в горном массиве Низкие Бескиды (в то время Западная Галиция) до сих пор проживают русины-лемки.

5. Д.Н. Вергун считал, что «идея национального "украинского" сепаратизма охватила только небольшую горсть местной полуинтеллигенции, зависевшей тем или иным образом от Венского и Будапештского правительств». В основную же массу населения данные идеи не проникли, «успехи, которыми так гордились украинские деятели, объясняются экономической подкладкой» (Вергун 1915: 13–14).

6. В «Справке о Ставропигийском институте и Русском народном доме во Львове», составленной Ватикано-славянским отделом МИД России 23 июля 1916 г., говорится, что Львовский Ставропигийский институт возник из церковного Успенского братства, основанного во второй половине XVI в. и получившего от Вселенского патриарха ряд

привилегий, подтвержденных австрийским императором. По своему замыслу институт должен был являться центром «духовно-просветительной жизни галицкого народа; для этой цели при нем были образованы типография, книжный склад и церковный музей. Странноприимная гостиница и больница, если не ошибаюсь, прекратили свое существование. В последнее время институт находится в заведовании некоторых представителей старорусской («альтрутенской»), т. е. клерикально-оппортунистической партии; печатал и издавал кое-какие книги и брошюры, но вообще пришел в упадок» (АВПРИ: 74). В той же справке: «Русский народный дом основан в 1852 году на народные пожертвования. Целью этого учреждения является содействие подъему "культурно-нравственных" сил галичан. Поэтому на руководящую роль в деятельности этого учреждения претендовали руководители всех трех существующих среди галичан политических течений: старорусского (альтрутенского), украинского (мазепинского) и национально-русского (москвофильского). Перевес оказался на стороне последних, что дало повод украинцам жаловаться, что Народный дом "действует в духе, враждебном народным интересам галичан". Для осуществления своих целей Народный дом имеет библиотеку-читальню, археологический музей, картинную галерею, содержит интернаты для детей (гимназистов и ремесленников) и начальный женский пансион; учреждает стипендии для учащейся молодежи; покровительствует возникшим во Львове кружкам: студенческому "Друг", дамскому благотворительному, русских ремесленников, литературно-драматическому "Муза" и др. В последнее время капитал Народного дома достигал 800 000 крон» (АВПРИ: 74–74 об.).

7. Имеются в виду: «Руслан» – ежедневная газета клерикальной партии (вождь А. Барвинский); «Діло» – ежедневная газета национал-демократической партии (вожди - д-р К. Левицкий, проф. Днестровский, Колесса и др.); «Свобода» – орган той же партии для крестьянства; «Громадський голос» – еженедельник Руськой радикальной партии, переименованной в Украинскую радикальную партию (вожди – адвокаты и депутаты Трилёвский, Лагодинский, кружок студенческой молодежи); «Воля» – «маленький листок» украинской Социал-демократической партии (Современная Галичина 1914: 22).

8. Перу К. Баладыженко принадлежат еще несколько брошюр, изданных в России в 1915 г. В частности, одна из них посвящена истории Галицкого княжества (Баладыженко 1915b), другая – Буковине (Баладыженко 1915c). В последней местное население называется украинцами, язык – украинским, и описывается деятельность только украинских организаций (Баладыженко 1915c: 6–12, 47–50).

9. Журнал «Украинская жизнь» («Українське життя») – литера-

турно-научный и общественно-политический ежемесячник на русском языке, выходил в Москве (1912–1917). Редактором его был С. Петлюра. Во время войны журнал, как отмечал Ю. Тернопольский, это «единственный легальный журнал политики и общественной жизни, который информировал приверженных до нас русских и другие народы России, как также и наше общество» о украинском вопросе и украинской культуре. Ориентировался на русскоязычного читателя, отстаивал национальные интересы, а также имел задачу содействовать консолидации украинцев (Тернопільський 1974: 27). Его основатели воспользовались большей лояльностью московских властей по сравнению с руководством малороссийских губерний (Безкровний 2015: 87).

10. В годы войны украинофилы выпустили в России ряд брошюр по истории и современному положению Галиции, Буковины и Угорской Руси. См., напр.: Баладыженко 1915a; Баладыженко 1915b; Галичина 1915a; Галичина 1915b и т. д.

11. Создан 25 августа 1914 г. при содействии Министерства иностранных дел Австро-Венгрии политическими эмигрантами из Российской империи. Скоропис-Йолтуховский в напечатанной в Стокгольме брошюре «Что же такое Совет освобождения Украины» писал: «Союз занял враждебное отношение к России, возлагая свои надежды на военный разгром царской России армиями центральных государств». Он признает и то, что союз «провозгласил, кроме того, желательность занятия Украины войсками враждебных России держав» с целью «достижения национальной независимости путем первоначальной оккупации центральными государствами». В работе организации также участвовал ряд буковинских и галицких деятелей (Милюков 1921: 150). СВУ претендовал на то, чтобы представлять и население Надднепрянской Украины. На самом деле он полностью зависел от своих немецких и австрийских хозяев. Средства, выделяемые ими на его деятельность, считались «государственным долгом будущей самостийной Украины» (Бердник 2014: 18). Данный опыт пропаганды и агитации впоследствии широко использовался немцами в годы Второй мировой войны (Мамадалиев 2015).

ЛИТЕРАТУРА

АВПРИ - Архив внешней политики Российской империи. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 152.

Баладыженко 1915a - Баладыженко К. Иллюстрированная история Галичины в кратких очерках. С 60 рисунками. Пг.: Тип. Бр. В. и И. Линник, 1915. 102 с.

Баладыженко 1915b - *Баладыженко К.* Краткая история Галицкого княжества. Пг.: Тип. Бр. В. и И. Линник, 1915. 32 с.

Баладыженко 1915c - *Баладыженко К.* Буковина («Зелена Русь») и ее прошлое. Пг.: Тип. Бр. В. и И. Линник, 1915. 50 с.

Бердник 2014 - *Бердник М.А.* Пешки в чужой игре. Тайная история украинского национализма. М.: Алгоритм, 2014. 400 с.

Безкровний 2015 - *Безкровний Ю.* Журнал «Украинская жизнь» і цензура (1912–1917) // *Етнічна історія народів Європи.* 2015. Вип. 46. С. 86–92.

Вергун 1915 - *Вергун Д.* Что такое Галиция? 2-е изд., испр. и доп. Пг.: Лукоморье, 1915. 65 с.

Верещагин 1915 - *Верещагин В.А.* Старый Львов. Пг.: Тип. «Сириус», 1915. 112 с.

Галичина 1915a - Галичина, Буковина, Угорская Русь / Сост. сотрудниками журнала «Украинская жизнь». М.: Задруга, 1915. 231 с.

Галичина 1915b - Галичина, Буковина, Угорская Русь / Сост. сотрудниками журнала «Украинская жизнь». 2-е изд., доп. М.: Задруга, 1915. 281 с.

Енциклопедія українознавства 1976 - *Енциклопедія українознавства.* Словникова частина. [в 11 т.]. Наукове товариство імені Шевченка / Гол. ред. проф., д-р В. Кубійович. Париж; Нью-Йорк: Молоде життя, 1976. Ч. 8. С. 2805–3200.

Казанский 1914 - *Казанский П.Е.* Присоединение Галичины, Буковины и Угорской Руси. Речь в публ. собр. Одес. отд-я Галицко-рус. благотвор. общ-ва, 5 окт. 1914 г. проф. П.Е. Казанского. Изд. 2-е, без перемен. Одесса: Тип. Епарх. дома, 1914. 16 с.

Мамадалиев 2015 - *Мамадалиев А.М.* Пропаганда и агитация в войсках специального назначения Третьего рейха в период Второй мировой войны // *Propaganda in the World and Local Conflicts.* Vol. 3. Is. 1. Pp. 14-25. DOI: 10.13187/pwlc.2015.3.14

Милюков 1921 - *Милюков П.Н.* История второй русской революции. Т. 1, вып. 1. Противоречия революции. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. 248 с.

Пашаева 2007 - *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М.: Имперская традиция, 2007. 192 с.

Погодин 1915 - *Погодин А.Л.* Зарубежная Русь Пг.: П.П. Сойкин, 1915. 32 с., 3 л. ил., карт.

Прикарпатская Русь 1914 - Прикарпатская Русь. Издание Карпато-русского освободительного комитета [Киев]. № 1. 10 августа 1914 г. Приложение к «Прикарпатской Руси» № 1.

Ронге 1939 - *Ронге М.* Разведка и контрразведка. 2-е изд. / Пер. с нем. М.: Воениздат НКО СССР, 1939. 244 с.

Современная Галичина 1914 - Современная Галичина: этнографическое и культурно-политическое состояние ее, в связи с национально-общест-

венными настроениями. Записка составлена при Военно-цензурном отделе Управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (июль 1914 г.). [Б. м.]: Походная тип. штаба главнокомандующего армиями, 1914. 30 с.

Суляк 2016 - Суляк С.Г. Русины в воспоминаниях участников Великой войны. Русин. 2016. № 2 (44). С. 73–92. DOI: 10.17223/18572685/44/6

Тернопільський 1974 - Тернопільський Ю.Л. Українська преса з перспективи 150-ліття. Джерзі ситі: Видавництво М.П. Коць, 1974. 175 с.

Ястребов 1915 - Ястребов Н.В., проф. Галиция накануне Великой Войны 1914 года. С картой Галиции и Буковины с Угорской Русью. Пг.: Типография А.Э. Коллинс, 1915. 147 с.

REFERENCES

The Archives of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). The fund of Special Political Department. List 474. File 152 (In Russian).

Baladyzhenko, K. (1915a) *Illyustrirovannaya istoriya Galichiny v kratkikh ocherkakh* [The Illustrated History of Galicia in brief sketches]. Petrograd: V. i I. Linnik.

Baladyzhenko, K. (1915b) *Kratkaya istoriya Galitskogo knyazhestva* [The Brief History of the Principality of Halych]. Petrograd: V. i I. Linnik.

Baladyzhenko, K. (1915c) *Bukovina ("Zelena Rus") i ee proshloe* [Bukovina ("Green Rus") and its past]. Petrograd: V. i I. Linnik.

Berdnik, M.A. (2014) *Peshki v chuzhoi igre. Taynaya istoriya ukrainskogo natsionalizma* [The pawns in someone else's game. The secret history of Ukrainian nationalism]. Moscow: Algoritm.

Bezкровний, Yu. (2015) The "Ukrainskaia Zhizn" magazine and the censorship (1912–1917). *Etnichna istoriya narodiv Evropi – Ethnic History of European Nations*. 46. pp. 86–92. (In Ukrainian).

Vergun, D. (1915) *Chto takoe Galitsiya?* [What is Galicia?]. 2nd ed. Petrograd: Lukomor'e.

Vereshchagin, V.A. (1915) *Staryy L'vov* [The Old Lvov]. Petrograd: Sirius.

Anon. (1915a) *Galichina, Bukovina, Ugorskaya Rus'* [Galicia, Bukovina, Ugric Rus]. Moscow: Zadruga.

Anon. (1915b) *Galichina, Bukovina, Ugorskaya Rus'* [Galicia, Bukovina, Ugric Rus]. 2nd ed. Moscow: Zadruga.

Kubiyovich, V. (ed.) (1976) *Entsiklopediya ukraïnoznavstva* [Encyclopedia of Ukrainian Studies]. Vol. 8. Paris; New York: Molode zhittya. pp. 2805–3200.

Kazanskiy, P.E. (1914) *Prisoedinenie Galichiny, Bukoviny i Ugorskoy Rusi. Rech' v publ. sobr. Odes. otd-niya Galitsko-rus. blagotvor. obshch-va, 5 okt. 1914 g.*

[Annexation of Galicia, Bukovina and Ugric Rus. The speech delivered on October 5, 1914, in the Public Meeting of the Galician-Russian Charity]. Odessa: Diocese.

Mamadaliyev, A.M. (2015) Propaganda and Agitation in the Special Forces of the Third Reich during the Second World War. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. Vol. 3. Is. 1. pp. 14-25 (In Russian). DOI: 10.13187/pwlc.2015.3.14

Milyukov, P.N. (1921) *Istoriya vtoroy russkoy revolyutsii* [The History of the Second Russian Revolution]. Vol. 1. Sofia: Russian-Bulgarian Book Publ.

Pashaeva, N.M. (2007) *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vv.* [Essays on the history of the Russian movement in Galicia in the 19th – 20th centuries]. Moscow: Imperskaya traditsiya.

Pogodin, A.L. (1915) *Zarubezhnaya Rus'* [The Foreign Rus]. Petrograd: P.P. Soykin.

Prikarpatskaya Rus'. (1914) Prilozhenie k "Prikarpatskoy Rusi" [Supplement to "Prikarpatskaya Rus'"]. 10th august.

Ronge, M. (1939) *Razvedka i kontrrazvedka* [Intelligence and Counterintelligence]. 2nd ed. Translated from German. Moscow: State Military Publishing House of People's Commissariat of Defense of the USSR.

Military Censorship Department of the Office of the Quartermaster General Staff Chief of the Armies of the South-Western Front. (1914) *Sovremennaya Galichina: etnograficheskoe i kul'turno-politicheskoe sostoyanie eya, v svyazi s natsional'no-obshchestvennyimi nastroyeniyami* [Modern Galicia: its ethnographic, cultural and political status in connection with the national public mood]. [s. l.]. Travelling Typography of General Headquarters.

Sulyak, S. (2016) Rusins in the memoirs of the participants of the Great War. *Rusin*. 2 (44). pp. 73-92 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/44/6

Ternopilskiy, Yu.L. (1974) *Ukrains'ka presa z perspektivi 150-littya* [The Ukrainian media from the perspective of the 150th anniversary]. Jersey City: M.P. Kots.

Yastrebov, N.V. (1915) *Galitsiya nakanune Velikoy Voyny 1914 goda* [Galicia on the eve of the Great War in 1914]. Petrograd: A.E. Kollins.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований Томского государственного университета (Россия), президент Общественной ассоциации «Русь» (Молдова).

Sulyak Sergey – Tomsk State University (Russia), Association "Rus'" (Moldova).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 94(478)"1914/1919"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/45/15

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СЕЛЬСКИЕ ЖИТЕЛИ БУДЖАКА (ИЗ МИКРОИСТОРИИ БЫВШЕЙ БОЛГАРСКОЙ КОЛОНИИ)

Н.Д. Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака
Молдова, 7400, г. Тараклия, ул. Мира, 9
E-mail: nrussev@mail.ru

Авторское резюме

В статье на примере бывшей болгарской колонии Шикирли-Китай (теперь Суворово), находившейся у дунайской границы Российской империи, показано, как в ходе Первой мировой войны изменялись социально-экономическое положение населения края, а также умонастроения людей. Массовая мобилизация переложила основную часть тяжелой крестьянской работы на плечи женщин и способствовала их эмансипации. Неудачи на фронте в значительной мере революционизировали солдат. В условиях развала армии, нехватки продовольствия и общественных беспорядков в 1917 г. хаос охватил всю Россию. В Шикирли-Китае гнев бедноты, возглавляемой фронтовиками, был направлен против представителей местной власти и священника. Подобные «революции» имели место во всем Буджаке, где не было крупных земельных собственников. Опьяненные свободой собственных преобразований сельчане были огорошены, когда Бессарабия в считанные недели оказалась под властью Румынии.

Ключевые слова: Россия, Румыния, Суворово, Шикирли-Китай, война, солдаты, мобилизация, тяжелое положение, потери на фронте, раненые, пропавшие без вести, попавшие в плен, революция, бедняки, примар, гонения на священников.

WWI AND THE VILLAGERS OF BUDJAK (THE EXPERIENCE OF MICRO-HISTORY)

N.D. Russev

Tsamblak State University of Taraclia
9 Pacii Street, Taraclia, 7400, Moldova
E-mail: nrussev@mail.ru

Abstract

In the article the former Bulgarian colony Shikirli Kitai (now Suvorovo) located on the Danubian border of the Russian Empire is used as an example to show how the socio-economic position and mentality of the local population changed during WWI. The massive mobilization shifted the most of the peasant's toil on women, which promoted their emancipation. Military failures largely revolutionized the soldiers to some. The collapse of the army, lack of goods and social disorders triggered chaos in Russia in 1917. In Shikirli-Kitai the anger of the poor led by the soldiers returning from the front was directed against the local authorities and the priest. Such "revolts" took place around Budjak, as there were no large landowners. Intoxicated by the freedom of their own reforms, the villagers were taken aback when Bessarabia came under Romanian rule in a matter of weeks.

Keywords: Russia, Romania, Suvorovo, Shikirli-Kitai, war, soldiers, mobilization, difficult circumstances, casualties, wounded, missing in action, captivity, revolution, the poor, Primar, suppression of priests.

Суровые будни Первой мировой войны, наложившие свое огненное тавро на судьбы миллионов людей, отражены на Западе в замечательных произведениях широко известных писателей так называемого «потерянного поколения». Специфика советской литературы (художественной и научной) состоит не только в ее подчеркнутой партийности, но и в стремлении вымарать из памяти людей действительные события нескольких лет, которые рассматривались исключительно как внутриутробный период вынашиваемой Россией долгожданной революции 1917 г. Свидетельства живых современников и особенно участников событий военных лет изолировали от общественной жизни и тем более письменной истории. Когда же, наконец, тему объявили актуальной, оказалось, что безвозвратно утраченная информация с трудом поддается учету.

* * *

Великая война, начавшаяся для России в августе 1914 г., казалось бы, складывалась для империи Романовых успешно. За несколько недель русские войска нанесли ряд поражений Австро-Венгрии, заставив ее покинуть Восточную Галицию и часть Буковины. Наступление Германии на Варшаву было остановлено. В стране царили урапатриотические настроения с верой в скорый разгром «проклятых тевтонцев». С вокзалов больших городов под бравурные мелодии духовых оркестров на фронт уходили эшелоны. Проводы часто сопровождались торжественными ритуалами с участием начальства, священников, фотографов и исполнением марша «Прощание славянки».

Между тем повседневность Бессарабской губернии, северные окраины которой граничили с районами боевых действий, была прямо сориентирована на нужды фронта. Это потребовало особого напряжения сельского населения ближнего тыла – на его плечи легла тяжесть снабжения армии продовольствием, фуражом и пополнения армейских рядов солдатами. Ежегодно в крае призывали военнообязанных, достигших 21 года; было проведено восемь мобилизаций запасников – «ратников», в том числе участников Русско-японской войны. Неоднократно государство проводило реквизиции коней и скота. Это в полной мере касалось и болгарских сел Буджака, где под ружьем оказались представители практически каждой семьи, иногда и по 2–3 человека. Известно, например, что из Задунаевки Арцизского района на фронте воевали 210 жителей и 63 из них погибли (Думиника, Червенков 2013: 144).

В предлагаемой на суд читателей статье речь идет о событиях 1914–1917 гг. в болгарском селении Шикирли-Китай, расположенном на левобережье дунайской дельты. Село на окраине Российской империи создали в 1815 г. «задунайские переселенцы», получившие в конце 1819 г. статус колонистов. После Крымской войны Шикирли-Китай вошел в состав Молдавского княжества, а затем Румынии. С 1878 г. бывшие болгарские колонии Придунавья были возвращены России, в границах которой пребывали вплоть до 1918 г. Затем, как и вся Бессарабия, село оказалось под властью Румынского королевства. В 1940–1941 и 1944–1991 гг. населенный пункт, переименованный в Суворово, входил в состав СССР, а с развалом Союза – в Измаильский район Одесской области Украины.

К сожалению, воспоминаний о Первой мировой войне и ее участниках в Суворово почти не осталось. Даже дети тех, кто тогда воевал, ушли из жизни. Отрывочные свидетельства и впечатления детства у меня как уроженца Суворово в единую картину никак не складывались. Вспоминал отдельных стариков, в том числе инвалидов, кото-

рых дед называл участниками «государственной войны», какие-то малосущественные рассказы... Правда, сохранилось значительное количество фотографий шикирлийцев – солдат 1914–1917 гг., но и эти важные документы чаще всего немые... Надписи на снимках встречаются редко и обычно не несут исторически значимой информации, а родственники запечатленных на них людей, увы, мало что могут рассказать.

Изучение вопроса об участии бессарабских болгар в Первой мировой войне находится в начальной стадии, поскольку в советскую эпоху с легкой руки В.И. Ульянова-Ленина она была объявлена не только «империалистической», но и «позорной». О ее героях почти не писали. Делалось все, чтобы война, которую в царской России называли Второй Отечественной (после войны 1812 г.), навсегда стала «забытой войной» (Волков 2004).

Только в связи с отмечаемым во всем мире 100-летием войны российская организация «Союз возрождения родословных традиций» осуществила интернет-проект под названием «Первая мировая война, 1914–1918 гг. Алфавитные списки потерь нижних чинов» (ПМВ 2014). Кропотливым трудом добровольцев была создана и выложена в свободном доступе солидная база данных, включающая более миллиона имен участников той войны.

В этих списках удалось отыскать имена нескольких десятков шикирлийцев. Трудности состояли в том, что многие болгарские фамилии записаны в искаженном виде: Бычев вместо «Бичев», Далахов и Далеков вместо «Далаков», Рожков вместо «Рашков» и т. д. Некоторые люди (24 человека) отнесены к жителям Шикирли-Китая, хотя на самом деле таковыми не являлись. Это, по всей видимости, были выходцы из соседних украинских и молдавских сел, на что указывают их «нешикирлийские» фамилии: Алексеенко, Коваленко, Панко, Перчун, Халупа, Бацу, Кауафет, Кочубаш, Руфа, Чериш...

В базе данных указаны не все участники войны, а только четыре категории: убитые, раненые, взятые в плен и пропавшие без вести. Кроме места жительства до мобилизации, указывались следующие личные данные бойцов: фамилия, имя, отчество, семейное положение, звание, дата события (например, ранения). Даты рождения отсутствуют. Предварительно мне удалось установить имена 45 шикирлийцев (ПМВ 2014).

Раненые (20 чел.):

1. Бичев Федор Николаевич, женат, ефр., 11 октября 1914 г.
2. Далаков Михаил Федорович, женат, ефр., 12 октября 1914 г.
3. Далаков Николай Данилович, женат, ряд., 3 октября 1914 г.

4. Далаков Афанасий Данилович, женат, ряд., 24 апреля 1915 г.
5. Драганов Павел Васильевич, женат, ряд., 7 октября 1914 г.
6. Иликчиев Иван Дмитриевич, женат, ряд., 11 октября 1914 г.
7. Иликчиев Григорий Иванович, женат, ефр., 11 октября 1914 г.
8. Киров Василий Степанович, женат, ополч., 9 марта 1915 г.
9. Калоянов Илья Дмитриевич, женат, ряд., 24 апреля 1915 г.
10. Лазарев Иван Васильевич, женат, ефр., 11 октября 1914 г.
11. Маламен Григорий Дмитриевич, женат, ряд., 4 февраля 1915 г.
12. Ненов Ананий Николаевич, женат, ряд., 13–15 января 1915 г.
13. Петров Демьян Иванович, женат, ряд., 12 октября 1914 г.
14. Рашков Степан Николаевич, женат, ряд., 18 октября 1914 г.
15. Русев Иван Николаевич, женат, ряд., 30 мая 1915 г.
16. Смоков Георгий Гавриилович, женат, ряд., 26 апреля 1915 г.
17. Смоков Михаил Михайлович, женат, ст. у.-о., 28 ноября 1914 г.
18. Смоков Савелий Матвеевич, женат, ефр., 12 октября 1914 г.
19. Степанов Григорий Степанович, женат, ефр., 11 октября 1914 г.
20. Чебан Иван Лазаревич, женат, ряд., 2 мая 1915 г.

Пропавшие без вести (16 чел.):

1. Балабан Дмитрий Филиппович, женат, ряд., 30 мая 1915 г.
2. Балабан Михаил Демьянович, женат, ряд., 28 ноября 1914 г.
3. Балабан Семен Федорович, женат, ряд., 6 мая 1915 г.
4. Барков Марк Стефанович, женат, ряд., 30 мая 1915 г.
5. Драганов Иван Константинович, холост, ряд., 28 ноября 1914 г.
6. Иликчиев Николай Федорович, холост, бомб., 11 февраля 1915 г.
7. Киров Николай Петрович, женат, ряд., 7 марта или 30 мая 1915 г.
8. Македонский Иван Иванович, женат, стрел., 30 сентября или 14 октября 1914 г.
9. Мартынов Василий Николаевич, женат, ряд., 12 декабря 1914 г.
10. Николаев Иосиф Трифонович, женат, ратн., 24 августа 1914 г.
11. Раков Дмитрий Павлович, женат, ряд., 30 мая 1915 г.
12. Русев Григорий Исаевич, женат, ряд., 30 мая 1915 г.
13. Смоков Иван Дмитриевич, женат (?), грен., 24 августа 1914 г.
14. Стефанов Иосиф Иванович, женат, мл. у.-о., 24 августа 1914 г.
15. Терзиев Иван Степанович, женат, ряд., 30 мая 1915 г.
16. Чебан Иван Лазаревич, женат, ряд., 30 мая 1915 г.

Попавшие в плен (9 чел.):

1. Бичев Владимир Васильевич, женат, ряд., 7 марта 1915 г.
2. Бичев Иван Михайлович, женат, ряд., 7 марта 1915 г.
3. Желев Иван Дмитриевич, женат, ряд., 24 февраля 1915 г.
4. Кинев Павел Степанович, женат, ряд., 7 марта 1915 г.

5. Киров Михаил Степанович, женат, ряд., 7 марта или 30 мая 1915 г.
6. Рашков Николай Георгиевич, женат, ряд., 24 февраля 1915 г.
7. Рашков Иван Георгиевич, женат, ряд., 7 марта 1915 г.
8. Русев Дмитрий Иванович, женат, ряд., 7 марта 1915 г.
9. Смоков Петр Дементьевич, женат, ряд., 24 февраля 1915 г.

В списках по Бессарабской губернии обнаружен только один убитый из Шикирли-Китайской волости – ефрейтор Жалуба Никита Иванович. Он погиб 25 августа 1914 г. Судя по фамилии, он не был коренным жителем села.

Впрочем, надо иметь в виду, что в списки без вести пропавших военнослужащих довольно часто попадали павшие на полях сражений.

Бросается в глаза, что почти все названные шикирлийцы были женаты. Вероятно, потому, что многие болгары традиционно обзаводились семьями еще до 20 лет. Не случайно на фотографиях тех лет солдаты запечатлены вместе с женами и маленькими детьми. Большинство из них рядовые. Офицерское звание имели только двое: старший унтер-офицер М.М. Смоков и младший унтер-офицер И.И. Стефанов.

Выявляются и дни, оказавшиеся для шикирлийцев «черными»:

- 11–12 октября 1914 г., когда было ранено 8 односельчан;
- 24 февраля и 7 марта 1915 г., когда в плен попали 8 или 9 солдат;
- 30 мая 1915 г., когда без вести пропали 6 или 7 чел.

Поскольку все даты относятся к 1914–1915 гг., очевидно, что приведенные сведения не полны. Самые поздние события помечены 30 мая 1915 г. Война шла только 10 месяцев, поэтому можно предположить, что к концу 1917 г. (еще за 31 месяц) число пострадавших должно было возрасти как минимум до 200 чел. В таком случае число погибших могло составить до нескольких десятков человек. Именно таковы печальные итоги по другим болгарским селам края. В Ново-Ивановке, например, **не вернулись с фронта 45 чел.: 16 из них были убиты, 12 – умерли от ран, 17 – пропали без вести**. В Тараклии на войне погибли 52 жителя. В Твардице число не вернувшихся с полей сражений еще выше – около 150 бойцов, а до 170 сельчан вернулись домой ранеными и изувеченными (Поглубко, Забунов 1980: 62; Думиника, Червенков 2013: 145). Подсчитано, что за годы Первой мировой войны в России погибло и умерло от ран 1,8 млн чел., или 11 % из 15,8 млн мобилизованных в армию. В данный момент остается признать: вопрос о прямых потерях жителей Шикирли-Китая в той войне требует дальнейшего изучения.

Между тем уже через полгода после начала боевых действий военно-политическое положение России складывалось не лучшим

образом. «Великое отступление» на Западном фронте, которое иногда преподносят как стратегический маневр «с целью выиграть время, необходимое для наращивания военной промышленности, подготовки и пополнения резервов», представлялось его участникам не иначе как катастрофа. Спустя несколько лет полную отчаяния обстановку вспоминал генерал А.И. Деникин: «Весна 1915 г. останется у меня навсегда в памяти. Великая трагедия русской армии – отступление из Галиции. Ни патронов, ни снарядов. Изо дня в день кровавые бои, изо дня в день тяжкие переходы, бесконечная усталость – физическая и моральная; то робкие надежды, то беспросветная жуть...» (Деникин 2002: 30–31). Именно в этом безумии получили ранения, попали в плен и пропали без вести (часто значит – погибли) большинство названных здесь «нижних чинов» – шкирлийцев.

Осенью 1915 г. в войну на стороне Германии и Тройственного союза вступила Болгария. По этой причине потомки бывших задунайских переселенцев рисковали перейти в категорию неблагонадежных граждан империи. В ряде случаев дело дошло до арестов. Кроме того, неудачи на фронте только усиливали шпиономанию в тылу, особенно расположенном у границы с пока нейтральной Румынией, занимавшей выжидательную позицию и не всегда проявлявшей дружелюбие к России. Испугавшись возможных притеснений, бывшие колонии документально решениями общин усиленно подчеркивали свою лояльность, в точности исполняя требования власти (Чаплыгина 2007: 81). Однако эти действия сопровождались усилением недовольства в среде рядовых жителей, подогреваемым вестями с фронта.

Конечно, в первую очередь эти перемены ощутило мирное население территориально близких к фронту западных губерний. Резко ухудшилось материальное положение подавляющей массы сельчан. Поскольку сотни мужчин находились в армии, тяжелые полевые работы в основном приходилось выполнять их женам, подрастающим сыновьям да старикам-родителям. Хотя семейные предания повествуют, что некоторые солдаты правдами и неправдами умудрялись во время сева и уборки возвращаться домой, это не меняло общей ситуации. Хозяйства уходили из мужских рук – упала урожайность зерновых, в запущенном состоянии пребывали многие сады и виноградники.

Из месяца в месяц увеличивалось количество семей, лишившихся кормильцев, и росло число вдов, нередко остававшихся с маленькими детьми на руках. При этом в стране обесценивались деньги и непрерывно дорожали товары, без которых трудно было обойтись даже в самодостаточном болгарском быту: соль, сахар, мыло. Под нависавшей угрозой полного разорения беднякам, чтобы спасти свои семьи, оставалось только отдать за бесценнок последние десятины и

идти в батраки, труд которых дешевел... В 1915 г. в отчете налогового инспектора большие недоимки по Шикирли-Китаю объяснены именно «тяжелым положением населения». Имеются сведения, что в 1916 г., чтобы заплатить долги, 39 семей арендаторов вынуждены были распродавать домашнее имущество (Дихан, Касьян 1969: 461). В двери домов все настойчивее стучался голод.

Так, в результате воздействия целого ряда факторов отношение к царскому режиму в целом и его верным слугам в лице местной администрации только ухудшалось. Подобные настроения распространялись в широких слоях населения всей империи, вновь охваченной огнем и дымом революционной агитации. Война, несомненно, все больше приближала царскую Россию к грани взрыва всеобщего негодования.

Усилившиеся после военных неудач 1915 г. проявления социального протеста шикирлийцев были направлены прежде всего против произвола и злоупотреблений местной власти. Кроме того, в них включились солдаты и их семьи, действия которых носили все более резкий характер. Первым удары сельских бунтовщиков принимал все тот же примар Д.М. Калоянов (в некоторых документах - Калаянов. - *Н.Р.*) Уже 22 января 1916 г. на имя губернатора поступило письмо от К.К. Маламена, который сообщал о преступных действиях урядника Георгия Пенкова, посылающего людей на рытье окопов: «Сначала отправляет тех, у кого можно получить взятку, а затем сменяет их бедными, которые не могут заплатить... Деньгами делится со старостой Димитрием Калояновым». Жалобщик утверждал, что об этом знает все село, но боится «этих живодеров», поскольку «они обращаются с людьми по-зверски, грозят им тюрьмой и, таким образом, сдирают у людей последнюю шкуру». Из текста документа следует, что на предыдущие обращения по этому поводу начальство не реагировало. Жалоба завершалась словами: «Все люди плачут от их, не только Шикирли-Китай, но и все села», а также угрозой в случае бездействия подать жалобу «на высочайшее имя» (НАРМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 4734. Л. 9–9 об.). О том же из артиллерийской бригады 2-й батареи действующей армии писал и И.В. Бичев. Он призывал наказать «кровопийцев» Калоянова и Пенкова, которые не защищают, а грабят население в «настоящий трудный момент для каждого человека», пользуясь тем, что «наши жены запасных чинов, старые отцы и матери оставлены». Солдат угрожал пожаловаться даже главнокомандующему (НАРМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 4734. Л. 10–10 об.).

Проведенные в марте дознания пристава Яновского о злоупотреблениях в Шикирли-Китае не смогли установить, брали ли Пенков и Калоянов взятки от 25 до 50 руб. Примар утверждал, что урядник сопровождает мобилизованных на станцию Траян-Вал (теперь Табаки

Болградского района) для посадки в поезда по нарядам «и не делается никакого исключения для богатых и бедных». Возвраты бывали по причине излишка людей и по медицинским показаниям, а также из-за болезни лошадей. Затем сам К.К. Маламен заявил, что жалобу «не писал и не подавал», о взятках ничего не знает. В итоге губернатор сообщил уездному исправнику, что эта жалоба как «неосновательная, оставлена без последствий» (НАРМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 4734. Л. 11–17).

По всей видимости, у начальства зрело понимание того, что оставлять в должности примара Калоянова значило довести накаленную атмосферу до предела. Поэтому в начале апреля 1916 г. Болградский неперменный земский комитет в соответствии с ранее принятым предложением доложил губернатору, что «к исполнению обязанностей примаря коммуны Шикирли-Китай может быть допущен член Совета Дмитрий Маркович Далаков» (НАРМ. Ф. 9. Д. 2290. Л. 32, 48).

Вместе с тем летом того же года на запрос из Кишинева «о степени пригодности его к означенной должности» последовал ответ, что 52-летний Д.М. Далаков часто отлучается по частным коммерческим делам из села. При этом кандидат охарактеризован как «человек чрезвычайно нервный, неуравновешенный, его это, безусловно, болезненное состояние часто приносит большие неприятности ему же... Труд с обязанностями примаря такого большого населенного пункта, как селения Шикирли-Китай, для Далакова совершенно непосилен, для общества же явно вреден» (НАРМ. Ф. 9. Д. 2290. Л. 47–47 об.).

Вскоре последовали категоричные выводы пристава. С одной стороны, «Димитрий Далаков не может быть допущен к исполнению обязанностей по непригодности его к означенной должности как человека нервного, больного, к тому же он постоянно занят коммерческими делами, по которым очень часто отлучается в Одессу и пробывает там по неделям и больше». С другой стороны, он указывал, что Калоянов «человек высокой честности, трудолюбивый и энергичный», под его руководством земские сборы взыскиваются вовремя, военные наряды исполняются аккуратно. Кроме того, «по инициативе Калоянова общество ассигновало на нужды плавучего военного лазарета 400 р. и внесло в Болградский комитет, лично он взыскал 150 р. на этот лазарет доброхотных, пожертвовал и сдал по назначению». По изложенным причинам «было бы желательно для пользы службы предложить Калоянову оставаться и далее на службе примара» (НАРМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2290. Л. 36–36 об.).

Последний всплеск общественного недовольства шикирлийским примаром произошел в 1917 г., когда после низложения императора в России была объявлена «СЛОБОДА», как тогда произносили это слово крестьяне самой разной этнической принадлежности.

13 марта шестеро солдат – жители Шикирли-Китая Константин Драганов, Петр Жечков, Василий Маджаров, Николай Лапатанов, Семен Балабан и Афанасий Бичев – подали жалобу уездному комиссару на примара. Суть дела была в том, что они уже 6 месяцев не получали продовольственного пайка, положенного семьям мобилизованных. Однако Калоянов, получив деньги для раздачи в счете пайка, в течение 20 дней их не выдал. При этом он «не считается с тем, что многие семейства голодают, подобного рода враждебные отношения примара Калоянова к семьям мобилизованных не единичны». Возмущенные жалобщики потребовали устранения «этого злого элемента», предлагая на его место Димитрия Далакова – «человека более справедливого и компетентного». Они расценивали действия примара как крайне враждебные в условиях военного времени, указывая, что «для семейств защитников родины собирают милостыни, а их паек лежит в кармане примара» (НАРМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2290. Л. 43–43 об.).

Немедленно проведенное расследование установило, что Калоянов и писарь Гавриил Бухниев еще 2 марта уехали «по важному общественному делу» в Одессу, где задержались. Деньги, полученные для семей призванных, в войска не раздали, оставив в коммунальной кассе «сборщику податей Георгию Степанову». 14 марта «группа жен запасных» пришла в примарию, требуя выдачи пайка и угрожая семье писаря Бухниева. «Вследствие такого беспокойного поведения жен запасных» неграмотный помощник примара Трифон Минов предложил грамотному члену Коммунального совета Димитрию Далакову получить от сборщика деньги и раздать их вместе. Д.М. Далаков отказался от самоуправства, но «это обстоятельство еще хуже возбудило группу женщин». Только с приездом чиновника Земского комитета Г.Г. Григореско пакет с 13 358 руб. пособий за период с 1 декабря по 1 марта вскрыли, а 16 марта Д.М. Далаков стал их раздавать. При этом приезжий следователь докладывал, что неудовольствие и нарушения спокойствия со стороны группы женщин «вызваны не столько их нуждой, сколько агитацией партийных противников Калоянова» (НАРМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2290. Л. 42–45).

Уже 17 марта 1917 г. уездный комиссар Болградского земского района Н.Г. Вульпе сообщил губернскому комиссару К.А. Мими, что по жалобе солдат – жителей Шикирли-Китая – возник вопрос об увольнении примара коммуны «за несвоевременную раздачу казенного продовольственного пайка». 9 апреля в Кишиневе было принято постановление об увольнении Дмитрия Калоянова со службы (НАРМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2290. Л. 40–41). В новых условиях возражать распоясавшимся солдатам было опасно.

События 1917 г. в Российской империи ввергли в хаос даже самые дальние уголки огромной страны. Конечно, революция в Шикирли-Китае происходила довольно своеобразно. Рассказывавшие мне о тех событиях односельчане употребляли именно это слово. Вероятно, революционными считали свои действия и организаторы беспорядков. Эти люди, которых можно было пересчитать по пальцам, громче других кричали «Слобода!» и понимали по-своему слово «революция».

Кроме примара, «революционные действия» оказались в Шикирли-Китае направленными против священника, также считавшегося «мироедом»... Первым делом они вывели из церкви В.Д. Агуру на площадь и на людях всячески издевались над седовласым 70-летним священником. Трудно ожидать, чтобы подобные факты сельского переворота нашли отражение в письменных источниках. Тем не менее некоторые архивные документы косвенно запечатлели те давние события.

Показательно, как расценил 23 августа 1917 г. такого рода события съезд бессарабского духовенства: «Гонение на священнослужителей поднимается в приходах приходскими агитаторами... Пропаганда находит себе богатую почву в худших членах приходского общества...». Реакция становилась цепной: «Успех в изгнании священника данной церкви поощряет в этом направлении прихожан соседних церквей, и движение против священников растет...» (РРРЦ 1969а: 221–223).

Можно с уверенностью сказать, что происшедшие с начала 1917 г. действия небольшой группы людей были поддержаны большинством жителей села, пожелавших участвовать в местной секуляризации. В Шикирли-Китае, как и в большинстве населенных пунктов рухнувшей империи, не нашлось достойных защитников прежних порядков и особенно прежних лидеров, включая духовных. Не случайно и прихожане, и медлившее до поры церковное руководство пошли на компромисс, пожертвовав В.Д. Агурой, служившим прихожанам Шикирли-Китае без малого полвека.

Главной причиной негодования крестьян явился земельный вопрос, остро стоявший и в болгарской среде. Показательно, что в сделки с землей (иногда достаточно сомнительные) была втянута и располагавшая немалыми богатствами семья священника. Поскольку помещиков в болгарских селах не было, гнев выплеснулся против церкви – малоимущие крестьяне разделили земли прихода. Развитие торгово-денежных отношений в условиях Первой мировой войны со всей остротой поставило нравственный вопрос о допустимой сфере деятельности священнослужителей. Небезуспешное стремление части духовенства к капитализации своего хозяйства вызвало недовольство прихожан.

Февральская революция способствовала переходу крестьян к активным действиям. Идеи экспроприации, распространявшиеся летом и осенью 1917 г. специально направленными в Шикирли-Китай агитаторами, в том числе большевиками, находили среди бедноты решительную поддержку. Большую роль в сплочении односельчан сыграли вернувшиеся домой солдаты: Г.С. Балабан, Е.Г. Калоянов, П.Д. Иликчиев, М.И. Степанов, Т.И. Лапатан (Дихан, Касьян 1969: 461).

Представители духовенства юга Бессарабии с ужасом сообщали архиепископу: «Возвращающиеся с фронта заражены, к прискорбью, духом недоверия, сомнения, отрицания и недоверия к пастырям». Пропаганда ими «разного рода тлетворных учений, очевидно, дала плоды... Вообще прихожане стали неузнаваемы. Под влиянием врагов церкви озверели, гонят священнослужителей, издеваются...» (РРРЦ 1969в: 226).

Действительно, к концу 1917 г. русской армии фактически не существовало. Сотни офицеров были убиты или доведены до самоубийства революционизированными солдатами, тысячи – изгнаны из частей. Начальник штаба Ставки подводил печальный итог: «Оставшиеся части пришли в такое состояние, что боевого значения уже иметь не могут и постепенно расползаются в тыл в разных направлениях» (Волков 2004).

В ходе войны изменялось социально-экономическое положение шикирлийцев, а равно и населения Буджака. Существенные сдвиги происходили в умонастроении людей. В селе у дунайской границы Российской империи, кроме «революционных солдат», имелись воины, верные царю и Отечеству, награжденные за храбрость и мужество на фронте. Правда, в обстановке всеобщей подозрительности шикирлийцы не всегда воспринимали награды как свидетельства их боевого героизма. Недоброжелатели твердили, что некоторые кресты и медали являются присвоенными... К сожалению, мне не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть документально какую-либо из этих версий.

Достоверно известно, что вернувшиеся с войны солдаты в ноябре (или несколько позже) организовали в Шикирли-Китае Совет крестьянских депутатов из 16 человек во главе с К.В. Драгановым. По его решению прежде арендованные помещиком 600 дес. государственной земли были распределены среди безземельных и малоземельных крестьян (Дихан, Касьян 1969: 461). Трудно сказать, каким видели будущее села шикирлийские революционеры и их попутчики, но вряд ли их головы посещали мысли, что в ближайшие считанные недели Бессарабия окажется во власти едва ли не полностью раздавленной войной соседней Румынии. Впрочем, судя по

свидетельствам современника, даже когда это произошло, в причинах и следствиях случившегося в Болграде и Измаиле не могли разобраться люди, гораздо более образованные и осведомленные, чем взбудораженные гигантскими потрясениями жители придунайского села Шикирли-Китай (Думиника 2016: 256–266).

* * *

Работы, подобные настоящей статье, в наше время принято относить к микроисторическим исследованиям. С этим можно согласиться, учитывая не только изучение одного населенного пункта, но и состояние источников. Поскольку в данном случае изучаются не отдельно взятые персонажи, а складывавшиеся между ними общественные связи, выделение типичного позволяет сквозь частное проявление рассмотреть более общую картину. Эффективность и целесообразность такой смены масштабов объясняются объективными процессами действительности – «при создании социальных форм и отношений "микро-" порождает "макро-", а не наоборот». Поэтому создание микроисторий можно считать одним из важных направлений в дальнейшем развитии исторической науки (Шлюмбом, Кром, Зоколл 2003: 20).

ЛИТЕРАТУРА

Волков 2004 – *Волков С.В.* Забытая война. 2004. URL: swolcov.org/publ/27/htm (дата обращения: 12.07.2015).

Деникин 2002 - *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Минск, 2002. Т. 1.

Дихан, Касьян 1969 - *Дихан М.Д., Касьян Я.Г.* Суворове // *Исторія міст і сел Української РСР.* В 26 т. Одеська область. Київ, 1969. С. 459–466.

Думиника 2016 - *Думиника И.* Неизвестни пътни бележки на един български офицер в Бесарабия през 1918 г. // *Relații moldo-bulgare: istorie și cultură.* Chișinău, 2016. С. 240–266.

Думиника, Червенков 2014 - *Думиника И.И., Червенков Н.Н.* 2014. Первая мировая война в судьбе бессарабских болгар // *Русин.* 2014. № 3 (37). С. 142–151.

НАРМ 1 - Национальный архив Республики Молдова (далее – НАРМ). Ф. 9. Оп. 1. Д. 2290.

НАРМ 2 - НАРМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 4734.

ПМВ 2014 - Первая Мировая война, 1914–1918 гг. Алфавитные списки потерь нижних чинов. URL: svrt.ru/1914/bessar/1914-bessar (дата обращения: 15.08.2014).

Поглубко, Забунов 1980 - Поглубко К., Забунов И. Обновленная Твардица. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1980.

РРРЦ 1969а - *Реакционная роль религии и церкви*. Архивные документы о деятельности священнослужителей в Молдавии. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1969. № 185.

РРРЦ 1969в – *Реакционная роль религии и церкви*. Архивные документы о деятельности священнослужителей в Молдавии. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1969. № 188.

Чаплыгина 2007 - *Чаплыгина Н.А.* Отражение турецкого десанта на юге Бессарабии в Первой мировой войне // *Relații moldo-bulgare: problemele de cercetare*. Chișinău, 2007. С. 77–89.

Червенков, Думиника 2013 - *Червенков Н., Думиника И.* Тараклии – 200 лет. Т. I (1813–1940). Chișinău, 2013.

Шлюмбом, Кром, Зоколл 2003 - *Шлюмбом Ю., Кром М., Зоколл Т.* Микроистория: большие вопросы в малом масштабе // *Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории*. СПб., 2003. С. 7–26.

REFERENCES

Volkov, S.V. (2004) *Zabytaya voyna* [The Forgotten War]. [Online]. Available from: <http://swolkov.org/publ/27.htm> (Accessed: 12th July 2015).

Denikin, A.I. (2002) *Ocherki russkoy smuty* [Essays on Russian turmoil]. Vol. 1. Minsk: Harvest.

Dikhan, M.D. & Kasyan, Ya.G. (1969) Suvorove [Suvorove]. In: Tronko, P. (ed.) *Istoriya mist i sel Ukraïns'koi RSR. V 26 t.* [The History of Cities and Villages of the Ukrainian SSR]. Vol. 16. Kiiïv: Home Edition URE AN UkrSSR. pp. 459-466.

Duminika, I.I. (2016) Neizvestni p"tni belezhki na edin b"lgarski ofitser v Besarabiya prez 1918 g. [Unknown travel notes of a Bulgarian officer in Bessarabia in 1918]. In: Duminika I.I., Chervenkov N.N. (eds) *Relații moldo-bulgare: istorie și cultură* [Moldovan-Bulgarian relations: History and Culture]. Chișinău: S.Ș.B. pp. 240-266.

Duminika, I.I. & Chervenkov, N.N. (2014) WWI in the destiny of the Bessarabian Bulgarians. *Rusin*. 3(37). pp. 142-151 (In Russian).

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 9. List 1. File 2290.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 9. List 1. File 4734.

Bloodlines Revival Traditions Union. (2014) *Pervaya Mirovaya voyna, 1914–1918 gg. Alfavitnye spiski poter' nizhnikh chinov* [WWI, 1914–1918. The alphabetical lists of losses among lower ranks]. [Online]. Available from: <http://svrt.ru/1914/1914-1.htm> (Accessed: 15th August 2014).

Poglubko, K. & Zabunov, I. (1980) *Obnovlennaya Tvarditsa* [The Renewed Tvarditsa]. Chişinău: Kartya Moldovenyaske.

Moldova. (1969a) *Reaktsionnaya rol' religii i tserkvi. Arkhivnye dokumenty o deyatel'nosti svyashchennosluzhiteley v Moldavii* [The reactionary role of religion and the church. Archival documents on the activities of clergymen in Moldavia]. Vol. 185. Chişinău: Kartya Moldovenyaske.

Moldova. (1969b) *Reaktsionnaya rol' religii i tserkvi. Arkhivnye dokumenty o deyatel'nosti svyashchennosluzhiteley v Moldavii* [The reactionary role of religion and the church. Archival documents on the activities of clergymen in Moldavia]. Vol. 188. Chişinău: Kartya Moldovenyaske.

Chaplygina, N.A. (2007) Otrazhenie turetskogo desanta na yuge Bessarabii v Pervoy mirovoy voyne [The repulsion of Turkish troops in the south of Bessarabia in WWI]. In: Chervenkov, N.N. (ed.) *Relații moldo-bulgare: problemele de cercetare* [Moldovan-Bulgarian relations: Problems of Research]. Chişinău: S.Ş.B. pp. 77-89.

Chervenkov N.N. & Duminika, I.I. (2013) *Taraklii – 200 let* [200 years to Taraclia]. Vol. 1. Chişinău: Cu drag.

Shlyumbom, Yu., Krom, M. & Zokoll, T. (2003) Mikroistoriya: bol'shie voprosy v malom masshtabe [The micro-history: Big questions on a small scale]. In: Krom, M.M. (ed.) *Proshloe – krupnym planom: sovremennye issledovaniya po mikroistorii* [The close-up of the past: The current research on micro-history]. St. Petersburg: European University at Saint Petersburg; Aleteyya. pp. 7-26.

Руссев Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры филологии, истории и общественных наук Тараклийского государственного университета им. Г. Цамблака (Молдова).

Russev Nikolai – G. Tsamblak State University of Taraclia (Moldova).

E-mail: nrussev@mail.ru

УДК 94(47)"1914/1919"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/45/16

ПЛАТОНОВСКИЙ ПРИЮТ. К ИСТОРИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В БЕССАРАБИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

О.А. Гарусова

Институт культурного наследия Академии наук Молдовы
Молдова, 2001, г. Кишинев, пр. Штефана чел Маре, 1
E-mail: garusovaolga@mail.ru

Авторское резюме

Во время Первой мировой войны православным духовенством Бессарабии была создана эффективная система помощи призванным на фронт и их семьям. В статье рассматривается деятельность архиепископа Кишиневского и Хотинского Платона по учреждению сиротского приюта для детей воинов – участников войны. Прослеживается, как благотворительный проект духовенства превратился в дело организованного общественного милосердия с участием всех сословий, прежде всего крестьян.

Ключевые слова: архиепископ Кишиневский и Хотинский Платон, сиротский приют, благотворительность.

THE ORPHANAGE OF PLATON. ON THE CHARITY IN BESSARABIA DURING WWI

O.A. Garusova

Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova
1, Stefan cel Mare Avenue, Kishinev, 2001, Moldova
E-mail: garusovaolga@mail.ru

Abstract

During WWI the Orthodox clergy of Bessarabia created an effective succour system for soldiers and their families. The author describes the activities of the Archbishop of

Kishinev and Khotyn Platon who founded an orphanage for the soldiers' children. The charity project turned into an organized social charity with the participation of all social layers, mostly peasants.

Keywords: Archbishop of Kishinev and Khotyn Platon, orphanage, charity.

Сиротский приют для детей воинов-бессарабцев, участников Первой мировой войны, был, пожалуй, самым масштабным социальным проектом в истории благотворительности Бессарабии. Идея создания приюта принадлежала архиепископу Кишиневскому и Хотинскому Платону (в миру – Порфирий Федорович Рождественский). Незаурядный церковный и общественный деятель, он до назначения на кишиневскую кафедру семь лет служил Алеутским и Северо-Американским архиепископом¹. Новый глава епархии прибыл в Бессарабию 21 июня 1914 г. (здесь и далее даты указаны по старому стилю), перед войной России с Германией и Австро-Венгрией.

Ил. 1. Архиепископ Платон.

18 июля в Бессарабии было объявлено военное положение. Пограничная губерния стала этапным пунктом эвакуации раненых и беженцев. Сотни тысяч крестьян по всеобщей мобилизации были призваны в армию, оставив семьи без кормильцев. В первые дни войны архиепископом Платоном были обозначены обязанности бессарабского духовенства по отношению к военнослужащим и их семьям (ил. 1). Основные направления деятельности Русской православной церкви в военное время определялись решением Святейшего Синода от 20 июля 1914 г. Однако распоряжения центрального церковного руководства не просто уточнялись применительно к местной

обстановке. Оперативно принятые архиепископом Платоном меры по организации помощи бедствующим семьям, раненым и больным воинам не только оказались эффективными, но и предупреждали действия высшей церковной администрации и государственных структур².

Следует отметить, что взаимоотношения нового архипастыря и бессарабских священнослужителей были с самого начала

доверительными и плодотворными. Чуждый стилю авторитарного руководства, иерарх сам следовал и выбирал сотрудников по принципу «пользы дела». Несмотря на чрезвычайные по военному времени обстоятельства, внутрицерковной жизни был придан «широкий размах». Владыка Платон стремился упрочить общественное и материальное положение духовного сословия, и это ему во многом удалось. Были утверждены проекты учреждения Второго женского епархиального училища и Педагогического института, издания епархиальной газеты. Архиепископ Платон содействовал распространению богослужения и религиозно-просветительных чтений на молдавском языке. По его инициативе в епархиальном Серафимовском доме был организован кружок ревнителей просвещения в духе православной церкви, устраивавший лекции для интеллигенции. Владыка и сам выступал с тематическими беседами перед широкой публикой, что воспринималось как событие необыкновенное, вызывавшее интерес чрезвычайный: «...видеть архипастыря на кафедре (не в храме) и в роли лектора церковно-общественного – это не редкое ли, многознаменательное явление...?» – писал учитель Первой кишиневской гимназии (Леонтовский 1914: 1440). Интересные, познавательные, насыщенные информацией и личными впечатлениями лекции архиепископа Платона, прекрасного оратора и рассказчика, увлекали самую разнообразную аудиторию.

В контексте социально-просветительной деятельности архиепископа Платона в Бессарабии особое значение имела церковная проповедь. Устно и в печати он разъяснял смысл и характер войны, внушал веру в победу, утешал и морально поддерживал пострадавших. С церковно-православной точки зрения война расценивалась как суд Божий за «измену христианству Европы, ввергнутой в бездну внехристианских зол», вследствие упадка веры, культа материального и национальной исключительности, разрушения нравственных основ общества. В пастырско-богословских размышлениях владыки Платона о глубине противостояния Востока и Запада акцентировалась культурно-историческая трактовка событий. Мировая война, которую в России называли Великой и Второй Отечественной войной, осмыслилась как испытание духовной силы народа, защищающего ценности христианской культуры в борьбе с варварством, как крестный путь, пройдя который страна воскреснет и преобразится, вызовет переустройство жизни на новых началах. Архиепископ неустанно призывал паству не утратить в это жестокое время сострадание и милосердие, напоминая о том, что «сущность религии – доброе дело».

Владыка Платон благодарно ценил высокий патриотический настрой бессарабского духовенства, его «выдающееся» отношение к

военным нуждам, готовность разделить тяготы народного бедствия. Хроника разноплановой военно-благотворительной деятельности священнослужителей изобилует множеством примеров осознанного пастырского долга, искреннего желания облегчить участь жертв войны³.

Преосвященный Платон был опытным администратором и энергичным организатором. Уже 18 июля с целью объединения в одном центре епархиальных сил и средств для помощи воинам и их семьям создается Духовный комитет. (Отметим, что из поступивших в комитет к концу 1915 г. 200 тыс. руб. половину суммы пожертвовало духовенство епархии.) Формируется Духовный отряд, в составе которого бессарабские священники отправлялись на фронт. Духовный лазарет на 100 кроватей в августе принял первых раненых. В результате обращения архипастыря к кишиневскому обществу в Серафимовском епархиальном доме в июле начинает работать Дамский комитет, а в октябре организуется Трудовое братство с целью пошива местными мастерами зимнего теплого белья и одежды для армии. С затягиванием войны уделяется особое внимание предупреждению ее катастрофических последствий для населения. В мае 1915 г. для воинов-инвалидов открывается в Кишиневе приют-мастерская, куда принимались, в отличие от подобных заведений в других городах, все солдаты, а не только «наиболее искалеченные», а в декабре – сиротский приют. Организация благотворительного заведения для детей стала главным делом архиепископа Платона в период пребывания на кишиневской кафедре, магистральным сюжетом военно-благотворительной деятельности бессарабского приходского духовенства.

Среди особенных личностных качеств архипастыря современники отмечали его «исключительную» любовь к детям. По его инициативе для сирот и беднейших учащихся кишиневских церковных и народных школ в Серафимовском епархиальном доме на святки был устроен «Детский праздник» с концертной программой и раздачей «вещевых подарков и сладостей». В течение трех дней на вечерах побывало более двух тысяч детей (Епархиальная 1: 47). Возможно, эта впечатляющая картина и побудила архиепископа Платона к безотлагательному решению «детского вопроса».

Согласно указанию Святейшего Синода, призрение сирот войны возлагалось на женские монастыри. Бессарабские женские скиты для этой цели сочли не пригодными. Вместо распределения детей по монастырям архиепископ Платон на заседании Духовного комитета в январе 1915 г. предложил учредить в Кишиневе приют на средства благотворителей. Надежду на его осуществление давала результативная работа Духовного комитета.

По материалам журнала «Кишиневские епархиальные ведомости» видно, как социальный проект обретал концептуальное содержание. Придававший огромное значение церковной школе, религиозно-нравственному воспитанию и обучению владыка изначально отверг модель казенных и благотворительных обществ приютов, «устроенных на началах одного лишь здорового отношения к удовлетворению жизненной нужды». Идеальным представлялся тип общины – «одного семейства с общей жизнью с общими радостями и общим горем»; воспитывать осиротевших детей должны были «благочестивого поведения» вдовы и девицы, преимущественно из бессарабских обитателей, готовые «принять на себя христианский подвиг ухода за детьми» (Общие 1915: 452). В дальнейшем при приюте должен быть женский монастырь. Формирование мировоззрения, воспитание и обучение детей основывались бы на христианских началах, шли под покровом церкви.

В подготовке общественного мнения, организационной работе и участии в постройке детского дома на священнослужителей возлагались особая ответственность и, можно сказать, историческая миссия. По определению владыки, приют должен был стать «не только памятником патриотизма бессарабского духовенства, но и любвеобильного и здорового отношения его к народным нуждам» (Епархиальная 2: 136). Проект был вынесен на обсуждение духовенства епархии и получил повсеместную поддержку. Приют воспринимался как «религиозно-общественный союз, в котором будет преобладать начало личной инициативы свободного призвания»; ему придавалось «громоздкое значение в целом строе и развитии религиозно-общественной жизни Бессарабии» (С.Ф.П. 1915: 465).

Собрание настоятелей бессарабских монастырей постановило отчислить из монастырских средств приюту 10 тыс. руб. единовременного и по 3 тыс. руб. ежегодного пособия. Собрание духовенства решило, чтобы при сборе урожая каждый приход выделял по 100 пудов хлеба. Съезд благочинных единогласно признал постройку приюта «краеугольным камнем своих нынешних и будущих забот» (Протокол 1915: 455–457). Главными помощниками архиепископа Платона стали члены Духовного комитета – ключар Кафедрального собора протоиерей Василий Гума и законоучитель кишиневской Первой гимназии протоиерей Николай Лашков.

На реализацию проекта требовались громадные средства. К весне 1915 г. имелось всего 76 тыс. руб. Бессарабия несла большие материальные затраты на военные потребности, «около половины здорового рабочего населения находилось на фронте», села опустели. Нужен был некий особенный финансовый ресурс. Кто-то из ближайших

сотрудников архиепископа посоветовал обратиться к старинной молдавской традиции ктитории, популярной в народе при сооружении храма; имена жертвователей вписывались бы в церковный синодик монастыря для вечного поминовения.

Идея и назначение ктиторского сбора, непривычного при строительстве общественного учреждения, широко обсуждались на страницах «Кишиневских епархиальных ведомостей» (Руссул 1915: 643). Духовенство поддержало ктиторию в качестве «весьма желательного средства» при постройке приюта, «при котором и монастырь будет». Участие в социальном проекте таким образом обретало смысл храмозидания. «Человеческое милосердие объединялось с Божеским делом спасения себя или своих близких». «Счастливая мысль» внести религиозное содержание в постройку благотворительного заведения, по предположению одного из корреспондентов, могла увеличить количество пожертвований на 70–80 %. Согласно правилам сбора, звание ктитора получал пожертвовавший от 3 и более рублей, для священника сумма составляла от 10 до 20 руб., для псаломщика – от 3 до 6 руб. Будущему детскому дому был посвящен специальный сдвоенный номер Кишиневских епархиальных ведомостей. На страницах журнала отслеживались перипетии приютской истории, из номера в номер публиковался список пожертвований.

Было разослано 20 тыс. экземпляров воззвания архиепископа Платона на русском и молдавском языках с просьбой записываться у приходских священников в ктиторы сиротского приюта. Обращение получило скорый отклик у крестьянского населения. В ктиторы шли целыми селами. В бедных поселениях решением схода назначались дни работы в пользу приюта. На успешный сбор пожертвований повлияли и его предназначение, и адресный характер. Мобилизованные на фронт не могли не тревожиться о судьбе своих детей. По наблюдениям владыки, такой готовности материально помочь сиротам, как у простого народа, не встречалось у людей состоятельных (Епархиальная 3: 751).

Архиепископ Платон считал постройку приюта «делом своей жизни». Проповедуя в церквах, встречаясь с паствой в поездках по Бессарабии, он непременно говорил о будущем сиротском доме, о величии идеи постройки его. Обладавший ярким публицистическим даром, он умел «зажечь сердца людей благородством и жалостью» к обездоленным детям, вызвать чувство сопричастности к «великому делу». Лично вел переговоры с губернским земством, с администрацией различных учреждений об участии в расходах по постройке и содержанию приюта, находя для каждого адресата особую мотивацию социальной активности. Так, в письме к городскому голове владыка

писал: «Для доброго человека не надо обязательно самому переживать то, ради чего он должен сочувствовать другому. Для доброго человека и вместе умного всегда ясным представляется его долг в отношении ко всем вообще людям, нуждающимся в его помощи, а в особенности к детям-сиротам, родители которых положили жизнь свою за нашу жизнь» (Письмо 1915: 442).

Со временем «народный памятник исторической борьбы и показатель любви и благодарности бессарабцев к своим спасителям», как толковал идейно-патриотический смысл создания сиротского дома архиепископ, стал общенародным делом. Постройка приюта превратилась в масштабную благотворительную акцию, охватившую все слои населения Бессарабии. Священник Иеремия Чекан предпринял издание газеты «Наш долг», задачей которой ставилось «будить чувство долга в сердцах бессарабцев, чтобы возможно скорее осуществилась идея приюта» (Епархиальная 4: 1133). Во всех церквях на каждом богослужении был введен кружечный сбор «на сиротку». В пользу приюта в зале Серафимовского дома устраивались концерты, а в Благородном собрании – лотереи-аллегри. Воспитанницы женских учебных заведений шили для детей белье и одежду. Учащиеся различных учебных заведений передавали порой значительные денежные суммы. Предлагались в дар земельные участки и дома. Немало было частных пожертвований, в том числе анонимных, в особенности от военных. Деньги присылались даже с фронта. К концу 1915 г. на счет приюта поступило около 250 тыс. руб. Подавляющую часть этой суммы дало крестьянство – «великий жертвователь», по оценке архиепископа Платона.

Параллельно со сбором средств владыка подыскивал подходящее для постройки место. Была выбрана просторная Романовская (бывшая Немецкая) площадь, находившаяся на окраине города. Здесь, по мысли архиепископа, предполагалось построить «отдельным величественным зданием храм Божий и при нем три приютских корпуса». Епархиальный архитектор Георгий Купча сделал эскиз дома-дворца с торжественным фасадом в стиле неоклассицизма. Однако кишиневская дума отклонила просьбу предоставить площадь.

О том, как была найдена «наилучшая» для постройки приюта местность, подробно рассказал сам архиепископ: «Наступила страстная седмица... В Великую субботу, отслужив обедню, пришел я домой, и, сверх обычного после службы утомления, почувствовал я себя как-то неловко. Попросил лошадей и поехал в Костюжены. Там мне было два пути: один – направо, а другой – налево. Велел я ехать направо, проехал я верст 5, и пред моими глазами открылась чудная панорама... Это было самое высокое место, а вместе с сим и самое

живописное... Я залюбовался. Мне много приходилось видеть: был на Аляске, где один горный хребет выше другого, где только пристальный взгляд в состоянии отличить гору от облаков, был в Калифорнии, был в Швейцарии. В этих местах – чудные виды, чудная природа, но здесь, в этом уголке Бессарабии, было нисколько не хуже, чем в Швейцарии» (Чествование 1916: 6). Это была дача офицера Стоянова, расположенная вблизи Хынчештской дороги. «Чудный уголок» с фруктово-виноградным садом, домом и различными службами и смежный с ним участок земли общей площадью в 137 десятин были куплены за 100 тыс. руб. Помимо приюта и монастыря, здесь предполагалось устроить богадельню для престарелых священнослужителей, инвалидный дом с мастерской.

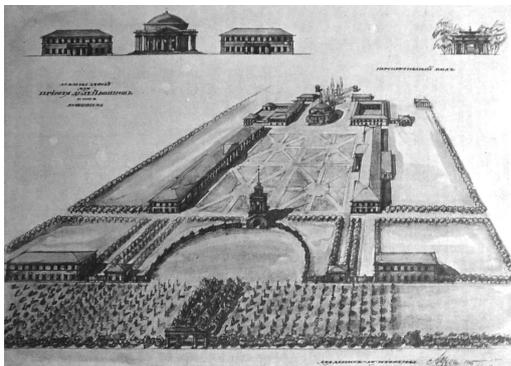
С приобретением загородной усадьбы возникала идея создать на основе приюта специализированную школу, которая бы готовила профессиональные кадры для всех отраслей сельского хозяйства. Планировалось практическое обучение огородничеству, плодоводству, пчеловодству, виноградарству, шелководству, ковроткачеству и пр. Особо способные ученики посылались бы в высшие учебные заведения, а остальные выпускники школы пополняли ряды сельских культурных работников. Профессиональное обучение открывало для питомцев приюта широкие социальные возможности. Роль низшего сельскохозяйственного образования в аграрной Бессарабии было трудно переоценить. С образовательной концепцией приюта связывались огромные надежды на развитие производительных и духовных сил края: «Поднимется урожайность полей, и это даст Бессарабии тысячи низших, сотни высших начальных школ, гимназий, технический и земледельческий институты, довольную, спокойную и достаточную жизнь, облагородит у крестьян их нравы и обычаи, разовьет и укрепит у них честность, силу воли, сознание своего достоинства, национальную и патриотическую гордость» (Чекан 1915: 778). Инициатива воспринималась как качественный перелом в деле образования – «...подобного учреждения, имеющего столь ясную, рациональную и широкую цель, не найдете во всей России» (Епархиальная 5: 1200). В воображении корреспондентов епархиального журнала рисовался «громадный сиротский дом на 1 000 детей с запросами “Христианской народной академии”» (Чекан 1915: 779).

Грандиозный замысел требовал достойного архитектурного воплощения. Для работы над проектом архиепископ Платон пригласил крупнейшего зодчего того времени, уроженца Бессарабии Алексея Щусева, в то время состоявшего при обер-прокуроре Священного Синода. Приехавший в начале сентября архитектор на первых же заседаниях наметил план участка в соответствии с пожеланиями за-

казчика. В списке предполагаемых сооружений - ворота, колокольня, храм, школа, корпуса сестер, общежитие для детей, больница, мастерская, гостиница для посетителей, инвалидный дом, богадельня, артезианский колодец, электростанция, кладбище и пр. Крайне занятый строительством Рязанского (Казанского) вокзала в Москве, Щусев тем не менее обещал «для родной ему Бессарабии работать бескорыстно и усердно», обязавшись составить эскизы и чертежи, участвовать вместе со своими помощниками в заседаниях строительной комиссии (Епархиальная 6: 1117–1118). В 1916 г. эскизы приютской усадьбы были готовы. На обширной территории свободно располагались изолированные друг от друга двухэтажные здания; центральное место в симметричной композиции было отведено колокольне и храму. Выполненный в неоклассическом стиле архитектурный ансамбль в художественно-образной форме претворял идею приюта-храма-памятника событий Великой войны (ил. 2).

Война принимала затяжной характер; необходимость в поместительном детском доме ощущалась все настоятельнее. Имевшиеся в Кишиневе сиротские заведения не вмещали всех нуждавшихся. Случалось, что уходившие на фронт солдаты оставляли своих детей на пороге или в комнатах архиерейского дома. В сентябре Духовный комитет решил до наступления нового года открыть приют во временном помещении. Губернское земство выделило в распоряжение архиепископа 5 тыс. руб. на оборудование помещения и по 6 руб. в месяц на содержание каждого призреваемого ребенка. Собрание духовенства постановило с 1916 г. и до постройки постоянного помещения выделять ежегодно 3 тыс. руб. Кишиневская дума обязалась платить за сирот-горожан по 6 руб. и 20 руб. на первоначальное обустройство, назначила пять «платоновских» стипендий по 120 руб. каждая. Значительную часть расходов по содержанию детей и постройке приютских зданий брал на себя Романовский комитет. Представители учебных ведомств обещали содействовать организации учебного процесса.

Владыка Платон, назначенный в начале декабря архиепископом Катарлинским и Кавказским и экзархом Грузии, спешил с откры-

Ил. 2. Проект сиротского дома А. Щусева.

тием приюта, предлагая для временного размещения даже Серафимовский дом. Уступленное кишиневской думой до окончания войны здание городского народного училища, расположенное на пересечении улиц Пирогова и Инзова (ныне М. Когэлничану – С. Лазо), достраивалось. На время завершения внутренних отделочных работ были арендованы 27 больших и светлых меблированных комнат на втором этаже в доме Горнштейн, расположенном на углу Пушкинской и Федоровской (ныне Букурешть) улиц, за 5 тыс. руб. в год.

Торжественное открытие и освящение приюта состоялись в воскресенье, 20 декабря 1915 г., накануне отъезда архиепископа Платона. После литургии в Кафедральном соборе крестный ход с иконой Гербовецкой Божьей Матери в сопровождении властей и множества народа прошел до здания приюта. При церемонии прощания было сказано много взаимных добрых и прочувствованных слов и речей; особенно подчеркивалась ревностная деятельность архиепископа Платона по организации сиротского дома. В знак уважения к этой заслуге Духовный комитет принял решение наименовать приют именем высокопреосвященнейшего Платона, архиепископа Кишиневского и Хотинского³.

Новый епархиальный архиерей Анастасий (Грибановский)⁴, бывший епископ Холмский и Люблинский, продолжил начатое его предшественником дело призрения сирот. Открытый для 45 детей приют скоро был переполнен. По уставу принимались сироты в возрасте от 3 до 12 лет обоего пола, а также дети не способных обеспечить семью воинов-инвалидов. Кроме грамоты, мальчиков учили сапожному и башмачному ремеслу, девочек – рукоделию. В большинстве своем поступавшие находились «в самом жалком виде: в чесотке, исхудалыми, малокровными, с инфекционными болезнями». В мае 1916 г. приют переехал в училищный дом, но в августе пришлось для мальчиков вновь арендовать дом Горнштейн. В 1916 г. в трех приютских помещениях находилось более 400 детей в возрасте от 2 до 15 лет. Согласно проведенному в тысяче церковных приходах Бессарабии анкетированию, в помощи нуждались около 7 тыс. детей воинов.

В первый год своего существования Бессарабский сиротский приют отличался благоустроенностью. Уполномоченный Романовского комитета Н.К. Ди-Синьи дал самую высокую аттестацию жизнедеятельности заведения, сочтя особо ценной систему воспитания детей по типу посемейного призрения. «Обыкновенно причисляют приюты с двумя сотнями детей к категории детских казарм. Правило это подтверждается счастливым исключением в лице бессарабского приюта, который представляет собой большую дружную семью. Объясняется

это тем, что к делу воспитания привлечены свыше 50 монахинь, которые могут наблюдать за группами детей в несколько человек, индивидуально знакомиться с жизнью каждого ребенка в отдельности» (Отчет 1916: 5). Впечатляли образцовое ведение хозяйства, широта и проработанность проекта, в детали которого посвятил чиновника попечитель приюта Н. Лашков, активная помощь населения.

«Исключительный успех» приюта Ди-Синьи объяснялся особыми отношениями бессарабского духовенства и паствы. Действительно, среди десятков детских благотворительных заведений в южнороссийских губерниях лишь бессарабское было организовано духовенством.

В содержании приюта принимали участие Бессарабское губернское земство, платившее за каждого круглого сироту по 72 руб. в год; Кишиневская городская управа, выделявшая такую же сумму на каждого сироту из мещанского сословия; ктиторы и благотворители. Романовский комитет перечислил в 1916 г. 30 920 руб., а также принял на себя половину расходов по постройке здания. Продолжали поступать деньги на приютский счет. Так, к 21 июня 1916 г. числилось 256 454 руб. Близлежащие села отдали свои каменоломни для строительства приюта. С удорожанием продуктов по инициативе Духовного комитета настоятели приходских церквей организовали сбор зерна под названием «Ковш зерна на сиротку».

Владыка Анастасий планировал начать строительство на приютской усадьбе весной 1916 г. Был учрежден строительный комитет в составе протоиерея Н. Лашкова, игумена Дионисия, священника Ф. Петровича, архитектора Г. Купчи; определен подрядчик – Г. Лавров; начата доставка в усадьбу материалов. Но в связи с военными действиями, отсутствием рабочих, поздним изготовлением архитекторами чертежей строительство отложили до весны 1917 г. Последующие политические и исторические катаклизмы помешали осуществить проект приюта таким, каким он был задуман архиепископом Платоном.

Первым и единственным сооружением стала небольшая каменная часовня в честь Гербовецкой иконы Божьей матери, построенная при въезде в усадьбу (ил. 3). Здесь совершалось постоянное чтение

Ил. 3. Часовня в честь Гербовецкой иконы Божьей матери.

Псалтыри с поминовением ктиторов и благотворителей. По Хынчештской дороге всегда шло множество людей. «Кажется, замечал наблюдатель, нет ни одного крестьянина, который, испив святой водицы, не положил бы на блюдо свою трудовую копейку на устройство приюта» (Отчет 1916: 6).

Платоновский приют завершил историю благотворительности Бессарабии в рамках российской государственности. После вхождения края в состав Румынии приют сирот войны был принят в ведение и содержался за счет государства (Сиротский 1919: 3). В 1920 г. Кишиневская духовная консистория составила и послала на утверждение епархиального начальства устав женского монастыря с детским садом при нем на приобретенном Платоном участке. Но на усадьбу, многократно повысившуюся в цене, появились различные претенденты. Одновременно с исковым заявлением директора приюта на духовное правление в уголовном трибунале разбиралось дело бывшего Духовного комитета о якобы допущенных ошибках при организации сиротского заведения (Конфликт 1920: 3). В ходе следствия обнаружилось, что финансовая документация исчезла. По сообщению газеты, «сторож продал все бумаги на вес». Такая же участь постигла и библиотеку (Пропавшие 1920: 3). В межвоенные годы приютская усадьба, «платоновское хозяйство», как ее называли в просторечии, осталась без присмотра и разрушалась. А бывший платоновский приют, переименованный в «Дом ребенка», существовал в прежнем здании до 1940 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. На время пребывания архиепископа Платона на американской кафедре (1907–1914) пришелся пик эмиграции из России. Владыка принимал активное участие в судьбе русских эмигрантов, в частности устроил на собственные средства эмигрантский дом, находил средства для помощи больным, бедным и неимущим. Ему принадлежит большая миссионерская роль по переводу русинов из унии в православие. Лекции-беседы архиепископа «Немцы и русины по личному знакомству с ними» и «Наша Русь в Америке» опубликованы в «Кишиневских епархиальных ведомостях» в 1914 г.

2. Об этом подробно говорится в статье В. Содоля «Благотворительная деятельность духовенства Кишиневской епархии на начальном этапе Первой мировой войны» (Содоль 2014). В российской исследовательской литературе также можно найти высокую оценку военно-благотворительной деятельности бессарабского духовенства (Ключарева 2011: 101).

3. По инициативе архиепископа Платона в Тифлисе также была организована постройка детского сельскохозяйственного приюта, рассчитанного на 2 тыс. детей (Епархиальная 7: 288).

4. 6 мая 1916 г. возведен в сан архиепископа.

ЛИТЕРАТУРА

Епархиальная - Епархиальная хроника // Кишиневские епархиальные ведомости (КЕВ) 1915. № 1–2. С. 47.

Епархиальная 2 - Епархиальная хроника // КЕВ. 1915. № 17–18. С. 136.

Епархиальная 3 - Епархиальная хроника // КЕВ. 1915. № 30. С. 751.

Епархиальная 4 - Епархиальная хроника // КЕВ. 1915. № 42. С. 1133.

Епархиальная 5 - Епархиальная хроника // КЕВ. 1915. № 36. С. 1200.

Епархиальная 6 - Епархиальная хроника // КЕВ. 1915. № 41. С. 1117–1118.

Епархиальная 7 - Епархиальная хроника // КЕВ. 1916. № 13. С. 288.

Ключарева 2011 - *Ключарева А.В.* Благотворительная деятельность православных монастырей в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8. Ч. 2. С. 98–102.

Конфликт 1920 - Конфликт между приютом // Бессарабия. 1920. 17 (4) сент. С. 3.

Леонтовский 1914 - *Леонтовский В.* Беседа Высокопреосвященного Платона, архиепископа Кишиневского и Хотинского в присутствии Высокопреосвященного Флавиана, митрополита Киевского и Галицкого // КЕВ. 1914. № 36. С. 1431–1440.

Общие 1915 - Общие положения устава приюта для сирот павших в войне православных воинов Бессарабской губернии и женского при приюте монастыря в Кишиневе // КЕВ. 1915. № 17–18. С. 451–454.

Отчет 1916 - Отчет о командировке старшего помощника начальника отделения канцелярии Совета Министров Н.К. Ди-Синьи в Бессарабскую, Волынскую, Киевскую, Могилевскую, Полтавскую, Таврическую, Харьковскую и Херсонскую губернии и Терскую область. Пг., 1916.

Письмо 1915 - Письмо Высокопреосвященнейшего Платона, архиепископа Кишиневского и Хотинского к г-ну городскому голове г. Кишинева Ю.И. Левинскому // КЕВ. 1915. № 17–18. С. 439–444.

Пропавшие 1920 - Пропавшие документы // Бессарабия. 1920. 5 окт. С. 3.

Протокол 1915 - Протокол пастырского собрания духовенства, бывшего 2 апреля 1915 г. // КЕВ. 1915. № 17–18. С. 455–457.

Руссул 1915 - *Руссул Иоанн.* Духовенство и Сиротский приют // КЕВ. 1915. № 25–26. С. 643–646.

- Сиротский 1919 - Сиротский приют // Бессарабия. 1919. 19 июня. С. 3.
- Содоль 2014 - *Содоль В.А.* Благотворительная деятельность духовенства Кишиневской епархии на начальном этапе Первой мировой войны (по материалам «Кишиневских епархиальных ведомостей») // Русин. 2014. № 4. С. 30–46.
- С.Ф.П. 1915 - С.Ф.П. О ктиторском взносе. 1915. С. 460–465.
- Чекан 1915 - *Чекан Иеремия.* Бессарабский сиротский приют – сельскохозяйственная народная академия // КЕВ. 1915. № 31–32. С. 777–780.
- Чествование 1916 - Чествование Высокопреосвященнейшего архиепископа Платона по случаю назначения его на кафедру экзарха Грузии // КЕВ. 1916. № 1–2. С. 4–42.

REFERENCES

- Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti.* (1915a) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 1–2. p. 47.
- Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti.* (1915b) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 17–18. p. 136.
- Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti.* (1915c) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 30. p. 751.
- Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti.* (1915d) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 42. p. 1133.
- Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti.* (1915e) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 36. p. 1200.
- Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti.* (1915f) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 41. pp. 1117-1118.
- Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti.* (1916a) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 13. p. 288.
- Klyuchareva, A.V. (2011) Orthodox monasteries charity during WWI. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* 8(14-2). pp. 98-102 (In Russian).
- Anon. (1920) Konflikt mezhdru priyutom [The conflict between the shelter]. *Bessarabiya.* 17(4). p. 3.
- Leontovskiy, V. (1914) Beseda Vysokopreosvyashchennogo Platona, arkhiepiskopa Kishinevskogo i Khotinskogo v prisutstvii Vysokopreosvyashchennogo Flaviana, mitropolita Kievskogo i Galitskogo [The converse of His Eminence Platon, Archbishop of Chisinau Khotyn in the presence of His Eminence Flavian, Metropolitan of Kiev and Galicia]. *Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti.* 36. pp. 1431-1440.
- Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti.* (1915g) Obshchie polozheniya ustava priyuta dlya sirot pavshikh v voyne pravoslavnykh voinov Bessarabskoy gubernii i zhenskogo pri priyute monastyrya v Kishineve [Common provisions of the

Charter of the Bessarabian Orphanage for the children of Orthodox soldiers fallen in the war and the women's shelter at the monastery in Chisinau]. 17–18. pp. 451-454.

Di Sinya, N.K. (1916) *Otchet o komandirovke starshego pomoshchnika nachal'nika otdeleniya kantselyarii Soveta Ministrov N.K. Di-Sin'i v Bessarabskuyu, Volynskuyu, Kievskuyu, Mogilevskuyu, Poltavskuyu, Tavricheskuyu, Khar'kovskuyu i Khersonskuyu gubernii i Terskuyu oblast'* [Report on the mission of the senior assistant of the chief of Council of Ministers Office to Bessarabian, Volyn, Kyiv, Mogilev, Poltava, Tauride, Kharkiv and Kherson provinces and Terek Region]. Petrograd: [s.n.].

Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti. (1915h) Pis'mo Vysokopreosvyashchenneyshego Platona, arkhiepiskopa Kishinevskogo i Khotinskogo k g-nu gorodskomu golove g. Kishineva Yu.I. Levinskomu [The Letter of His Eminence Platon, Archbishop of Chisinau-and Khotyn to Mayor of Chisinau Y.I. Lewinsky]. 17–18. pp. 439-444.

Anon. (1920) Propavshie dokumenty [Missing Documents]. *Bessarabiya*. 5th October. p. 3.

Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti. (1915i) Protokol pastyrskogo sobraniya dukhovenstva, byvshego 2 aprelya 1915 g. [Minutes of the meeting of pastoral clergy, April 2, 1915]. 17–18. pp. 455-457.

Russul, I. (2015) Dukhovenstvo i Sirotskiy priyut [Clergy and Orphanage]. *Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti*. 25–26. pp. 643-646.

Anon. (1919) Sirotskiy priyut [Orphanage]. *Bessarabiya*. 19th June. p. 3.

Sodol, V.A. (2014) Philantropical activities of the Clergy of the Archdiocese of Chisinau at the beginning of WWI (in the Kishinev diocesan gazette"). *Rusin*. 4. pp. 30-46 (In Russian).

S.F.P. (1915) *O ktitorskom vnzose* [On the ktetor's (donator's) contribution]. pp. 460-465.

Cheka, I. (1915) Bessarabskiy sirotskiy priyut – sel'skokhozyaystvennaya narodnaya akademiya [The Bessarabian orphanage – People's Agricultural Academy]. *Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti*. 31-32. pp. 777-780.

Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti. (2016b) Chestvovanie Vysokopreosvyashchenneyshego arkhiepiskopa Platona po sluchayu naznacheniya ego na kafedru ekzarkha Gruzii [The celebration in honor of His Eminence Archbishop Platon, on the occasion of his appointment to the chair of the Exarch of Georgia]. 1–2. pp. 4-42.

Гарусова Ольга Андреевна – научный сотрудник Института культурного наследия Академии наук Молдовы (Молдова).

Garusova Olga – Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova (Moldova).

E-mail: garusovaolga@mail.ru

УДК 39(093)"1750–1868"(479)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/45/17

ДЖИГЕТЫ: БОЛЬШАЯ ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКОГО НАРОДА

Т.А. Магсумов

Международный сетевой центр фундаментальных и
прикладных исследований

Россия, 354000, г. Сочи, ул. Горького, 89 а, оф. 4

E-mail: nabonid1@yandex.ru

Авторское резюме

Рецензируется сборник «Документы и материалы по истории Джигетии (1750–1868 гг.)», материалы которого раскрывают короткую, но весьма динамичную и насыщенную историю Джигетии. Удачная подборка документов позволяет проследить локальные трансформационные процессы в джигетском социуме в контексте сложной палитры этнополитической жизни Причерноморья в новое время. Материалы сборника позволяют более объективно взглянуть на спорные вопросы Кавказской войны. Широта источниковой базы и рассмотренных проблем позволяют читателю провести самостоятельное и глубинное изучение сложного прошлого нашей страны.

Ключевые слова: этническая история, Джигетия, Российская империя, Причерноморье, рецензия.

THE JIGETS: A GREAT HISTORY OF A SMALL PEOPLE

T.A. Magsumov

International Network Center for Fundamental and Applied Research

89a Gorky Street, Office 4, Sochi, 354000, Russia

E-mail: nabonid1@yandex.ru

Abstract

The reviewed "The Documents and Materials on the History of Jigetia (1750-1868)" describes a short yet quite dynamic and rich history of Jigetia. The comprehensive

collection allows tracing the local transformations in the Jiget society in the context of the complicated ethno-political life of the Black Sea region in the early modern period. The published materials give a more objective representation of the much-vexed questions of the Caucasian War. Due to a large number of sources as well as a great scope of issues discussed the reader can carry out an independent and profound study of the complicated past of the country.

Keywords: ethnic history, Jigets, ussian Empire, Black Sea region, review.

В XIX ст. одно из центральных мест в политической жизни империй занимает национальный вопрос. Многочисленные национальные меньшинства внутри этих империй активно вступали в ряды расширявшегося национально-освободительного движения, которое смогло развернуть свои знамена и среди малочисленных народов этих стран. В числе последних особенно сложным следует признать положение тех народов, которые проживали на пересечении трех империй на европейском континенте. Эра романтического национализма, поднявшая восточный вопрос, силой оружия и дипломатии привела к освобождению значительной части балканских народов от османского ига, венгры смогли добиться трансформации империи Габсбургов в Австро-Венгрию. Тем не менее многие народы империй остались с неразрешенным бременем национальных и религиозных проблем, значительная часть их подвергалась неравноправной ассимиляции титульными нациями этих государств или отдельных их территорий. В числе таких народов были русины Австро-Венгрии, греки и армяне Османской империи, многочисленные малые и большие народы Кавказа, оказавшиеся между «Великолепной Портой» и «Северным исполином».

История народов Причерноморья и Кавказа вследствие этнического разнообразия, природно-географических условий и приграничного положения этих территорий является одной из центральных тем в историографии. Однако история малых народов, по меткому выражению С.Г. Суляка (в отношении населения Юго-Западной Руси), «долгое время “ретушировалась”: факты, не укладывавшиеся в официальную версию изложения событий, либо искажались, либо просто замалчивались» (Суляк 2008: 7).

Возможность для беспристрастного и самостоятельного исследования этнической истории в ее локальном преломлении представлена сборником «Документы и материалы по истории Джигетии (1750–1868 гг.)», изданном в 2015 г. творческим коллективом под научной редакцией А.А. Черкасова (Documents 2016).

Команда составителей уже имела опыт в исследовании истории малых народов Причерноморья (Черкасов 2015; Cherkasov et al.

2016a; Cherkasov et al. 2015a; Cherkasov et al. 2016b; Cherkasov et al. 2015b; Cherkasov et al. 2015c; Cherkasov et al. 2015d; Cherkasov et al. 2014; Ivantsov et al. 2015), что позволило ей сделать очень хорошую выборку, показывающую основные вехи развития джигетского народа, анализирующую связи джигетов с их соседями, сложные механизмы процессов внутри джигетского общества. Объем сборника, разноплановость представленных документов и смелость, с которой коллектив составителей взялся за большую проблему, – несомненное достоинство этой книги.

Сборник будет любопытен представителям разных областей социогуманитаристики. Этнологи получают бесценный материал для изучения истории взаимодействия джигетов и славян, да и народов кавказской, индоевропейской и алтайской языковых групп в целом. Историки заинтересуются развитием локальных сообществ и участием их в Кавказской войне, религиоведы – механизмами изменения религии внутри малых народов, политологи – проблемами функционирования патриархальной политической культуры, спецификой власти в восточных обществах и ее трансформацией в связи с включением в состав империй, социологи – постепенным угасанием старых и зарождением новых социальных институтов. В этом аспекте сборник бы украсили чисто исторические исследования по истории Джигетии (недаром он назван сборником документов и материалов) или же библиографический указатель работ историков по этой теме, который мог бы выступить удобным навигатором по поиску исследователями более полной информации. Впрочем, предложение наше возникло вследствие исследовательского интереса, появившегося в ходе изучения сборника, целевая направленность которого как вида издания не предполагает широких библиографических списков, свойственных указателям.

Структурно книга поделена на предисловие, в котором составители представляют развернутый комментарий по проделанной работе, список сокращений, подборку исторических документов, указатели, перечень публикуемых документов, что является особенным удобством в исследовательском поиске по подобным сборникам документов.

В «историко-археографическом предисловии» составители представили краткую, но насыщенную и хорошо аргументированную картину истории Джигетии. Этносоциальные, этнополитические и этнокультурные аспекты проблемы рассмотрены в полном соответствии с ее историческим значением.

Скрупулезное источниковедческое ознакомление читателя с собранным корпусом источников и их группами обычно не принято

в подобного рода сборниках, но лично нам было бы интересно получить более полную информацию об эго-документах и их авторах во многом в силу того, что представленные в них сведения очень подробны и невольно вызывают желание узнать, откуда авторы-иностранцы так хорошо знакомы с тайнами и мельчайшими деталями перипетий клановой борьбы джигетского общества.

Для успешного выполнения основной задачи сборника за базовый принцип отбора источников был принят выбор первостепенных по важности документов, содержащих информацию по ключевым проблемам истории Джигетии.

Подборка документов осуществлена по хронологическому принципу. Проблемно-хронологическое построение, на наш взгляд, вряд ли было бы успешным в силу численной скудости и групповой специфики источников. Так, воспоминания и рапорты настолько композиционно едины, что «выдергивание» из них проблемно-тематических блоков ослабит восприятие источника и, следовательно, снизит возможности его трактовки.

В издании собрано 82 документа из фондов Государственного архива Краснодарского края, Актов Кавказской археографической комиссии, записок путешественников, различных опубликованных документальных сборников.

Следует особо отметить комплексность представленных в хрестоматии материалов для рассмотрения и концептуального осмысления проблем истории Джигетии. Документальный материал разнообразен представленными явлениями, фактами и событиями, что показывает огромную и кропотливую работу составителей по выявлению массива документов и такого его отбора для публикации, при котором составители смогли показать разнообразную и противоречивую картину жизни джигетского общества, национально-освободительной борьбы джигетов в ходе Кавказской войны, взаимовыгодное сотрудничество между народами, механизмы их взаимодействия. Видовой и тематический состав отражают официальные рапорты, предписания, письма, отношения, донесения, приказы военных властей и гражданских учреждений, журналы военных действий и происшествий, записки путешественников. Умелый подбор источников позволяет провести их сопоставление.

Бесспорным достоинством книги стало и то, что ее страницы буквально «заселены» людьми – участниками событий.

Научно-справочный аппарат сборника, включающий перечень представленных документов, именной и географический указатели, позволяет быстро сориентироваться в широкой палитре его материалов.

Книга заставит читателя задуматься о том, что основные жители Причерноморья – славянские народы и народы Кавказа – способны к сплочению перед лицом глобальных вызовов вокруг России в силу как общности исторического пути с ней, так и современных условий глубокого взаимоуважения и дружбы между народами нашей страны. В то же время она приводит к пониманию необходимости очень четкой и продуманной национальной политики, стремящейся к сохранению и развитию огромного потенциала многонациональной страны, черпающей свою силу в единении с близкими ей народами и соотечественниками за рубежом. Россия уже потеряла в свое время целые народы, среди которых – джигеты, убыхи и многие другие. Почитая их память, мы не должны допускать более таких потерь, обратив самое пристальное внимание на близкие народы, ищущие нашей поддержки и дружбы, в т. ч. и малые, среди которых есть и русины (Суляк 2008: 32).

Книга вызывает несомненный интерес даже у неискушенного в этой теме исследователя. Думается, будет она полезна и специалистам по проблематике этнической истории Причерноморья, Кавказской войны. Бесспорное уважение к исторической памяти малых народов, сочетаемое у составителей с подробным и объективным подбором исторических документов, сделает книгу и прекрасным пособием, достойным использования в образовательной практике.

Рецензируемый сборник документов во многом уникален. Его составители провели значительную работу по выявлению и изучению огромного массива документов и материалов. Представленные в сборнике сведения заполняют существенные лакуны в информационном поле истории Джигетии. Надеемся, что коллектив составителей сможет продолжить работу по введению в научный оборот источников по истории других малых народов Причерноморья и издать востребованную серию сборников, создающих полноценную картину этнической истории многонационального региона в яркой мозаике социально-политических и экономических преобразований мировой истории.

ЛИТЕРАТУРА

Суляк 2008 – Суляк С. Русины: уроки трагической истории // Русин. 2008. № 3-4. С. 7-34.

Черкасов 2015 – Черкасов А.А., Иванцов В.Г., Устинович Е.С., Молчанова В.С. Россия и Черкесия: проблемы взаимоотношений и их особенности (конец XVIII - первая половина XIX в.) // Русин. 2015. № 4 (42). С. 53-65.

Documents 2016 – Documents and Materials on the History of Jigetiá Spanning the Period from 1750 to 1868 (A collection of documentary materials) / Under the editorship of A.A. Cherkasov. Sochi: Academic Publishing House Researcher, 2016. 267 p.

Cherkasov et al. 2016a – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S. Demographic characteristics of the aristocratic Abkhazia in 1800-1860 years // Былые годы. 2016. № 39 (1). С. 53-66.

Cherkasov et al. 2015a – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. Heavy and special weapons across the territory of Black Sea coastline during the Caucasian war // European researcher. Series A. 2015. № 10 (99). С. 650-657.

Cherkasov et al. 2016b – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The demographic characteristics of the Tribes of the Black Sea region in the first half of the XIX century // Былые годы. 2016. № 40 (2). С. 382-391.

Cherkasov et al. 2015b – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S. The moving of the Ubykhs to the Russian service as a result of the peace initiatives in the first half of the 1840s years // Былые годы. 2015. № 37 (3). С. 541-548.

Cherkasov et al. 2015c – Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Smigel M., Molchanova V.S. Ethno-demographic processes in the North-East Black Sea area in the 19th- early 21st centuries (through the example of Greater Sochi) // Былые годы. 2015. № 36 (2). С. 276-281.

Cherkasov et al. 2015d – Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S. Jikis and Jiketi in conditions of war and peace (1840-1860 years) // Былые годы. 2015. № 38 (4). С. 888-893.

Cherkasov et al. 2014 – Cherkasov A.A., Šmigel' M., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S. Hillmen of the Black Sea province (early XIX century): geography, demography, antropology // Былые годы. 2014. № 32 (2). С. 150-154.

Ivantsov et al. 2015 – Ivantsov V.G., Cherkasov A.A., Tarakanov V.V., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. Russian and foreign authors of the late 18th- 19th centuries on the North-West and Central Caucasus (the historiographical and historical aspects) // Былые годы. 2015. № 35 (1). С. 70-80.

REFERENCES

Sulyak, S. (2008) Rusins: Lessons of a Tragic History. *Rusin*. 1. pp. 7-34 (In Russian).

Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Ustinovich, E.S. & Molchanova, V.S. (2015) Russia and Circassia: the problems of mutual relations and their features (the late 18th – the early 19th centuries). *Rusin*. 4. pp. 53-65 (In Russian).

Cherkasov, A.A. (ed.) (2016) *Documents and Materials on the History of Jigetiya Spanning the Period from 1750 to 1868 (A collection of documentary materials)*. Sochi: Academic Publishing House Researcher.

Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Shmigel, M. & Molchanova, V.S. (2016) Demographic characteristics of the aristocratic Abkhazia in 1800-1860 years. *Bylye Gody*. 1 (39). pp. 53-66 (In Russian).

Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M. & Molchanova, V.S. (2015) Heavy and special weapons across the territory of Black Sea coastline during the Caucasian war. *European researcher. Series A*. 10 (99). pp. 650-657. DOI: 10.13187/er.2015.99.650

Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M. & Molchanova, V.S. (2016) The demographic characteristics of the Tribes of the Black Sea region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 2 (40). pp. 382-391 (In Russian).

Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Ustinovich, E.S., Kryukova, N.I. & Molchanova, V.S. (2015) The moving of the Ubykhs to the Russian service as a result of the peace initiatives in the first half of the 1840s. *Bylye Gody*. 3 (37). pp. 541-548 (In Russian).

Cherkasov, A.A., Menkovsky, V.I., Smigel, M. & Molchanova, V.S. (2015) Ethno-demographic processes in the North-East Black Sea area in the 19th – early 21th centuries (a case study of Greater Sochi). *Bylye Gody*. 2(36). pp. 276-281 (In Russian).

Cherkasov, A.A., Shmigel, M., Bratanovskii, S.N. & Molchanova, V.S. (2015) Jikis and Jiketi in conditions of war and peace (1840–1860). *Bylye Gody*. 4 (38). pp. 888-893 (In Russian).

Cherkasov, A.A., Shmigel, M., Ivantsov, V.G., Ryabtsev, A.A. & Molchanova, V.S. (2014) Hillmen of the Black Sea Province (early 19th century): Geography, demography, anthropology. *Bylye Gody*. 2 (32). pp. 150-154 (In Russian).

Ivantsov, V.G., Cherkasov, A.A., Tarakanov, V.V., Molchanova, V.S. & Natolochnaya, O.V. (2015) Russian and foreign authors of the late 18th – 19th centuries on the North-West and Central Caucasus (the historiographical and historical aspects): Part 1. *Bylye Gody*. 1 (35). pp. 70-80 (In Russian).

Марсумов Тимур Альбертович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории мировых цивилизаций Международного сетевого центра фундаментальных и прикладных исследований (Россия).

Magsumov Timur – International Network Center for Fundamental and Applied Research (Russia)

E-mail: nabonid1@yandex.ru

УДК 94(495)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/45/18

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
В.В. ВАСИЛИКА «ЦЕРКОВЬ И ИМПЕРИЯ В
ВИЗАНТИЙСКИХ ЦЕРКОВНО-ПОЭТИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКАХ» (СПБ.: АЛЕТЕЙЯ, 2016. 640 с.)

С.Г. Суляк

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Авторское резюме

В рецензии рассматривается содержание работы Санкт-Петербургского историка В.В. Василика «Церковь и империя в византийских церковно-поэтических памятниках». В монографии исследуются церковно-поэтические тексты конца I - X в. Ставится проблема историзма в византийской гимнографии, описываются разные стороны жизни церкви и империи. Работа состоит из двух частей: «Отражение церковной жизни в византийской гимнографии» и «Отражение жизни Византийской империи и византийского общества в восточнохристианских поэтических памятниках». В последней автор проводит параллели с Древней Русью. Он сравнивает двух реформаторов церкви - св. Константина и св. Владимира, храм св. Апостолов и Десятинную церковь.

Ключевые слова: церковь, империя, Византия, святой Владимир, святой Константин.

REVIEW: VASILIK V.V. THE CHURCH AND EMPIRE IN THE BYZANTINE ECCLESIASTIC POETRY. ST. PETERSBURG: ALETEYYA, 2016. 640 p.

S.G. Sulyak

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

The review discusses "The Church and Empire in the Byzantine Ecclesiastic Poetry" by a St. Petersburg historian V.V. Vasilik. The book is dedicated to the ecclesiastic poetry of the late 1st – 10th centuries. The author raises the problem of historicism in the Byzantine hymnography and describes various aspects of the life of the Church and Empire. The book consists of two parts: the first analyses the church life as reflected in the Byzantine hymnography and the second dwells on the life of the Byzantine Empire and society as described in the Eastern Christian poetic monuments. The author draws a parallel with the ancient Rus and compares two church reformers St. Constantine and St. Vladimir, the Church of the Holy Apostles and the Church of the Tithes.

Keywords: church, Empire, Byzantium, St. Vladimir, St. Constantine.

Книга В.В. Василика «Церковь и империя в византийских церковно-поэтических памятниках», изданная в этом году издательством «Алетейя», является, безусловно, значимым событием в современной византистике - и не только в литургических и богословских, но и в исторических исследованиях, хотя бы в силу того факта, что подобного монографического исследования нет ни на русском, ни на других языках. Она аккумулирует его труды более чем десятилетний период и является своего рода новым словом в исследовании византийской церковной поэзии. Конечно, вспоминаются труды его предшественников - Аверинцева (Аверинцев 1977; Аверинцев 1988), Веллеша (Wellesz 1961), Митцакиса (Μητσακίς 1986). Русскому читателю особо близки труды С.С. Аверинцева, чьим учеником считает себя автор (Василик 2006: 4). Именно Аверинцеву он стремится подражать как в методологии, так и в переводческом мастерстве.

И все же здесь ощущается разница времен и разница подходов. Во-первых, отпадает необходимость эзопова языка и бытия «между изъяснением и прикровением», согласно удачному выражению того

— НОВАЯ ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА —

— В. В. ВАСИЛИК —

ЦЕРКОВЬ И ИМПЕРИЯ

В ВИЗАНТИЙСКИХ
ЦЕРКОВНО-ПОЭТИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКАХ

же Аверинцева (Аверинцев 1983: 223). Во-вторых, может быть, мы не увидим у Василика столь широких параллелей с новой европейской немецкой культурой и философией, как у С.С. Аверинцева, зато у него присутствует мощный патристический базис и проверенный исторический подход.

Методология автора весьма разносторонняя. Особенно ему удается герменевтический метод, который он блестяще демонстрировал на страницах «Русина» (Василик 2013а: 136-148). Метод библейских тематических ключей, впервые предложенный Пиккио, также удачно применяется авто-

ром, особенно в главе, посвященной гимнографии Апокалипсиса и восстанию Ника. Отметим, что этот же метод автор успешно использовал на совершенно ином материале — Галицко-Волинской летописи, практически доказав его универсальность (Василик 2013b: 121-130).

Автор умеет выдвигать дерзкие гипотезы и достаточно аргументированно их обосновывать. Так, смелой и в то же время доказательной является его теория относительно того, что у истоков восстания Ника стояли нехристианские общины и сообщества в Константинополе — иудеи, самаритяне, манихеи (Василик 2016: 431-446). Особо следует отметить разнообразие тем, которых касается автор. Это образы правителей, правовая традиция, войны, мятежи, землетрясения... В то же время следует отметить их удачный выбор и перспективность. Так, изучение землетрясений способно пролить свет на целый ряд катастроф как Средневековья, так и Нового времени. Многие ученые считают, что именно великие землетрясения VI - начала VII в. подготовили появление и торжество ислама (Guidoboni 1994: VII-XII). Среди более близких нам по времени примеров стоит привести Лиссабонское землетрясение 1755 г., подготовившее кризис католицизма

во второй половине XVIII в. и Великую Французскую революцию. И те наблюдения, которые сделал автор касательно землетрясения 551 г., в особенности относительно «греховного инфантилизма» жителей Финикии, устремившихся за добычей из разбитых кораблей, когда надо было бежать подальше от моря (Василик 2016: 470-475), действительно обладают подлинной научной новизной и характеризуются реальным проникновением в византийскую ментальность.

Лично для меня особый интерес представляет раздел, посвященный образу святого равноапостольного Владимира как нового царя Константина в богослужебных текстах, тем более что он является продолжением статьи, недавно опубликованной в журнале «Русин» (Василик 2015: 321-333). Автору удалось провести доказательные параллели между двумя великими религиозными реформаторами. Они особо убедительны, поскольку опираются не только на богослужебные тексты, но и на гомилетические - на «Слово о законе и благодати». Важно, что автор не останавливается на формально-функциональном сходстве Константина и Владимира как крестителей своих стран, но выделяет общность их духовных характеристик как искренне уверовавших христиан, отчески относившихся к своим подданным. Заслуживают внимания сопоставления храма Святых апостолов в Константинополе и Десятинной церкви, образ нового Давида и Соломона, примененный и к св. Владимиру, и св. Константину.

Следует признать, что книга В.В. Василика является весьма солидным и глубоким исследованием. Пожелаем автору дальнейших успехов в его научном творчестве, а читателям - приятного и полезного чтения.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев 1977 - *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977. 1977.

Аверинцев 1983 - *Аверинцев С.С.* Между «изъяснением» и «прикровением»: ситуация образа в поэзии Ефрема Сирина // Восточная поэтика: Специфика художественного образа / Отв. ред. П.А. Гринцер. М.: ГРВЛ «Наука», 1983. С. 223-260.

Аверинцев 1988 - *Аверинцев С.С.* От берегов Босфора до Евфрата. М.: Наука, 1988.

Василик 2006 - *Василик В.В.* Происхождение канона. История. Богословие. Поэтика. Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006.

Василик 2013а - *Василик В.В.* Эсхатологические представления в Галицко-Волынской летописи // Русин. 2013. № 1 (32). С. 136-148.

Василик 2013b - *Василик В.В.* Тема Нового Иерусалима в Галицко-Волынской летописи // Русин. 2013. № 2 (32). С. 121-130.

Василик 2015 - *Василик В.В.* Святой равноапостольный Владимир как новый Константин // Русин. 2015. № 4 (42). С. 321-333. DOI: 10.17223/18572685/42/21

Василик 2016 - *Василик В.В.* Церковь и империя в византийских церковно-поэтических памятниках. СПб: Алетейя, 2016.

Guidoboni 1994 - *Guidoboni E.* Catalogue of Ancient Earthquakes in the Mediterranean Area up to the 10th Century. Rome: Istituto Nazionale di Geofisica, 1994.

Μητσακης 1986 - Μητσακης Κ. Βυζαντινη υμνογραφια και ποιησις. Θεσσαλονικη: 1986.

Wellesz 1961 - *Wellesz E.* The Byzantine hymnography and music. Oxford: Oxford University Press, 1961.

REFERENCES

Averintsev, S.S. (1977) *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [Poetics of the early Byzantine literature]. Moscow: Nauka.

Averintsev, S.S. (1983) Mezhdru "iz"yasneniem" i "prikroveniem": situatsiya obraza v poezii Efrema Sirina [Between the "explanation" and "covert": The situation of the image in the poetry of Ephrem the Syrian]. In: Grintser, P.A. (ed.) *Vostochnaya poetika: Spetsifika khudozhestvennogo obraza* [The Eastern poetics: The specificity of the artistic image]. Moscow: Nauka. pp. 223-260.

Averintsev, S.S. (1988) *Ot beregov Bosfora do Evfrata* [From the Bosphorus to the Euphrates]. Moscow: Nauka.

Vasilik, V.V. (2006) *Proiskhozhdenie kanona. Istoriya. Bogoslovie. Poetika* [The origin of the canon. History. Theology. Poetics]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Vasilik, V.V. (2013a) Eskhatologicheskie predstavleniya v Galitsko-Volynskoy letopisi [Eschatological ideas in the Galician-Volynian Chronicle]. *Rusin*. 1 (31). pp. 136-148.

Vasilik, V.V. (2013b) Tema Novogo Ierusalima v Galitsko-Volynskoy letopisi [The theme of the New Jerusalem in the Galician-Volynian Chronicle]. *Rusin*. 2 (32). pp. 121-130.

Vasilik, V.V. (2015) The image of St. Prince Vladimir as a new Constantine. *Rusin*. 4 (42). pp. 321-333 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/21

Vasilik, V.V. (2016) *Tserkov' i imperiya v vizantiyskikh tserkovno-poeticheskikh pamyatnikakh* [The Church and Empire in the Byzantine Ecclesiastic Poetry]. St. Petersburg: Aleteyya.

Guidoboni, E. (1994) *Catalogue of Ancient Earthquakes in the Mediterranean Area up to the 10th Century*. Rome: Istituto Nazionale di Geofisica

Μητσακης, Κ. (1986) *Βυζαντινή υμνογραφία και ποιησις* [Byzantine hymnography and poetry]. Thessalonika.

Wellesz, E. (1961) *The Byzantine hymnography and music*. Oxford University Press.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований Томского государственного университета (Россия), президент Общественной ассоциации «Русь» (Молдова).

Sulyak Sergey – Tomsk State University (Russia), Association “Rus” (Moldova).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

Основан в 2003 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2016, № 3 (45)

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинев, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

- 260 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»: <http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 26.09.2016. Формат 60x90 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 400 экз.

Заказ 128.

Отпечатано в типографии АО «Реклама».
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

**В 2016 году международный исторический журнал
«Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».**

МЫ В БОЙ ИДЕМ (Из старых песен борьбы)

Ю.А. Яворский

С врагами родины святой,
С рабов отступной чередой,
С изменой, ложью и со злом –
Мы в бой идем!

Хоть слабы мы и мало нас,
Хоть всякий день и всякий час
Теряем братьев по пути,
Мы в бой идем, враги!
Пусть тот упал, пусть этот мертв,
Мы знаем: нет побед без жертв,
Победа лишь в крови.

А души гибнущих в бою
Всю силу мощную свою
Оставят нам и в нашу грудь
Свой чистый пламень перельют.

Юлиан Андреевич Яворский (1873, с. Бильче, Восточная Галиция, Австро-Венгрия (ныне Николаевский район Львовской области Украины) - 1937, Прага). Обучался в Дрогобычской гимназии, затем в Самборской и во Львовской, из которой был исключен за чтение русских книг во время уроков. Аттестат зрелости получил в Ясле. Из Львовского университета был отчислен за участие в студенческой демонстрации против наместника гр. Бадени. Был исключен из Венского университета и арестован за организацию демонстрации против галицко-русского униатского митрополита кардинала Сильвестра Сембратовича. Университет окончил в Черновцах, степень доктора славянской филологии получил в Венском университете. Поэт, критик, этнограф, ученый и общественный деятель. Перу Яворского принадлежит около сотни научно-литературных трудов. Во время Первой мировой войны вместе с В.Ф. Дудыкевичем организовал в Киеве Карпато-русский освободительный комитет.

Источник: Ваврик В.Р. Краткий очерк галицко-русской письменности. Лувен, 1973. С. 61.

И не всколеблет смерти гром
Душевной силы ни в одном;
Пока один из нас живет
И стяг народный понесет,
Мы смело в бой пойдем!

И поклянемся жизнь отдать
За Русь святую, нашу мать,
За наш народ и отчий дом...
Друзья, враги, мы в бой идем!

Источник: Прикарпатская Русь.
Издание Карпато-русского освободительного комитета [Киев]. № 1.
10 августа 1914 г. С. 2.

РУСЬ